

Священник Георгий Кочетков: Из проповедей после вечерней молитвы

Проповедь

Слово под сретение господне. О первенстве

Дорогие братья и сестры! Праздник Сретения — для нас особый праздник. И вы, я надеюсь, это хорошо помните. Сейчас я стоял на вечерне в Сретенском монастыре, в соборе, и вспоминал наши службы разных лет на Сретение. Молиться теперь там трудно, если не невозможно. Там явен лишь апофеоз служения культа, или культу. Это тяжелое дело и для нас вряд ли приемлемое. Но для нашего Братства праздник Сретения остается великим праздником, и не случайно с самого начала одна из икон в этом зале — икона Сретения Господня. Так вот, дорогие братья и сестры, что же нам сегодня, в этот праздничный день, говорит Господь? Он, наверное, спрашивает, как обычно, вопрошает нашу совесть: «А мы готовы к сретению Господа, ко встрече Его? А мы готовы к сретению ближних, ко встрече их, или нет?» Человек всегда хотел бы повторить слова апостола Павла: «Имею желание разрешиться и быть со Христом». Но вспомните, что дальше сказал апостол Павел. Он, который совсем не жалел этой своей земной жизни, был, однако, согласен остаться на земле с ее страданиями и бедами, поскольку это было нужно для других, поскольку это «нужнее для вас» — как сказал он своей общине, если хотите, своему братству. Ведь в древности, в древней Церкви, христианская община была одновременно и братством. И не могло быть какого-то отдельного братства, отдельного от общины. Точно так же как миссия, и особенно катехизация, были связаны с общиной. Катехизация вне общины не совершалась. Это у нас сейчас все специализировано: отдельно оглашение, отдельно братство, отдельно приход, отдельно община. В нормальном случае все это должно быть вместе, едино. Для чего, дорогие братья и сестры, нужно это братское единство? Как раз для того, чтобы мы были готовы к сретению Господа, чтобы и нам быть среди первенцев, ибо тогда Сам Господь избирает Себе первенцев. Да, Господь хочет, чтобы каждый из нас был первым! Это удивительное желание Господа нам понятно, потому что в Писании сказано, что все первое принадлежит Богу, как и Сам Господь наш Иисус Христос должен быть всегда во всем первым, Он же — первенец из мертвых. И поэтому замечательно то, что сегодня мы празднуем еще Воскресение Христово. В этом году редкое сочетание праздника Сретения с воскресным днем. И вот сейчас, слушая паримию, я вдруг нашел еще одно звено, которого мне всегда не хватало для понимания этих вещей. Не просто со времен египетского плена избрал для Себя Господь первенцев, Он ведь и Адама уже назвал первенцем. И Адам был первенцем, значит и всякий человек во всем должен был быть первенцем. Таким образом, мы можем сказать, что каждый из нас призван, именно призван Богом с тех самых Адамовых времен к первенству. Так что первенство Божие выражает себя в первенстве человека, а первенство человека являет, открывает нам тайну первенства Божьего. Поэтому-то Богу оно и нужно. Другое дело, мы можем спросить: «Что такое первенство?» Мы ведь не забываем с вами, конечно, слов Писания, которое говорит нам, что «Бог гордым — искусственно делающим себя первыми — противится, а смиренным дает благодать». Кто сам себя ставит на первое место, не став первым, кто восхищается себе венец первенства, не заработав его, не прийдя к финишу первым, тот отвергается Богом. И еще говорится в связи с этим: «кто хочет быть первым, будь из всех последним», и «будь всем слугою», и «многие будут первые последними, а последние — первыми». Знаете, дорогие братья и сестры, удивительный опыт даровал нам Господь в тех гонениях, которые мы с вами переживаем вместе со всем нашим Братством и со всеми братьями и сестрами из разных епархий, из разных церквей, из разных стран. Господь дал нам возможность освободиться для этого первенства, Он дал нам

возможность на первое место поставить Бога, и кто этого не сделает, тот не выдержит гонений, тот не вытерпит, тот предаст, если не других, то себя пред лицом Господним. Господь нам напоминает: «блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Него». Мы это много раз слышали, но не вполне понимали. Господь нам снова напоминает о том, что «изгонят вас из синагог». Мы и это много раз слышали. Можно стать приобщенными, причащенными ко Христу, можно стать живым членом Его, причастником Его Тела и Крови как раз быстрее тогда, когда тебя «из синагог», из храмов изгонят, сколько бы ты ни трудился над ними, сколько бы их ни открывал. Нам жалко по-человечески всего этого, однако мы должны и здесь отдать первенство Богу, чтобы Он Сам открыл нам тайну Своего первенства и признал нас Своими. В этом самый глубокий смысл праздника Сретения Господня, дорогие братья и сестры! А мы так часто до него не доходим. Мы все по-детски, лубочно воспринимаем евангельские рассказы, как будто за лубочной детской Библией ничего больше нет. Нам с вами, дорогие братья и сестры, в этот день Сретения Господня нужно отринуть всякое ложное первенство, и свое, и чужое, все то первенство, которое не доходит до Неба, которое принято Богом не будет и которого Бог не назовет Своим. А чтобы первенство Божие нам внести в свою жизнь, нужны усилия, огромные усилия — усилия Божьи и усилия наши. В древнем Израиле давали выкуп за первенство. Это и было знаком того самого усилия. Мы с вами слишком часто преступно расслаблены и поэтому уступаем «великодушно» дорогу всякому ложному первенству, особенно если оно нарядит себя и возвеличит разными титулами, мирскими или церковными. Мы уступаем место силам не божеским, хотя Писание нам говорит: «Не давайте места диаволу». Действительно, сила зла — это сила. А если мы будем почитать любую силу, не разбираясь, какова она, откуда и куда идет, то мы предадим Божью силу и сами ослабеет, и других подведем. У нас не может быть никакого другого желания, кроме желания быть первыми. «Так бегите, — говорит апостол Павел, — бегите, чтобы получить» венец. Мы боимся этих слов, потому что мы слабы, потому что мы расслаблены. Мы готовы себя прикрыть ложным толкованием слов Спасителя о том, что «последние станут первыми». Мы с удовольствием становимся в очередь последними и уступаем место каждому — лишь бы до нас не дошло, чтобы нам не делать выбор в этом мире, чтобы нам ни за что не отвечать, чтобы нам не рисковать, не дерзать. Но без дерзновения, как известно, нет подлинного смирения, как без подлинного смирения мы не можем получить от Бога благодать, без которой не может быть никакого дерзновения для принесения плодов, достойных Бога и человека. А мы часто лжем себе и раздваиваемся, мы часто лжем другим и раздваиваем, и искушаем их. Мы часто отказываемся от своего призвания быть первенцами Божьими, избранными Христом. Да не будет этого с нами, дорогие братья и сестры! Сейчас, когда мы готовимся к Великому посту, давайте же вспомним, что нам открывает праздник Сретения Господня. Давайте пожелаем этой встречи с Господом, чтобы ничто другое не отвлекало нас. А встретить Господа можно и в лице больного, которому ты помог. Встретить Господа можно в лице врага, которого ты возлюбил. Встретить Господа можно и в тайнстве, и в молитве, и делая многое своими руками, и помогая другим, созидая общины, братства, помогая приходам, помогая людям освободиться в конце концов от страха и ложного смирения, как и от дерзости, от гордыни, поражающей многие сердца. Будем же, дорогие братья и сестры, без ложного страха идти за Господом. Будем стараться быть Ему верными, ибо только эта верность есть доказательство Православия нашей веры. Это Православие не в доктринальных формулах и философских тонкостях тех или иных понятий, это Православие и в словах, и в делах, и в мыслях верных Богу Его чад. Будем же, дорогие братья и сестры, наполняться духом веры, которая призывает нас всегда в глубину тайны Встречи, к Сретению, и в глубину тайны Общения, которым мы также должны исполняться, наполняться и наполнять всю нашу жизнь во славу Божью. Аминь.

Слово в неделю о Страшном суде

Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Братья и сестры, христиане! Как удивительно то наследие,

которое нам досталось в Церкви! Можно только поражаться тому, насколько оно велико и насколько трудно мы его усваиваем. Тому пример и сегодняшний день. С одной стороны, мы празднуем Воскресение Христово, и главный праздник сегодня — это праздник Воскресения, это та Пасха, которую мы празднуем каждую неделю. Восьмой день недели или первый день недели всегда в христианской традиции посвящен Воскресению. И мы должны запомнить это на всю жизнь. Идет ли пост или празднуется память какого-либо святого, любого святого, любого, даже Божьей Матери, или празднуются даже самые большие праздники — Благовещение, Успение, если они попадут на воскресенье, все равно главным праздником в этот день будет Воскресение. Превозмочь празднование Воскресения способно только несколько праздников в году, которые называются двенадцатыми Господскими, т.е. двенадцатыми, посвященными непосредственно Христу. Вот они действительно полностью отменяют в воскресенье воскресную службу. Все остальные праздники должны сочетаться по уставу при главенстве праздника Воскресения. Итак, сегодня — воскресенье, и я вас поздравляю с Воскресением Христовым! Кроме же празднования еще памяти многих святых, как это всякий день у нас обычно бывает, мы празднуем сегодня — ну, как празднуем? — вспоминаем, вспоминаем Страшный суд, постольку поскольку приближается Великий пост. Это одно из традиционных подготовительных воспоминаний Великого поста. Но если мы вспомним еще один пласт предания, вспомним, откуда взялся в нашей церкви сам Великий пост, то нам будет еще интереснее об этом размышлять, потому что появился-то он в связи с тем, что в Церковь входили новые люди, которые оглашались, которые избирались к Пасхе на Крещение, и это их второе оглашение шло два месяца. Начиналось оно до Великого поста, немного загодя, как раз в те недели, которые теперь предшествуют Великому посту. В одних случаях — с той недели, которую мы называем масленицей и которая наступит с завтрашнего воскресного вечера, в других случаях — чуть раньше, а в некоторых случаях — чуть позже, с самого Великого поста. Но как бы то ни было, мы сейчас должны вспомнить еще и о тех, кто воцерковляется, кто оглашается, и о том, что воспоминание Страшного суда, которое нам теперь предлагается, связано еще с Божиим призывом по отношению ко всей церкви, по отношению к тем, кто в нее ныне входит каким бы то ни было образом. Через покаяние ли входит в нее человек, через оглашение ли, через очищение ли всякого рода нечистоты — это все равно связано с воспоминанием, которое позволяет нам познать благодать Божию. К сожалению, Страшный суд стал для многих, простите, почти пугалом. И в средневековье относились очень серьезно к адским мучениям, к Страшному суду — именно как к страшному, ужасному суду. «Dies irae», т.е. «День гнева» по-латыни, веками гремело в храмах западной церкви. И тем не менее мы знаем тайну Страшного суда. Для всех любящих Бога Страшный суд — это благодатный суд, это суд, который позволяет победить Любви Божьей, который позволяет и нам надеяться на то, что зло, даже если оно временно одерживает какие-то победы, в конечном счете будет побеждено. Тем самым мы с вами всегда можем надеяться на лучшее и жить этой верой и надеждой. А это великий дар Божий, дорогие братья и сестры! Посмотрите, мы ведь очень часто не считываем в Евангелии какие-то важнейшие вещи, связанные с тайной Креста Христова, связанные с тем, что этот Крест не отделим от Христовой Любви. А если любовь в этом мире не принимается, если она гонится, то человек, который оказывается жертвой этих гонений, должен знать: Бог будет с ним, откуда бы его ни изгоняли, даже из церковных общин и зданий. Как говорит нам Евангелие: «Изгонят вас из синагог», и еще так говорит нам Господь: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня». Мы должны понимать, что это говорится Господом для того, чтобы мы чувствовали себя свободными и знали: Бог победит. Победит силой Своей Любви, силой Своего Креста, и никак и никогда иначе. Мы должны это чувствовать, дорогие братья и сестры, и мы не должны ничего в мире бояться, ибо мы не должны зависеть только от человеческого произвола, каким бы он ни был и от кого бы ни исходил. Господь наш Иисус Христос в подобных же случаях не отрекался ведь от ветхозаветной церкви и не громил ее, однако прямо и смело говорил всем ученикам: «Берегитесь закваски фарисейской и саддукейской». Значит, Он

говорил это и о священниках! И еще говорил о них: «Все, что они велют вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте». Относится ли это к служителям новозаветной церкви? Думайте сами, дорогие мои, смотрите трезво. «Многие облечены саном, — говорил святой Григорий Богослов, — да не все имеют благодать». Поэтому, как он сказал, «не трепещите перед высотами сана». Это для нас предупреждение, и в этом для нас тоже есть путь освобождения. В конце концов, и сакраментальное, и мистериальное служение в церкви, в нормальном случае столь естественное и необходимое в ней и столь неотъемлемое от нее, имеет своей целью приобщить человека к Тайнам Божиим — к Божьей Любви, к Божьей Вере, к Божьей Жизни, к Божьей Надежде. Мы знаем, что говорили святые последних времен: «Можно причащаться у людей, а у Бога остаться непричащенным». А можно ведь и наоборот! И это мы тоже знаем на примере наших святых, таких как св. Иоанн Русский исповедник. Если, по независящим от человека обстоятельствам, он не может причащаться мистериально и сакраментально, но будет тем не менее приобщен к тем же тайнам Божиим — он спасается. Таким образом, нет у человеческого произвола власти отлучить нас от Бога во Христе. И не случайно же апостол Павел восклицает: «Кто отлучит нас от любви Божией?... Ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божьей во Христе Иисусе, Господе нашем». И для нас это очень важно! Нам Господь напоминает это, потому что мы об этом забыли, потому что мы слишком хорошо устроились в историческом своем бытии, культурном своем бытии, национальном своем бытии. Слишком хорошо мы устроились, слишком удобно, слишком красиво, так, что Крест Христов уже почти упразднен этой нашей красотой! Ведь как часто люди приходят в церковь только для того, чтобы наслаждаться эстетикой той или иной. И ценят храмы и духовную жизнь по тому, красиво это или некрасиво: как поют, как пишут иконы, какие слова говорят. Но забывают при этом, что можно и иконы писать во всех древних стилях, и петь так же, и чины соблюдать древние, и отцов цитировать — и быть далеким от Бога. «Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного». Эта неотъемлемая часть евангельской проповеди связана со Страшным судом, Судом Христовым, с Его новым Пришествием, с Его, точнее сказать, Присутствием в полноте в этом мире, как мире, созданном Богом. Как нам, дорогие братья и сестры, в этот день воспоминания того Суда не возрадоваться Божьей любви и благодати, как и промыслу Божьему, который оставляет человеку надежду в любой ситуации, который никогда не позволяет никакого человека на земле загнать в угол! Нет власти ни у одного человека прижать живого христианина так, чтобы он потерял свою свободу, чтобы он потерял свою любовь, чтобы он потерял богооткровенную истину. Нет такой власти — ни у священников, ни у епископов, ни у патриархов, ни у пап, ни у кого, ни у соборов, местных или вселенских. Нет этой власти ни у христианской культуры, ни у других сил внешней традиции. Мы должны с вами понять, что Господь нам сказал об этом недвусмысленно. А то мы в нашей церковной жизни слишком часто становимся политиками, мы часто определяем свою жизнь оглядкой назад, еще не успели как взяться за плуг. При этом мы часто забываем, насколько это неуютно Богу, насколько мы при этом грешим, переходя меру возможного для нас компромисса. Как прекрасно время Великого поста! Как замечательна реальность духовной жизни, данная нам в Церкви, в Церкви Христовой! Но мы должны думать о том, как не выпасть из этой реальности. Вот для этого каждый год мы и готовим себя к Великому посту и потом проходим подвиги поста. Для этого мы особо вспоминаем в эти дни и оглашаемых, и просвещаемых, и кающихся, и нечистых, и тех, кто призван к спасению, но еще его, по сути, не обрел. Пророки говорили нам о том же. Сегодня вы слышали паримию из Книги пророка Исаи: «Приготовьте путь Господу... Поднимайте, поднимайте, ровняйте путь, убирайте преграду с пути народа Моего». Пусть же, дорогие братья и сестры, эта высота пути станет для нас реальностью. Мы так редко говорим об этом прямо и высокому пути христианской жизни, мы так мало заботимся об этом, оправдываясь самыми разными способами: мол, все грешны, мол, кто может хвалиться. И пусть, дорогие братья и сестры, эта реальность, реальность пути Христова, который высок, и прям, и ровен,

пусть эта реальность будет нашей повседневной реальностью. Вспомним еще и еще раз, что готовясь к посту, мы готовимся не к тому или иному образу внешней жизни, мы не просто хотим перейти на диету или освободить свою плоть от лишних забот и хлопот, ограничивая себя в мясе, молочной и другой пище или в брачных отношениях, но мы думаем о том, как нам быть с Господом, как нам не предать путь Христов. И так, дорогие братья и сестры, будем молиться о том, чтобы призыв Христов был услышан нами и всей церковью, потому что церковь имеет великую нужду в очищении и исцелении. Потому что церковь имеет великую нужду в слышании слова Господа. Пока не будет в нас этой жажды слова, пока не возникнет в нас эта ценность, величайшая ценность питания свыше, до тех пор мы не найдем в себе сил для возрождения полноты церковной жизни. Будем же стараться служить этому Божьему делу, чего бы нам это ни стоило, каких бы трудов и страданий нам это ни стоило. Да, иногда это бывает связано с тем, о чем предупреждал нас Господь, — с гонениями, с хулениями, с поношениями, с проклятиями, с озлоблением, с явлением духов злобы поднебесной. Но и здесь не будем отчаиваться, зная слова Писания: «Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной». Пусть же подвиг нашего сердца будет связан с подвигом всей Церкви, чтобы не отъединяться нам от нее, чтобы не думать только о своем, чтобы знать, что и мы призваны в ней к служению Богу и ближнему. Аминь.

Слово в Прощеное воскресенье

Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Братья и сестры, христиане! Сегодня для нас день особый — день, когда мы встречаем Прощеное воскресенье как день долгожданный, как день радостный, хотя и трудный. Мы хорошо понимаем, что это значит в наших современных условиях. Мы хорошо понимаем, как важно войти в пост с полным прощением. И хотя, я надеюсь, здесь нет людей, которые держали бы на сердце такую обиду на кого бы то ни было на земле, что нельзя было бы ее превозмочь, но не скроем, остатки старых ран и обид подчас дают о себе знать. Иногда вспоминаются такие ситуации в жизни, которые когда-то нас особенно ранили или показались нам особенно несправедливыми — даже в той чреде несправедливостей, которыми наполнена жизнь всякого человека. И все же нам нужно снова и снова вспоминать о прощении, о том, что мы должны абсолютно выверить свой путь жизни, выпрямить его, ибо «простить» — значит «выпрямить». Святой Иоанн Предтеча призывал, вслед за древними пророками, приготовить дорогу Господу, прямыми сделать пути для Него. И конечно, дорогие братья и сестры, этот древний призыв не исчерпал себя, он остается для нас актуальным, он остается для нас призывом не только прошлого, но и будущего и настоящего. И нам нужно выпрямлять дорогу Господу, если мы хотим узреть Бога лицом к лицу, если мы хотим достичь той цели, которую каждый из нас осознает как цель своей жизни. Поэтому мы встречаем это Прощеное воскресенье как новый шанс, как новый дар, дар благодати, дар любви. И мы тоже хотим, чтобы эта любовь распространялась, преодолевая весь напор гнилой тьмы, которая окружает силы света и борется с ними. Мы хотели бы всегда принадлежать свету. Мы не хотели бы жить лишь на границе света. Поэтому от нас требуется усилие, усилие большое и серьезное, усилие веры. Наша вера такова, что она от нас требует только одного — этой чистоты, этой прозрачности, этой светлости, этой прямоты. Увы, так исказился путь людей на земле, что меньше всего они теперь верят в возможность такой жизни. Это безверие, к сожалению, свило свое гнездо и в видимых границах церкви. И не потому, что люди в ней не считают себя верующими, нет, они считают себя верующими, но они не верят в возможность победы веры, они как будто забыли слова Христа: «Сия есть победа, победившая мир, вера ваша». Нам с вами, дорогие братья и сестры, нужно сделать это усилие веры и усилие покаяния, ибо каждый из нас знает за собой то, в чем нужно каяться, и усилие продвижения света туда, откуда он был вытеснен силами тьмы за прошедший год. Нам нужно отвоевывать священную землю, нам нужно вести священную войну! Только мы должны не забывать о том, что в

отличие от газавата — это война духовная, это брань с духами злобы поднебесными, а не с плотью и кровью. Мы должны вести эту священную войну, будучи крестоносцами и богоносцами. Мы должны помнить о том, что апостол считал единственно возможной нормой для каждого верующего христианина, — сражаться, причем до крови. Да, кровь здесь имеется в виду, может быть, не натуральная. Здесь скорее имеется в виду то усилие и та жертва, без которых невозможно победить в такой войне, в таком сражении. Это правильно, дорогие братья и сестры. Только подумаем о том, что эта духовная кровь, наверное, дороже нашей физической, телесной крови. В связи с этим будем, дорогие братья и сестры, молиться теперь о нашем единстве, ибо спасение в одиночку невозможно. Будем молиться о единстве нашем с Церковью. Будем молиться и о тех, кто делал ошибки и совершал грехи. Будем молиться о тех, кто нас обижал и проклинал, кто на нас клеветал. Будем молиться, благословляя Бога за все. Будем преодолевать все немощи нашей плоти и нашего духа, потому что нам нужно еще возрастать в вере и укрепляться в духе, нам нужно возрастать в любви и укрепляться в правде. Мы ведь часто сами еще не можем служить тем примером, который был бы нужен людям для того, чтобы освободиться от тьмы, для того, чтобы их сердце смогло раскрыться Богу в свободе любви и веры. Будем же верить, дорогие братья и сестры, в то, что нет иного Бога, кроме Бога нашего, Который побеждает. Когда мы берем просфорку, то замечаем, что у нее на шляпке есть какие-то буквы по разным сторонам креста. Если вы присмотритесь, то увидите : ИС, ХС, НИ, КА. Что это означает? Это означает великую вещь, которую нам нужно исповедовать подобно Символу веры: «Иисус Христос — Ника», т. е. Победитель. Если мы будем исповедовать эту веру, то не будем колебаться тогда, когда надо выбирать между правдой и неправдой, между добром и злом, между красотой и безобразием, между истиной и ложью, между любовью и ненавистью, между свободой и рабством. Мы не будем колебаться, не будем искать компромисса, тем более что заранее знаем, что окончательно избежать тех или иных немощей, грехов и компромиссов нам все равно не удастся, даже если мы не будем их искать. Пока этот мир лежит во зле, мы не можем окончательно уйти от этого, однако если мы обращены к Богу и устремлены к Небесному Царству, к явлению Христа во славе, к новому миру, новому небу и новой земле, то также заранее знаем: будет это очищение, будет эта полнота, которую на земле достичь не удастся никому, даже великим святым, ибо Бог очищает, Бог восстанавливает утраченное, разрушенное, немощное, ибо сила Божия и поныне в немощи может совершаться и совершается. Не будем же бояться своих немощей, не будем бояться ничего, чем страшит нас этот мир. А он ведь нас пугает постоянно: а вдруг ты потеряешь работу, а вдруг ты потеряешь семью, а вдруг ты потеряешь здоровье, а вдруг ты потеряешь детей, а вдруг ты потеряешь Церковь, а вдруг ты потеряешь еще что-то, еще что-то, еще что-то — богатство, славу, уважение, почет, понимание. Нет предела тем фетишам и идолам, которых выставляет впереди нас этот мир только с одной целью — сбить нас с пути Божьего. Поэтому, дорогие братья и сестры, будем учиться жить по-христиански постоянно, всю нашу жизнь, благодаря Богу за эту возможность и в то же время со смирением сознавая, что цели до конца мы еще не достигли. И вот эта благодарность Богу, эта радость о Господе, соединенная с покаянием и со смирением, пусть принесет свой плод, пусть приведет к новому явлению Света, к новому явлению Жизни непрестающей, к новому явлению Любви и Свободы, которое мы ищем. Богатство мира, как мы знаем еще со времен оглашения, растет вместе с каждым новым богоявлением, вместе с каждым новым божественным откровением, вместе с каждым новым актом богопознания. Мы должны быть самыми лучшими стяжателями на земле, как призывают нас святые, говоря: «Цель христианской жизни есть стяжание Духа Святого». И мы скажем вместе с ними: «Цель нашей жизни есть стяжание этого Света, этой Любви и Радости, той силы Духа, которая способна преодолевать все искушения, все трудности, способна восстановить нас после всякого неловкого движения, приводящего к падению». Пусть же, дорогие братья и сестры, в нас всегда торжествует Бог. «Не давайте места диаволу», — говорит апостол. Так услышим же эти слова! Как и другое слово — из Послания к евреям: «Не будем оставлять собрания своего». Ибо так часто современные люди, собравшись даже в небольшую

группку, небольшую общинку, готовы при первом же искушении уйти, бросив всех и вся. Как часто в нас еще побеждают страсти, чисто мирские соображения и выгоды! Да не будет этого с нами, чтобы каждый из нас мог засвидетельствовать свою верность и жертвенность своей любви, которой прославляется Крест Христов и вместе с ним Сам воскресший Господь! Аминь.

Протоиерей Иоанн Конюхов: Испытайте самих себя, в вере ли вы? (2 Кор 18: 5)

Проповедь

Бог присутствует на всяком месте, и нет такого места, где бы не было Бога

Нынешнее человечество ищет Бога, ищет надлежащую форму веры в Бога, ищет Церковь, которая была бы действительным проводником Духа Святого, не удовлетворяется наличным состоянием веры — ищет всего этого тяжелым своеобразным путем отрицания, путаясь даже и в правильном толковании религиозных вопросов. Действительно, не Бог, не Христос, лежат в основе переживаемой трагедии жизни, а сами верующие, сами христиане. Надо не бежать от христианства, не бежать от жизни, а изучать их, углубляться и проникать в их содержание. Нужно понять глубину и серьезность тех требований или запросов жизни, которые предъявляются в церкви к вере. Что бы ни говорили, но человек, окруженный задачами практического существования, нуждается в том, чтобы его научили, как перестроить свою жизнь в согласии с тем, чтобы о духовной жизни ему снова напомнили живым и могучим словом, которое смогло бы потрясти его до самых глубин и обновило весь мир в его глазах. Нынче мы очень часто слышим зов вернуться к первохристианству. Правомерен ли такой призыв? Да, христианство первых веков, когда оно было так близко к самому Иисусу Христу, к Его ученикам, всем нам дорого своей красотой, своей духовной мощью. Но история никогда не знала буквального повторения событий. В случае же повторения уже пройденного христианство может пойти мимо жизни. Церковь может оказаться чем-то безжизненным и отвлеченным. Простое копирование первохристианства, имевшее место в отдаленные исторические эпохи, ничего не дало. Припомним хотя бы историю протестантства или историю движения так называемого евангелического христианства. К первохристианству апостольских веков, мучеников, апологетов нужно обращаться, нужно им жить, потому что в нем есть такие идеи, такая действительность, которая всегда должна быть вечной, которая никогда не умирает в христианстве и которая тогда особенно была выявлена в жизни. Христианство первых веков было сильно и замечательно своею глубокою верой в то, что кроме земли существует небо, вечная жизнь. Христос победил смерть — вот чем была сильна для них религия Богочеловека. Над этой уверенностью в вечной жизни за гробом, которая раскрывалась Христом, и нам нужно сильнее и сильнее задумываться. Бессмертие — факт, и оно есть та высшая жизнь духа, которая превышает пределы обычного сознания, которую мы уже ощущаем, когда бываем охвачены, например, бескорыстной симпатией к другому, когда погружаемся в созерцание Красоты и Истины. Любовь, свобода, красота возможны только тогда, когда есть иной, вечный мир. Первое христианство нужно изучить со стороны той веры в вечную жизнь, которою оно было так сильно. Верую св. Игнатия, верую мучеников в эту жизнь на небесах нужно одухотворить современную культуру, не отрицая ее, а помогая пронизать ее все больше и больше непобедимую мощью человеческого духа. Христианство первых веков было сильно верою в Крест Христов, верою в необходимость жертвы, подвига для блага мира. Не потому опять, что тогда была такая обстановка, когда христианство не признавали, гнали, а

потому что вообще мир весь лежит во зле, потому что силен эгоизм в человеке и это зло, эгоизм силится во что бы то ни стало убить добро, правду на земле. Пока в мире нет совершенства, все подчинено закону страдания. Это тайна мировой жизни. Но нужно уничтожить эти страдания, и эту возможность раскрывает образ Богочеловека Христа. Христос открыл человечеству единого истинного Бога, только Он определенно показал, что смысл жизни в самоотречении, в вольном отказе человека от эгоизма, в любви к другому. Крест распятого Христа сделал то, что после него человечество идет в своей жизни не по пути наименьшего сопротивления всему греховному порядку жизни, а наоборот — путем наибольшего сопротивления ему, и в образе вечно живого Христа, победившего смерть, оно имеет всегда силу для этого. Первохристианство было сильно именно этою интимною внутреннею близостью к Иисусу Христу, Который для них был жив, Который благословляя их, ушел на Небо — ушел для чего? Для того, чтобы приготовить там, на Небе, в вечном Царстве Отца место всем верующим в Него, для того, чтобы послать Духа Святого, который бы помогал, оживотворял все земное. Ушел, сказавши: «Аз есмь с вами и никто же на вы!» Христос с нами, нам надо помнить, что наша победа, наше счастье заключаются в том, что мы верим во Христа, Который живет с нами и теперь, Который и вчера, и сегодня, и во веки веков один и тот же. Вот что нам нужно ныне, чтобы весь мир признал христианство, понял его и полюбил его. Первохристианская эпоха, манящая нас высотой своего духовного напряжения развивалась под знаком единства всего христианского мира. Первоначальное христианство не знало разделений между теми, кто верил в распятого Сына Божия, кто хотел во имя Его любить друг друга. Духовные силы, энергия первохристианства не расплылись. Верующие во Христа хорошо понимали, что христианство пришло объединить разрозненный мир, ибо как можно не любить своего брата, отделяться от него, если он искренно любит Иисуса Христа — Спасителя мира. Первые христиане понимали действительно, что такое Церковь, каковы задачи Церкви, кем должны быть верующие во Христа. Прочитайте дивное место в Деяниях Апостольских (2: 42-47), как жили первохристиане. Они пребывали в учении апостолов, т.е. ежедневно проверяли свою жизнь тем, чему их учили апостолы, не чуждались друг друга, даже хлеб, как самую существенную потребность для человеческой жизни, имели общий. Общение у них было и в молитве — у всех верующих было одно сердце и одна душа. Человечество тогда подлинно поднималось к Богу, дух человеческий стремился к Тому, по образу Кого оно было создано. Испытайте самих себя, в вере ли вы? «Итак вспомни, откуда ты ниспал, и покайся, и твори прежние дела; а если не так, скоро приду к тебе, и сдвину светильник твой с места его, если не покаешься» (Откр 2: 5). «И смирится народ Мой, который именуется именем Моим, и будут молиться, и взыщут лица Моего, и обратятся от худых путей своих... Я услышу с неба и прощу грехи их и исцелю землю их» (2 Пар 7: 14).

Редакция поздравляет автора — митрофорного протоиерея Иоанна Конюхова с наступающим 90-летием и желает ему дальнейшего благодатного и плодотворного служения на ниве Господней.

* «Тульские епархиальные ведомости», № 10 октябрь 1991 г., с. 2.

Коротко об авторе. О. Иоанн Конюхов родился 11 сентября 1908 г. в степи под Полтавой в семье бродячего музыканта — бандуриста и бандурного мастера — во время гастрольной поездки. Отец Михаил Афанасьевич, глубоко благочестивый человек, проходил военную службу в Кронштадте, где был настолько поражен личностью и служением о. Иоанна Кронштадтского, что назвал в его честь сына. Особенно запомнилось ему, как во время анафоры о. Иоанн оборачивался, и обращаясь прямо к народу, горячо повторял слова Спасителя: «За вас, за вас проливаемая!...» Вскоре после революции во время освящения храма местная юродивая предсказала матери маленького Ивана, что он будет священником. В 15 лет

Иван решил отправиться «искать истину», что и сделал, получив благословение родителей. Приехав в Киев, он некоторое время жил в Киево-Печерской лавре, откуда по совету одного архиерея приехал в Москву учиться. В Москве поступил сразу и в университет и в духовную академию, что по его словам детям простых людей сделать было очень просто. В 1930 г. рукоположен во пресвитеры. Был знаком с Луначарским, Маяковским, Чертковым, в тюрьме встречался с поэтом Павлом Васильевым. В 1936 г. был арестован. Сидел на Лубянке, затем был переведен в Бутырскую тюрьму. Был осужден, 12 лет отбывал срок на Колыме с распоряжением использовать только на тяжелых работах, 8 месяцев не мог ходить, но был вылечен заключенными. Освободившись в 1948 г., приехал в Москву и пришел на прием к Святейшему патриарху Алексию I, который направил его к митрополиту Крутицкому Николаю (Ярушевичу). Митрополит Николай помог — нашел место для о. Иоанна в Одессе, где владыкой оказался его друг. В Одесской духовной семинарии о. Иоанн читал курс Ветхого завета. В бериевское время ему было запрещено проживание в тридцати восьми центральных городах, и он был вынужден переехать в Тулу, где стал служить в храме Двенадцати апостолов.

: Мой путь к Богу и в Церковь

Свидетельства

Р. Л.

Мой путь к Богу не отличается ничем сверхъестественным. Я родилась и воспитывалась в нерелигиозной семье. Но мама (сейчас она евангелистка) в любых поездках обязательно заходила со мной в церкви. Не молиться, а просто посетить храм. Так мне, 10-летней девочке, запомнилась поездка во Львов. Ранним утром мы прибежали в центральный католический собор и слушали органную музыку. На нас обратил внимание молодой священник, пригласил пройти вглубь храма и долго беседовал с мамой. Обстановка храма Божьего вызывала у меня восхищенный трепет. И мне кажется, там я поняла, что существует другая жизнь — жизнь с Богом. Но жизнь эта никак не пересекалась с моей. Ни в университете, ни тем более в школе я всерьез не задумывалась о Боге. Мне Он не был нужен. Годы учебы не ставили передо мной вопроса о смысле жизни. Казалось, все просто — женщина должна выйти замуж, быть верной подругой мужчине, воспитывать детей. Программа эта мною выполнялась. Но в жизни стали возникать ситуации, которые невозможно было разрешить однозначно. Я получила математическо-педагогическое образование, но не могла ответить на многие вопросы (допустим, на чью сторону встать в спорной ситуации, когда по-своему прав каждый, или как правильно воспитывать ребенка, а теперь уже двоих). Позже появились страхи. К примеру, страшно остаться одной с детьми на даче. Соседка посоветовала мне помолиться и попросить у Бога успокоения. Я переписала «Отче наш», по вечерам читала молитву и молилась простыми словами. В душу мою сходил мир и спокойствие, я могла без страха проводить ночь. И это было удивительно и чудесно. К этому времени мой муж увлекся иконописью, принял крещение, читал много специальной литературы. Под его мягким нажимом я тоже крестилась. Но это ничего не изменило. Я по-прежнему находилась в состоянии «верю — не верю», когда очень хочется верить искренне и глубоко, но что-то мешает. Несколько раз я пыталась читать Библию. Начинала и оставляла. В церковь заходила редко и ненадолго. Несмотря на то, что в храме приходило возвышенное состояние, мне не нравилось положение «несмышлениша», когда на службе все заняты важным делом, а ты даже не понимаешь — каким. Ситуация изменилась, когда в руки ко мне попала книга о. Александра Меня «Сын Человеческий», а чуть позже муж привез из Москвы запись огласительных встреч отца Георгия Кочеткова. С тех пор все свое свободное время (к сожалению, его немного) я стремлюсь посвящать приобщению к религиозному опыту и знаниям — читать церковную литературу, слушать лекции, беседовать

на волнующие религиозные темы. Я хочу, очень хочу достичь глубины Веры. И сейчас я благодарю Господа за то, что Он открылся мне. Меня одновременно пугает и радует, что так много еще предстоит узнать и прочувствовать. И как я хотела бы, чтобы каждый человек узнал в этом мире Бога.

М. Р.

Так получается, что, наверное, больше всего я буду писать о книгах — может быть, потому, что вокруг меня до недавнего времени почти не было христиан. Когда я была маленькая, было общеизвестно, что Бога нет. Нам объясняли, что раньше люди в Него верили по ошибке, а теперь наука доказала, что Его нет и быть не может, даже Иисуса Христа не было — Его придумали. Я, к сожалению, верила «науке», но всегда почему-то завидовала тем людям из прошлого, которым наука еще не доказала, что Бога нет. Мне казалось, что жизнь с верой гораздо лучше, чем в материализме. Но при этом я считала, что в наше время уже нет и не может быть ни одного верующего человека. И действительно, ни одного ни разу не встретила. Еще мне всегда нравилось, что в старые времена детей учили молиться, и мне очень хотелось, чтобы меня кто-нибудь научил молитвам, мне хотелось их выучить наизусть и погрузиться в молитвенное состояние. Всегда нравились стихи — переложенные молитвы. Еще помню, в детстве я играла «Утреннее размышление» из «Детского альбома» Чайковского. Моя учительница музыки сказала, что до революции оно называлось «Утренняя молитва», и я его сразу полюбила и заиграла совсем по-другому. Теперь мне кажется, что в детстве я верила в Бога, но это не доходило до моего сознания, а лет в четырнадцать это как-то оборвалось. Я стала думать, что люди отличаются от животных только своей большей умелостью — дома строят получше, лучше выражают свои мысли, и хотя мне это совершенно не нравилось, мысль о том, что Бога нет, сразу повлекла и логический вывод, что жизнь не имеет никакого смысла, и это меня привело к унынию и депрессии, я потеряла радость жизни. Я пыталась найти какие-то книги, но в те времена это было непросто. Вернее, я скорее всего была совсем не готова к этому — иначе они бы пришли ко мне. У нас дома была очень старая Библия на древнееврейском с параллельным русским текстом, и я пыталась читать ее, но она мне казалась совершенно непонятной. Постепенно я как-то привыкла к такому состоянию и перестала так уж сильно убиваться, но радость ко мне так и не вернулась. Еще как-то в школе наши семинаристы устроили нам поездку в Загорск. Мы целый день провели на службе, и там я точно чувствовала присутствие Бога, но это опять не дошло до моего сознания. Как-то в 1970 г. в школьные каникулы мы с родителями заехали в Псково-Печерский монастырь. Место было какое-то удивительное, особенное. Туда привозили множество больных. Я видела, что приносят больных на раскладушках, и странно было думать, что это все напрасно. Помню, что когда в середине 70-х годов я уже закончила школу, до меня дошли слухи, что один мальчик из нашего класса, очень умный и талантливый, стал католиком. Тогда я как-то задумалась, что, может быть, все эти атеистические доказательства вовсе ничего и не доказывают. Примерно в это время мне дали на несколько дней Евангелие. К сожалению, это на меня мало повлияло. Я была восхищена в нем какой-то дивной добротой, но при внешней простоте чувствовалось, что выполнить эти «простые» правила вряд ли получится. И в то же время у меня было чувство, что я и раньше всегда это знала, не понятно откуда. Вообще, мне кажется, что в те не очень-то хорошие времена было много неверующих людей, которые старались жить по-христиански. Может быть, они с детства так были воспитаны, но была какая-то традиция, по крайней мере, я тогда встречала много таких людей. Я не понимала мистики христианства, мне казалось, что это набор обрядов, хотя и очень красивых. Потом я случайно попала на курсы лечения руками. Правда, сама методика меня не слишком интересовала, я была к этому совершенно неспособна, но тогда для меня все, что касалось экстрасенсов, было свидетельством ложности материализма. Я на опыте видела, что существует что-то, что нельзя увидеть и пощупать, но тем не менее это «что-то» абсолютно реально, и реальность существования его позволяет мне

верить в Бога. Там, на этих курсах, ходили по рукам перепечатанные книжки индийских философов, перефотографированная «Агни Йога», в которой половину букв нельзя было разобрать, книги наших экстрасенсов. Каждая такая книга была для меня праздником, я читала их не отрываясь, мне все казалось, что они меня научат тому, что надо делать, чтобы найти дорогу к Богу. И там действительно были разные правила, но как-то трудновыполнимые в нашей жизни. Впрочем, может быть, это из-за лени у меня ничего не получалось. В общем, я постепенно пришла к вере, но эта вера была абсолютно абстрактная. Мне казалось, что правда есть во всех религиях, но ни одна из них не была моей. Потом началась перестройка, появилось много книг, много нового, и «несчастный побитый» материализм окончательно рухнул. Тогда моя дочка была совсем маленькая, и когда она засыпала, мне хотелось перекрестить ее. Не знаю, откуда это пришло, но я чувствовала благодать этого жеста. Потом несколько лет я занималась астрологией. Сначала это было очень интересно. Нам читали лекции с цитатами из Библии, из Евангелия. В общем, это был оккультизм. Наверное, это были вторые небеса, но после земли мне и там казалось высоко. Мы много занимались психологией, тренировались в роджерсовском активном слушании. Мне стало казаться, что психология тоже пытается воздействовать на духовный мир человека, удалять какие-то пробки и затычки. Там я поняла, что духовность — это вовсе не любовь к искусству и книгам, поняла, кто такие пророки. Помню, в те времена я увидела по телевизору выступление дьякона Андрея Кураева. Он, в частности, сказал, что Бог приглашает нас к Себе с парадного входа, а мы не слышим этого и пытаемся взломать дверь с черного хода с помощью оккультизма. Мне это запомнилось. Но парадного входа я не могла найти. Через какое-то время я перестала находить в астрологии что-то новое, мне стало не так интересно, и я прекратила ею заниматься. Мне еще помогла маленькая книжечка о. Александра Меня, где он писал, что христианство предлагается человеку как дар, даже если по нашим меркам человек этого не очень достоин, просто как дар из любви Бога к человеку. Бог идет ему навстречу. А в остальных религиях человек карабкается к Богу сам. Мне очень хотелось исповедовать какую-то одну религию и казалось, что если бы мои предки принадлежали к одному вероисповеданию, то мне легко было бы выбрать. Но моя мама еврейка, а отец русский. Они были атеистами, но я знала, что папин дед был священником, а мамин прадед — раввином. Слово «выкрест» я с детства слышала просто в каких-то рассказах. И мне казалось — чтобы я ни выбрала, я потеряю какую-то часть себя. Может быть, поэтому мне так понравилась идея «Розы мира», где все религии — лепестки одного цветка. Я пошла один раз в синагогу и там тоже ощутила что-то очень родное, но далекое. Так я стояла долго, как осел между двумя стогами сена, и не могла сдвинуться ни в одну, ни в другую сторону. В то время со мной произошел такой случай. Несколько лет подряд мы на майские праздники плавали на байдарке в Прибалтике. Однажды, это было 7 мая, мы приплыли в какой-то маленький городок на Гауе, может быть, это был Цесис, не помню. Мне почему-то было очень грустно, как-то жалко всех. Мы гуляли и случайно забрели в православную церковь. Это была маленькая белая церковь на горе. В России я никогда не видела таких маленьких церквей. Наверное, там едва могло бы поместиться 15 человек. Мы зашли и остались. Это было примерно через две недели после Пасхи. Там пели: «Иисусе воскресший, воскреси души наша». У меня потекли слезы, и я никак не могла остановиться. Там было так хорошо, такое родное место в чужой Латвии. Потом служба кончилась, и все свечи погасили. Меня почему-то это испугало, как будто что-то навсегда закончилось. А на следующий день наша байдарка перевернулась, и мы чуть не утонули, причем никто, кроме нас, этого не понял. В это действительно трудно было поверить: яркое весеннее солнце, мелкая река. Мы же попали в глубокое место с очень быстрым течением. Я даже не успела испугаться, что тону. Помню только, как я висела в темноте под байдаркой и с ужасом думала, как я буду искать под водой свою дочку (ей тогда было 8 лет), которая практически не умела плавать, да еще с утра у нее было плохое настроение, она сказала, что холодно, и надела на себя меховой комбинезон (я знала, каким он бывает тяжелым, когда его стираешь). Кажется, именно в этот момент я подумала, что если все кончится благополучно, то в Москве я крещусь и крещу ее. Потом

байдарка отплыла, я высунула голову и увидела, что Ани нигде нет. Я стала впадать в панику и в этот момент увидела ее, схватила на руки, и мы с ней сразу пошли ко дну. Оказалось, что сама-то я держусь на воде, а с нею вместе не могу удержаться. Она потом очень весело рассказывала: всплываю я втретий раз, и тут мама хватает меня на руки и снова тащит на дно. Но, к счастью, ее вытащили, проплыли с ней 50 метров до следующей байдарки и посадили туда. А я в этот момент что-то очень странное почувствовала, только не смогу это передать словами, просто твердо видела, что на этот раз Бог нас спасает. Потом я еще некоторое время была немного не в себе. Когда мы приехали в Москву, я стала думать о крещении. Но ничего не получалось. Я не чувствовала такой веры в сердце, а креститься просто, чтобы исполнить обещание, я тоже не могла. Мне хотелось найти такого человека, который мог бы мне помочь. У меня была только одна знакомая христианка — логопед, с которой Аня занималась года три до того. Она мне рассказала об о. Александре Мене, и мне казалось, что если бы он был жив, то у него в церкви мне было бы легче поверить. Я ей позвонила и все объяснила. Она велела мне прочесть Евангелия и книгу «Сын Человеческий» о. Александра Меня и обещала сходить со мной в церковь, она знала разных священников. Я все прочитала, но в церковь с ней пойти не получилось. Начался сильный ливень, мы с ней разминулись, и я отправилась туда одна. Придя, я увидела, что идет ремонт, священник занят, и не осмелилась к нему подойти. Потом я все-таки решила, что не могу креститься, пока не чувствую настоящей веры в сердце. Но помнила при этом, что нарушаю свое обещание. Я продолжала заниматься астрологией, летом прочитала «Розу мира». Я знаю, что христиане не очень хорошо отзываются об этой книге. Она не вся одинаково написана, но я ее очень люблю, очень нежно к ней отношусь и очень благодарна ей — мне кажется, что после нее мне многое стало понятнее. Тогда для меня было тяжелое время, я лишилась работы, вернее зарплаты (это был 1992 г.). Мы с Аней какое-то время жили на пенсию моих родителей, но это не могло продолжаться долго, и мне пришлось пойти торговать на рынок в Лужники. Там я себя чувствовала отвратительно — и все время мечтала снова вернуться к своему компьютеру. Я ходила туда по Окружному мосту, и всегда шла и смотрела на Новодевичий монастырь, он был такой чудесный, потом он оставался за спиной, и я попадала на рынок. Наверное, тогда я начала молиться. В то время отдушиной для меня была астрология. Скорее, не сама по себе астрология, а книги, о которых я узнавала, и люди, которые все-таки не были атеистами, как те, которые обычно меня окружали. Мне очень хотелось найти работу, но все никак не получалось. Моей основной профессией удавалось заработать только от случая к случаю, и рынок меня не отпускал. И тут на свое счастье я сломала ногу — просто села на ровном месте. Я действительно чувствовала себя счастливой, что не могу вернуться на рынок. Через год я нашла работу (вернее, даже две работы нашли меня). Тогда я стала иногда ходить в церковь, но воспринимала службу, только если была в грустном и унылом состоянии: тогда мне становилось легче. Но в нормальном состоянии я не могла сосредоточиться, все время отвлекалась на мысли о всякой ерунде, и мне становилось скучно. Правда, в унынии я тогда была очень часто, почти всегда, и никак не могла из него выйти. Тогда со мной произошел удивительный случай. Как-то я купила в церкви тоненькую книжечку с жизнеописанием Серафима Саровского. Однажды, как всегда пребывая в своем отчаянии, я взяла эту книжечку и стала ее читать. И вдруг, когда я дошла почти до середины, я почувствовала, что на душе у меня стало совсем легко. В общем, иногда я чувствовала, что мне надо пойти в церковь, и ходила почти каждый день, а потом могла полгода не ходить. Но я уже стала ощущать, что в церкви душевное состояние может меняться, а иногда ходила, чтобы получить внутри ответ на какой-то свой вопрос. Примерно тогда мне случайно попала в руки газета (кажется, «Московский комсомолец»), где было несколько статей о приходе храма Успения в Печатниках. Мне захотелось туда пойти, но было не понятно, как об этом узнать. Я даже не понимала, на какой это улице. У нас на работе был один верующий молодой человек, правда, при этом он был каких-то фашистских убеждений, и у него был перечень московских храмов. Я его попросила посмотреть, где этот храм, и узнала, что это на Сретенке (правда, подумала совершенно про другую церковь, ту, что ближе к Садовому кольцу, на плане

невозможно было разобрать, а адреса не было). Но я так и не пошла туда, подумала: ну приду, ведь все равно не решусь ничего спросить, ведь все равно в газетах всегда преувеличивают. Но дело, конечно, было не в этом. Да, еще надо написать про книги Лазарева. Это совершенно не христианские книги, теперь я это понимаю. Но как ни странно, они мне очень помогли, особенно последняя книга. Мне кажется, что после нее я стала лучше понимать вторую заповедь. Может быть, они просто более привычным языком написаны, вернее, на примерах современной жизни. Потом я как-то вдруг, быстро крестилась. Я чувствовала, что уныние и отчаяние захватывают меня все больше и больше, и никак не могла найти выход. У меня была соседка, которая ходила в церковь, и она мне как-то сказала, что она поняла, что нельзя ждать помощи от людей, надо ждать помощи от Бога. На следующий день я крестилась. Правда, дочку свою я так и не крестила, ведь она за это время стала совсем взрослой, и мне стало казаться, что она должна сделать это сознательно. Постепенно я стала понимать, что недостаточно просто признавать существование Бога, надо (скорее, очень хочется) ощущать связь с Ним, а эта связь все время теряется. А еще мне хочется написать, каким удивительным образом я все-таки попала на оглашение. Это было такое странное нагромождение случайностей, что вероятность всего события была равна нулю. Теперь мне кажется, что меня привели туда за ручку, в самый последний день, — сама я, к сожалению, могла бы еще долго собираться. Я вдруг позвонила своей двоюродной сестре (мне очень трудно всегда заставить себя просто так позвонить по телефону), и она мне предложила пойти на психологический тренинг. Тогда мне уже не было это особенно интересно, но я преодолела кучу препятствий, чтобы туда пойти, и пошла. Была Троица, народ собирался пойти в церковь, а я грустно подумала, что мне совсем не хочется. Там я услышала о какой-то редкой книге оптинских старцев (до сих пор не понимаю — какой), и мне захотелось ее найти. Когда тренинг закончился, мне как-то не захотелось ехать в метро, и я пошла вниз по Сретенке. Я проходила мимо часовни и решила зайти поставить свечку — приближалась годовщина смерти моего отца. Поставила свечку, спросила у женщины, которая продавала там книги, про книжку. Она мне посоветовала зайти в храм за углом, сказала, что там больше книг. Я зашла. Был почти самый конец службы. Чувствовалась радость, которую я так редко ощущала в церкви (правда, все-таки иногда ощущала), и люди казались очень близкими, казалось, что их что-то объединяет. Через десять минут служба кончилась, и стали сдвигать скамейки. Я пыталась сообразить, можно ли и мне остаться, но остаться очень хотелось. Так я попала на открытую встречу, о которой ничего не знала, и постепенно поняла, что это та самая церковь, о которой я читала в газете.

Павел Гаврилюк: История катехизации. Часть первая. Врата новозаветной церкви

Миссионерство и катехизация

Этим очерком открывается серия статей, объединенных одной общей темой — история катехизации в древней церкви. Слово «катехизация» происходит от греческого глагола катехео, основным значением которого в доновозаветном греческом было «оглашать» или «сообщать широкой аудитории». Древнегреческие поэты «катехизировали» публику, декламируя в театре свои стихи. (См. Н. W. Beyer. ... Theological Dictionary of the New Testament. Edited by G. Kittel (Grand Rapids: Eerdmans, 1965), 3:638–640. с. 638.). Другим, более редким в античности значением катехео, получившим впоследствии широкое хождение в христианской практике, было «учить» или «наставлять». В апостольские времена катехизация означала чаще всего устное наставление в основах христианской веры и жизни. Это общее определение катехизации будет взято в качестве предварительного в первом очерке. В последующих статьях катехизация будет пониматься в более узком смысле — как теоретическое и практическое

приготовление к принятию крещения. Именно в этом последнем значении слово катехизация чаще всего употребляется сегодня. Как видим, наша славянская терминология — оглашать, оглашаемый, оглашение, соответствующая греческим катехео, катехуменос, катехизис, является малоудачным переводом, ориентирующимся скорее на более древнее употребление греческих слов, чем на то, которое продиктовано христианской практикой. Ведь христианский катехизатор является не только «огласителем», то есть оратором или проповедником, но в первую очередь наставником, учителем христианского пути и духовным руководителем. Я попытаюсь очертить широкую панораму многообразного и живого катехизического опыта древней церкви, начиная от апостольских времен и завершая шестым веком — временем Юстиниана, когда полная катехизация взрослых практически прекратила существовать. В каждом очерке планируется систематически разбирать следующие вопросы: каково отношение между катехизацией, понимаемой в широком смысле как наставление во всем, что касается веры, и крещением? Что принимал человек, вступающий в древнюю христианскую общину и желавший креститься? Можно ли восстановить примерное содержание первых катехизисов (В узком смысле катехизис означает книгу, в которой суммированы те знания, которые приобретаются в процессе катехизации. В апостольский век говорить о существовании письменных катехизисов можно только предположительно. Поэтому в настоящей статье катехизис будет означать содержание катехизации вообще), передававшихся устной традицией? В чем состояла катехизация? Кто были первые катехизаторы? Где и у кого они получали необходимое обучение, и в чем оно состояло? Ответы на эти вопросы имеют живейшее отношение к современным попыткам в области катехизации как в России, так и за рубежом. Христианам России едва ли следует объяснять, что к святоотеческому преданию следует прислушиваться. Принципиальный вопрос, однако, заключается в том, как прислушиваться? Одним способом прислушивается раб к окрикам хозяина. Иначе прислушивается слуга к распоряжениям господина. И уж совсем по-другому прислушивается сын к советам отца. Раб, если перефразировать толкование аввы Дорофея, ставшее традиционным, прислушивается из страха, слуга — надеясь получить мзду, то есть преследуя собственные интересы, а сын — из одной только любви к отцу. Относиться к святоотеческой традиции рабски означает бояться любого отступления от буквы предания; это означает испытывать страх перед всякими изменениями и нововведениями, независимо от того, согласуются они или нет с духом предания. Классическим примером рабского следования традиции является в истории Русской церкви старообрядчество. Относиться к преданию рабски означает также абсолютизировать церковную практику, существовавшую в один какой-нибудь исторический момент, пренебрегая исторической перспективой. Возьмем, например, вопрос о крещении младенцев и маленьких детей. В истории христианства не раз раздавались голоса против крещения людей в несознательном возрасте (Так, например, Тертуллиан, со свойственной ему решительностью, восклицает: «Да станут они (младенцы) христианами тогда, когда будут способны научиться о Христе. Зачем безгрешному младенцу креститься во оставление грехов (*Quid festinat innocens aetas ad remissionem peccatorum*)?» («О крещении», 18).) Анабаптисты в шестнадцатом веке категорически протестовали против крещения младенцев на том основании, что о нем ничего не говорится в Священном писании. Действительно, в Новом завете нет ни одного прямого свидетельства о крещении младенцев (Косвенно, на крещение рабов, слуг и детей, среди которых, возможно имелись и совсем маленькие, указывают те случаи, когда кто-либо принимает решение креститься вместе со всеми своими «домашними». См., например, Деян 16: 15, 18: 8; 1 Кор 1: 16. О воспитании детей в «учении и наставлении Господнем» говорит Еф 6: 4.) . Первое определенное историческое упоминание о крещении детей относится ко второму веку (На Западе на крещение детей впервые ссылается Иринея Лионский: «Против ересей», 3: 17; в Александрии — Ориген: «Комментарий на Послание к римлянам»; «Проповедь на книгу Левит»; «Проповедь на Евангелие от Луки»). Даже если предположить, что вплоть до третьего века крещение детей не было общепринятым, было бы неверно отрицать эту практику только потому, что о ней ничего определенного не сообщается в более ранних источниках. Это

значило бы относиться к букве предания рабски, игнорируя всякую возможность развития. Если раб боится хозяина и выполняет его повеления не задумываясь, то слуга вечно ищет воздаяния от своего господина. Поэтому прислушиваться к церковному преданию подобно тому, как слуга внимает словам своего господина, означает полностью подчинить изучение истории собственным интересам. Это значит видеть в истории церкви только отражение современных проблем и вычитывать из нее заранее приготовленные ответы. Крайний консерватор будет склонен видеть в истории церкви сплошное повторение от века заведенной и передаваемой из поколения в поколение традиции. Крайний либерал, наоборот, будет усматривать сплошные несоответствия, прерывистость, противоречия и реформы. Напротив, следует наследовать святоотеческое предание подобно сыновьям. Изучение церковной истории должно быть плодом любви, а не пристрастия. Если у Бога нет лицемерия (Деян 10: 34б; Рим 2: 11; Еф 6: 9), то и наши суждения должны основываться на исторических свидетельствах, а не на подтасованных фактах, оправдывающих современную практику. Следует отметить также, что любить святоотеческое предание как сыновья вовсе не означает не допускать в отношении него никакой критики. Как раз наоборот, сыновья любовь предполагает критику и добросовестное обсуждение спорных сторон предания. Ведь честное обсуждение трудных вопросов было частью древней катехизации. Так, в апокрифическом послании Климента, епископа римского, к апостолу Иакову читаем следующее предписание катехуменам: «Будучи учениками истинного Пророка, оставляя всякое двоедушие, творите добро с усердием. Но если кто из вас имеет сомнения относительно того, что я передал вам, то пусть признаётся в этом без всякого стыда, если он заботится о душе своей, и предстоятель объяснит ему» (См. английский перевод апокрифа в серии *Nicene and Post-Nicene Fathers, 2nd ser.* 8: 218–222. с. 220). От учеников, таким образом, требовалась предельная искренность в обсуждении тех сторон предания, которые казались им сомнительными. В таком же духе следует подходить к обсуждению всего многообразного опыта катехизации, если только мы хотим действительно извлечь из него урок. Всего мною планируется восемь очерков по истории катехизации: (1) Врата новозаветной церкви; (2) Чудом сохранившиеся фрески: приготовление ко крещению по свидетельствам отцов второго века; (3) Высшая огласительная школа в Александрии; (4) Догматическое богословие для рыбаков: «Большой катехизис» св. Григория Нисского; (5) Катехизис св. Кирилла Иерусалимского; (6) Катехизическая деятельность блаженного Августина; (7) Катехизические проповеди Феодора Мопсуэстийского. (8) Катехизис вчера и сегодня: раздумья о таком современном прошлом.

Часть первая Врата новозаветной церкви Как уже отмечалось, в апостольские времена катехизация была устным наставлением в основах христианской веры и жизни. Катехизация как дар Святого Духа родилась из проповеди, из потребности поделиться верой с окружающими людьми. Написанию Евангелий предшествовала устная традиция, включавшая в себя проповедь, молитвенное общение за совместной трапезой, а также поучение новых членов общины в том, что автор Послания к евреям называет «первыми началами слова Божия» (Евр 5: 12). О существовании устного катехизиса до того, как память о событиях земной жизни Христа была записана, говорит предисловие к Евангелию от Луки: «...Решил и я, тщательно исследовав все с самого начала, последовательно написать для тебя, превосходнейший Феофил, чтобы ты познал достоверность того учения, в котором был» катехизирован (Лк 1: 3–4). Использован перевод под редакцией еп. Кассиана (Безобразова). Лука видит в своем Евангелии историческое основание того предания, с которым Феофил был ознакомлен устно. Содержанием Евангелия, а следовательно, сутью катехизиса, по мнению Луки, являются дела и учение Христа (Деян 1: 1). Практика катехизации, таким образом, основывалась на них как на фундаменте апостольского учения. Принципиальное различие между нами, живущими в двадцатом веке, и апостолами, знавшими Христа во плоти, заключается в том, что для нас Евангелие есть в первую очередь книга, тогда как для них Евангелие было живым словом проповеди, благой вестью, передаваемой из уст в уста. Для нас евангелисты — это авторы книг,

в то время как для первых христиан евангелисты были «благовестниками», то есть проповедниками, которые помогали апостолам и в основном трудились в поместных общинах (Деян 21: 8; Еф 4: 11; 2 Тим 4: 5. Синодальный перевод дважды передает слово *eugelistes* как «благовестник» и однажды, в Еф 4: 11, — как «евангелист», очевидно имея в виду авторов письменных Евангелий. Надо сказать, что такой перевод крайне сомнителен, и зависит, в частности, от датировки самого раннего из Евангелий и Послания к ефесянам. Автор настоящей статьи придерживается того мнения, что Послание к ефесянам было написано самим апостолом Павлом и, следовательно, появилось на свет раньше, чем все канонические Евангелия. Если это так, то речь в Послании идет о евангелистах-проповедниках, а не о евангелистах-писателях). Обобщая, можно сказать, что вся древнехристианская литература, вошедшая в новозаветный канон, была написана, помимо других практических целей, также и как руководство по катехизации. О том, что новозаветные послания читались и перечитывались вслух в собраниях верующих, а также копировались и пересылались в соседние церкви с древнейших времен, прямо свидетельствует автор Послания к колоссянам (Кол 4: 16). Многие библеисты считают, что первое послание Петра содержит фрагменты проповеди перед принятием крещения, то есть часть крещального катехизиса (1 Пет 2: 13 – 3: 7) (См. Ernst Best. 1 Peter. The Oxford Companion to the Bible, ed. V. M. Metzger (Oxford: Oxford University Press, 1993), с. 584). Впервые о более или менее систематической подготовке к принятию крещения мы узнаем из Первой апологии св. Иустина Мученика, написанной в пятидесятые годы второго века. В связи с этим обстоятельством речь о катехизации в узком смысле слова, как об обучении некрещеных, пойдет у нас в последующих статьях. В этом очерке нас будет интересовать вопрос о том, как и чему учил Сам Христос, а также Его первые последователи.

Катехизация у ног Христа

Первым катехизатором в истории христианства был Сам Иисус Христос. Не случайно, одно из самых частых обращений к Иисусу, которое мы встречаем в Евангелиях, это — Учитель. Отметим, что титул учителя Торы (Еврейской слово «Тора» в широком смысле означает устное наставление, которое преподает учитель ученику или отец сыну (Притч 1: 1-8, 4: 1-4). Содержанием этого учения являются заповеди практической мудрости, обнимающие отношения человека с Богом. Письменная Тора, или Тора в узком смысле, указывает на Пятикнижие Моисея, с акцентом на ту часть, которая связана с регламентацией жизни. Тора в узком смысле совершенно правильно переведена новозаветными авторами как «Закон»), по-еврейски — равви, предполагал значительный авторитет среди иудеев и особое почитание среди учеников (Ср. речение, приписываемое Гамалиилу Старшему, учителю апостола Павла: «Найди себе учителя и избежишь сомнений». «Авот», 1: 16). Из Евангелия от Матфея мы узнаем, что книжники любили занимать наиболее почетные места на пиршествах и в синагогах, а также питали пристрастие к обращению «равви», которое, очевидно, подразумевало уважение и подчинение (Мф 23: 7). Осуждая тщеславие книжников и фарисеев, Иисус советует ходившим за Ним ученикам не называть себя раввинами, сохраняя этот титул за одним Христом (Мф 23: 8, 10). Интересно отметить тот факт, что Новый завет избегает наименования равви в отношении тех, кого называли учителями в древней церкви, всюду используя привычное греко-язычной аудитории слово дидаскалос (В единственном случае (Мф 23: 10, если не считать чтение Мф 23: 8 по В (Нестле-Аланд)) Христос называет Себя катехетик, что вполне синонимично дидаскалос, означающему «учитель, наставник»). Евангелие от Матфея видит в Иисусе не просто одного из учителей, но единственного Учителя. Первые последователи Христа называли себя просто Его учениками. Наименование «христиане», означающее последователей Мессии, впервые вошло в употребление в Антиохии (Деян 11: 26). Для окружающих, как иудеев, так и язычников, которые знали о христианах понаслышке, христиане первого века были членами секты, создающей опасные волнения внутри иудаизма (См. речь ритора Тертулла, в которой он называет апостола Павла «главарем Назорейской

секты (а†resij)» перед Феликсом, префектом Палестины (Деян 24: 5). Сам Павел сообщает, что христианское учение евреи считают ересью (а†resij, Деян 24: 14). Светоний отождествляет христиан, изгнанных из Рима, с иудеями. («Жизнь Клавдия», 5.25). Эпиктет то путает христиан с иудеями, то называет их Галилеянами («Арриановы беседы», 2.9.19; 4.7.6); Тацит, чье свидетельство наиболее точно, сообщает, что название «христиане» дала последователям Христа толпа (vulgus Christianos appellabat, «Анналы», 15.44). Принципиальным разногласием нового движения с иудаизмом был вопрос о признании Иисуса Мессией, Помазанником Божьим. Христиане видели себя новым избранным народом Божьим, для которого исполнились мессианские ожидания иудаизма. Сам приход Христа был приближением Царствия. Воля Божья нашла свое наиболее полное воплощение во Христе — этой благой вестью христиане спешили поделиться со всем миром. В сравнении с вопросом о личности Христа все остальные разногласия нового движения с иудаизмом были второстепенными. Признание Иисуса Мессией влекло за собою и значительную реорганизацию религиозной жизни вокруг Его спасительного явления на земле и вокруг Его учения. Сердцем учения Иисуса была проповедь о приближении Царствия Божия. Бог хочет от людей того, учил Иисус, чтобы они более всего на свете искали Его Царствия. В притчах, рассказанных Иисусом, далекое, таинственное и недоступное Царствие становилось близким и желанным. Вся земная жизнь Иисуса, от рождения до воскресения, была одной великой проповедью Царствия. Уникальность Его катехизиса заключалась в том, что Сам Христос был воплощением Своего учения. Иисус учил не только словами, но и личным примером, и делами. Вспомним, например, что на сомнения Иоанна Крестителя «Ты ли Тот, Который должен придти, или ожидать нам другого?» Иисус ответил, указав на происходящие по Его воле чудесные исцеления (Мф 11: 3-5, Лк 7: 20-22). Подобно фарисеям, Иисус проповедовал о воскресении мертвых. Однако, в отличие от фарисеев, Иисус не только на словах учил о будущем воскресении, но и Сам был воплощением воскресения. Вспомним беседу Иисуса с Марфой у гроба Лазаря (Ин 11). На отчаяние Марфы: «Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой» Иисус отвечает, что Лазарь воскреснет. Марфа сначала понимает эти слова так, будто они относятся к воскресению в теории, к общему воскресению в неопределенном будущем: «Знаю, что воскреснет, в воскресение, в последний день». Такое утешение, которое могли бы предложить многие, явно не удовлетворяло Марфу, так как ей-то брат нужен был живой здесь и теперь. И тогда Христос произносит загадочные слова о том, что Сам Он есть воскресение и жизнь. Расстроенную Марфу слова эти только приводят в замешательство, так что она бежит позвать Марию. Смысл сказанного Иисусом становится понятен только тогда, когда Иисус действительно возвращает Лазаря к жизни. Проповедовать воскресение мертвых может и человек, но воскрешать способен только Бог. Христос отличался от прочих учителей Израильских тем, что учил как «власть имеющий», то есть как Тот, Кому власть была дана непосредственно Самим Богом. Дело в том, что иудаизм приписывал огромное значение преемственности в передаче учения, и потому не признавал учителей-самоучек. Учение состояло в первую очередь в толковании Торы, а также в изучении пророческих книг в свете существующего устного предания. Иисус же толковал Писания в синагоге, не пройдя никакого предварительного обучения ни у одного из авторитетных учителей, к недоумению слушающих (Ин 7: 15). Содержание рассказанных Иисусом притч о Царствии было в подавляющем большинстве случаев оригинальным и не имело прямых параллелей в дошедших до нас раввинистических источниках, которые с уверенностью можно отнести к первому веку нашей эры. В отличие от Иисуса саддукеи должны были всякое свое мнение подтверждать ссылкой на авторитет письменной Торы, тогда как фарисеи опирались также и на устную традицию. Никто, даже из самых почитаемых учителей Израиля, не мог бы противопоставить свое мнение заповедям Моисеевым с такой радикальностью, с которой это делает Иисус в Нагорной проповеди: «Вы слышали, что сказано древним: «не убивай», «не прелюбодействуй», «не нарушай клятвы» и т. д., «а Я говорю вам...» Заповеди Торы для всякого еврея выражали повеления Самого Бога. Противопоставить свое учение словам Торы не посмели бы даже пророки. Впрочем, Иисус, по Его собственному замечанию, пришел не

нарушить Тору, но наполнить ее новым содержанием (Мф 5: 17). Христос принес новое, пророческое видение Торы, критикуя толкования фарисеев и саддукеев, а не саму Тору. Так, например, Иисус обвиняет фарисеев в том, что пренебрегая заповедью о почитании отца и матери, они тем не менее скрупулезно совершают ритуальные омовения перед едой, которые являются частью ... «предания старцев», то есть устной традиции, а не письменной Торы, и которые, следовательно, не имеют такого же авторитетного значения, как сама Тора (Мк 7: 1-13; Мф 15: 1-6). У благочестивых слушателей проповедей Иисуса были две возможности: либо пойти за Иисусом как за Мессией, либо признать Его богохульником и постараться от Него избавиться. Одно было трудно: обойти Иисуса безразличием. Реакцию второй категории людей разделяла большая часть иудейской иерархии, которой в то время была саддукейская партия, входившая в Синагог. Эти люди и осудили Иисуса за богохульство, подстрекание народа к восстанию и нарушение субботнего покоя. Первая же категория людей становилась Его учениками, которые следовали за Ним повсюду. Для апостолов учение Иисуса было не просто одним из возможных толкований Торы, но единственным путем, ведущим ко спасению. «Господи, — свидетельствует Петр, — к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни: и мы уверовали и познали, что Ты Христос, Сын Бога живаго» (Ин 6: 68).

Катехизация как встреча с Иисусом

Иисусу очень важно было и то, как слово о Царствии услышано, как оно посеяно в душе каждого человека в отдельности. См. притчу о сеятеле у Мк 4: 3-20 и параллели. Беседа, обращенная к сердцу человека, составляла важнейшую часть Его катехизиса. Вспомним, какое значение придавал Иисус тому, что «Мария села у ног Его и слушала слово Его» в доме Марфы (Лк 10: 41-42). Надо полагать, что нечто поворотное, чрезвычайно важное произошло в душе фарисея Никодима, члена Синагога, приходившего к Иисусу тайно, под покровом ночи (Ин 3: 1-21). Ведь не случайно впоследствии Никодим требовал справедливого отношения ко Христу от фарисеев, а также был в числе тех, кто пришел похоронить Учителя (Ин 7: 50; 19: 39). Всякая, даже самая короткая личная встреча со Христом, одна какая-нибудь оброненная Им фраза или взгляд были способны зажечь огонь веры. О важности личных бесед в деле обращения следует особенно помнить сегодня, когда евангелизация часто сводится (особенно на Западе) к одним выступлениям перед широкой аудиторией. Катехизация начиналась призывом к покаянию, к изменению пути. Уже Иоанн Предтеча понимал, что всякий общий призыв к покаянию рискует остаться пустой угрозой, если он одновременно не сопровождается ответом на вопрос слушающих: «Что же нам делать?» (Лк 3: 10, 12, 14). Какого плода покаяния хочет Бог от меня лично? Как свидетельствует евангелист Лука, у Иоанна находился ответ для каждого: так, например, сборщикам податей он советовал не обирать народ; солдатам — не обижать мирное население. Иоанн также настаивал на том, что без искреннего решения переменить жизнь человек не может принимать крещение. У двух евангелистов мы читаем, что погружение в воды Иордана сопровождалось исповеданием, то есть произнесением вслух грехов человека (Мк 1: 5; Мф 3: 6). Некоторые из людей, приходивших к Иоанну, думали принять крещение на всякий случай, авось пригодится, думая, что грех можно смыть физически, одним погружением в воду и таким образом избежать «будущего гнева», то есть Божьего суда (Мф 3: 7-9; Лк 3: 7-9). Таких людей Иоанн предупреждал, что одним телесным омовением невозможно заслужить у Бога прощение, что необходимо искреннее желание переменить жизнь. Уже само словосочетание «проповедовать крещение покаяния» с целью прощения грехов (Мк 1: 4; Лк 3: 3; ср. Деян 10: 27; 13: 24) указывает на тот факт, что крещение в Новом завете совершенно неразрывно связано с проповедью и немислимо без нее. Катехизис Христа можно разделить на заповеди, обращенные ко всем, ищущим пути спасения, и на те советы, которые Христос дает обращающимся к Нему лично. Так, например, на вопрос богатого юноши: «Учитель благий! Что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную?» (Мк 10: 17; ср. Мф 19: 16; Лк 18: 18). Иисус вначале советует взяться за исполнение заповедей

Моисеевых, ибо они обращены ко всем и являются основой жизни с Богом. Оказывается, что юноша соблюдал их от рождения. Услышав это, Иисус, по замечанию Марка, «полюбил его», то есть почувствовал, что душа юноши приготовлена уже к тому, чтобы устранить последнюю преграду на ее пути к Богу — богатство. В двух других ответах Иисуса на вопрос «Что делать?» суммирована вся суть Его учения. Так, у Иоанна, на вопрос «Что нам делать, чтобы творить дела Божии?» Иисус отвечает, что прежде всего требуется вера в то, что Он послан Богом (Ин 6: 28). Главным делом христианина, таким образом, должна быть вера. Все же остальные дела имеют своим источником веру во Христа. У Луки, на испытующий вопрос законника: «Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?» Иисус отвечает, что заповедью заповедей является любовь к Богу и ближнему (Лк 8: 27). Катехизис Христа, таким образом, был не просто проповедью о пришествии Мессии и о грядущем и совершающемся воцарении воли Бога. Катехизис Христа был исполнением надежд всех тех, кто, подобно Иосифу Аримафейскому, «учился у Иисуса» (Мф 27: 57), и значит, «ожидал Царствия» (Мк 15: 43). Катехизис Христа был ответом на вопрос «Что делать?» и «Как жить дальше?» Катехизация у Христа была в первую очередь интимнейшей личной встречей, диалогом, в котором Учитель отвечал на вопросы учеников, и только во вторую очередь — монологом проповедника. Для последователей Иисуса проповедь о приближении Царствия совпадала с благой вестью о пришествии Мессии, Который будет творить волю Божью на земле (Мф 10: 7, ср. 10: 32). Учение Христа было прежде всего путем жизни (См. Мк 12: 14, ср. Лк 20: 21; Деян 9: 2, 18: 25-26; 1 Кор 4: 16-17 и многие другие). В Ветхом завете исполнение заповедей Торы нередко называется следованием путями Господними. Следовать за Христом означало подражать Ему и исполнять волю Бога подобно тому, как исполнял ее Сам Христос. Принимавший Мессию принимал и Его толкование Торы и Пророков. Принимавший Мессию покаянно принимал крещение как залог жизни вечной и стремился жить по заповедям, главной из которых была заповедь любви.

Прозелитизм в иудаизме и апостольская миссия среди язычников

В глазах Иисуса всякое время и всякое место были пригодны для проповеди Царствия. Так, мы находим Иисуса «оглашающим» множество народа, сидя на вершине горы (Мф гл. 5-7). Мы читаем о том, как Он вынужден был войти в лодку и проповедовать с моря, так как много людей собралось слушать Его. Мы встречаем Его в более привычной для раввинов обстановке: толкующим Писание в синагогах и в Иерусалимском храме. По свидетельству Евангелий, Иисус часто передвигался с места на место, подавая тем пример ученикам. Хотя иудаизм и не был активно прозелитирующей религией, но все-таки не единичные случаи обращения язычников были (Упоминания о прозелитах мы находим в Деян 2: 10, 6: 5 и 13: 43. См. также Иосиф Флавий. «Иудейские древности», 20.17). У Матфея (23: 15) упоминается о том, что книжники и фарисеи «обходят море и сушу», дабы сделать прозелитом, то есть обратить из язычества в иудаизм, хотя бы одного. Так, например, семья Иродов, происходившая из Идумеи, приняла иудаизм по требованию Иоанна Гиркана. Впрочем, иудеи все равно считали Иродов узурпаторами трона и не могли до конца примириться с их правлением. Даже принимая все требования иудаизма, прозелит все равно отличался от тех, кто были обладателями завета с Богом от рождения (Подавляющая часть наших источников восходит к пятому веку нашей эры и позднее. См. Вавилонский Талмуд, «Киддушин», 70b, «Евамот», 57a. Справедливости ради следует отметить, что некоторые поздние источники приравнивают прозелитов к иудеям от рождения. См. The Books of Legends, Sefer Ha-Aggadah (New York: Schocken Books, 1992), сс. 349-354). Сознание божественного избранничества тесно переплеталось у иудеев с национальной идеей. В свете этого слова Иоанна Крестителя о том, что Бог может из камней воздвигнуть сынов Аврааму, звучали настоящим вызовом. (Мф 3: 9. Об этом см. подробнее в блестящей и не устаревшей до сегодняшнего времени книге: G. Bardy. La Conversion au Christianisme durant les premiers siècles (Aubier: Editions Montaigne, 1947), с. 106-107.) К

началу первого века нашей эры евреи были рассеяны по всей Римской империи. Многим эллинизированным евреям, живущим в диаспоре, вовсе не требовалось далеко ходить для того, чтобы иметь возможность обращать язычников к единому Богу Израиля. И такие попытки, разумеется, делались, причем постоянно велись споры о том, должны ли к новообращенным язычникам предъявляться те же требования, что и к самим иудеям. В частности, поднимался вопрос о том, должны ли прозелиты из язычников, помимо строжайшего монотеизма и моральных требований иудаизма, также соблюдать законы кошерной пищи и быть обрезаны. В этом вопросе палестинские евреи были более консервативны, тогда как евреи диаспоры были менее требовательны к прозелитам. «Неудобоносимые бремена» законов ритуальной чистоты были часто не по силам даже самым добросовестным язычникам. В этом случае, принимая поклонение единому Богу, а с ним и моральные установления иудаизма, посещая и поддерживая синагоги, а также участвуя в молитвенной жизни иудеев, язычники все же не решались обрезаться и оставались на положении тех, кого Лука в Деяниях называет ... почитающими Бога или богобоязненными, которые были промежуточной категорией между язычником и прозелитом. Капернаумский сотник, вере которого дивился Иисус (Мф 8: 10; Лк 7: 9), был одним из таких язычников, о котором Лука прибавляет, что он любит иудейский народ и даже построил синагогу (Лк 7: 5) Другие примеры богобоязненных язычников, которых Новый завет называет по имени: Корнилий сотник (Деян 10: 1-7); Лидия (Деян 16: 14); коринфянин Тит Иуст (Деян 18: 7). Надо сказать, что любовь к народу Израиля была среди эллинов чувством редким. Чаще всего они относились к иудаизму с презрительным подозрением. Камнем преткновения, а также предметом насмешек для них было то, что евреи совершают обрезание и соблюдают субботу. К тому же как можно было всерьез почитать Бога, у которого не было ни изображения, ни статуи? Язычников искренне поражало то упорство, с которым евреи хранили преданность заповедям Торы, даже под угрозой мученической смерти (См., например, Вторую и Четвертую Маккавейские книги, особенно рассказ о смерти Елеазара книжника и семи братьев (2 Макк 6: 18 - 7: 22; 4 Макк 5: 1 - 6: 35; 17: 7 - 18: 24)) Исполнение же Торы, в интерпретации книжников и фарисеев, означало для прозелитов коренное изменение строя всей жизни. Вопрос о том, как Сам Христос относился к заповедям Торы, был предметом длительного обсуждения в апостольской общине. С определенностью можно сказать, что Христос не принимал такого толкования Торы, по которому ритуальные предписания заслоняли внутреннюю жизнь с Богом, обращение к Нему в покаянии и молитве. Целью Его проповедей было показать, что в Торе является главным, а что второстепенным. Отметим, что попытки суммировать Тору в одной заповеди делались и предшествовавшими Христу учителями иудаизма. Об этом красноречиво свидетельствует следующая история: некий язычник выразил желание принять иудаизм в том случае, если его «научат всей Торе, пока он стоит на одной ноге». Выслушав это условие, один из крупнейших учителей первого века до нашей эры, Шамай, с возмущением прогнал его прочь. Другой же учитель Израиля, Гилель, спокойно ответил: «Не делай другому того, чего не желаешь себе. Все остальное служит разъяснению этого. Иди и изучай». (Вавилонский Талмуд. «Шаббат», 31а. Русский перевод этой истории см. в молитвеннике «Сидур» (Иерусалим: Геулим, 1988), с. 347. Ср. Деян 15: 20б, 29б по Mss. 630, 945, и др.) Таким образом, уже Гилелем в отрицательной форме «не делай...» было суммировано золотое правило, которое Иисус считал квинтэссенцией Писаний: «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки» (Мф 7: 12). Свою миссию Христос видел в том, чтобы исполнить закон, а не нарушить; чтобы сделать выполнение заповедей вопросом личного отношения человека с Богом, а не предметом механически исполняемых установлений: то, что вы сделали одному из братьев Моих меньших, вы Мне сделали (ср. Мф 25: 40, 45). Заповедью всех заповедей, учил Христос, является любовь к Богу всем сердцем, всей душой и всеми силами, и любовь к ближнему, имеющая своим источником любовь к Богу. Учение Христа было путем к любви, Его жизнь — примером любви, Его смерть — откровением новой, жертвенной любви, Его Воскресение — залогом того, что любовь в христианской общине имеет источник

неиссякающий. Иисус верил в то, что язычники также способны к восприятию Его учения, как и иудеи. Насколько подобное отношение к язычникам было неожиданным, можно судить по реакции окружающих. Так, стоило Ему однажды упомянуть двух язычников в проповеди, как толпа тут же выгнала Его из синагоги и даже из города, намереваясь побить камнями (Мф 4: 16–30). Вспомним и то, что Иисус не считал нечистым общаться с женщиной самаритянкой, вызывая тем (сдержанное) удивление учеников (Ин 4: 27). Несмотря на неприязненные отношения между евреями и самаритянами (Лк 9: 53), Иисус избрал именно доброго самаритянина героем притчи, объясняющей, кого следует считать ближним (Лк 10: 30–37). Вопрос об обрезании и о соблюдении законов ритуальной чистоты был поставлен очень остро и чуть не привел к конфликту между Павлом и Варнавой, с одной стороны, и некоторыми членами Антиохийской церкви, с другой. Для разрешения этого вопроса был даже созван в Иерусалиме первый в истории церкви собор, называемый Апостольским, на котором было постановлено, что обрезание и многие другие законы ритуальной чистоты для обращенных из язычников необязательны (Деян 15). О том, насколько нелегким было принятие этого решения, свидетельствует отчасти тот факт, что апостолу Петру потребовалось откровение свыше, чтобы отказаться от ограничений, связанных с употреблением кошерной пищи: «Что Бог очистил, того ты не почитай нечистым» (Деян 11, ср. Деян 10: 44–48). Если бы устная традиция речений Иисуса бескомпромиссно требовала отказа от соблюдения субботы, ритуальных омовений и тому подобных ограничений, то едва ли Петру нужно было бы подкреплять ее новым откровением. (Отметим, что из того, что Иисус исцелял в субботу и позволял апостолам срывать колоски, вовсе не следует, что Он отменил субботу как время, специально посвященное Богу. Также как из того, что Его учеников обвиняли в несоблюдении поста, вовсе не следует, что Им был отменен и пост. Вспомним хотя бы Его строжайший сорокадневный пост перед искушением в пустыне. Вообще, вопрос об отношении Христа к ритуальной части закона едва ли можно решить, выставив батарею текстов из Евангелий, которые якобы свидетельствуют о нарушении Им ритуальных ограничений. Ведь следует помнить о том, что Евангелия в той редакции, в которой они дошли до нас, были написаны после Апостольского собора в пятьдесят первом году и отражают ту позицию, которая была принята на соборе.) Следовательно, в таком тонком вопросе требовалось решение, вдохновленное продолжающимся откровением Святого Духа в Церкви, проводником которого было как тогда, так и сегодня соборное мнение Церкви. «Ибо угодно Святому Духу и нам, — писала Иерусалимская община антиохийским братьям, — не возлагать на вас никакого бремени более, кроме сего необходимого: воздерживаться от идоложертвенного и крови, и удавленнины, и блуда» (Деян 15: 28–29). (Ср. 1 Кор 5: 11, Еф 5: 5, Кол 3: 5, Гал 5: 20. В современной Апостольскому собору иудейской литературе находим указание на три главных греха, которые «оскверняют землю» и «заставляют Шехину (т.е. присутствие Божие) удалиться»: идолопоклонство, блуд и убийство. См. Zadochite Fragment, 6.11). Обратим внимание на то, что в предписаниях собора ничего не говорится ни о соблюдении субботнего покоя, ни об обрезании. Ограничения, которые были сохранены, были менее строгими, чем те, которые соблюдались «боящимися Бога» язычниками, участвовавшими в молитвенной жизни иудеев. Это решение имело историческое значение. Отныне Евангелие было одинаково доступно язычникам.

Особенности новозаветной катехизации

Единой катехизической практики в новозаветной Церкви не было, как не было ее и в более позднее время. Если бы за определение катехизации мы взяли в этой статье только обучение, предшествующее крещению, то обнаружили бы, что упоминания о таком очень редки в новозаветном каноне. Установить, о чем Господь учил приходящих к Нему до крещения, тем более трудно, что мы не знаем ничего определенного о том, крестил ли Он вообще. Ведь только в Евангелии от Иоанна мы находим краткое и сбивчивое сообщение о том, крестил (Ин 3: 22)

или не крестил (Ин 4: 2) Сам Иисус. Подобное молчание евангелистов оправдано: когда Сам Господь, прощавший грехи, находился на земле во плоти, то не было никакой необходимости в крещении во оставление грехов. Нам неизвестно, были ли крещены погружением в воду ближайšie ученики Иисуса, хотя надо полагать, что те из них, которые ранее были учениками Иоанна, приняли его крещение. По свидетельству Луки, Пятидесятница была для апостолов днем крещения Святым Духом (Деян 1: 5). Иисус также обещал апостолам крещение кровью, которое многие из них и приняли. Обратим также внимание на то, что несмотря на упоминание Иоанна (4: 2), у синоптиков Иисус заповедует ученикам крестить самим только после Своего воскресения (Мк 16: 16; Мф 28: 19). При этом различие, которое делает книга Деяний между крещением Иоанна и крещением во имя Иисуса Христа, заключается в том, что последнее состояло как в оставлении грехов, так и в принятии дара Святого Духа, в то время как Иоанново крещение состояло только в омовении, закрепляющем внутреннее покаяние. (Эта интерпретация совпадает с важнейшим с исторической точки зрения свидетельством о крещении Иоанна у Иосифа Флавия в «Иудейских древностях» 18.117: «Погружение угодно Богу в том случае, если оно используется не для очищения души, но для освящения жизни, тогда как душа уже очищена праведностью»). Чаще всего в Евангелиях и в Деяниях апостолов мы встречаем людей, принимающих внезапное решение стать последователями Христа. Достаточно одного пророческого призыва Иисуса: «Идите за Мною!», чтобы апостолы, оставив все, следовали за Ним. (Мк 1: 17; Мф 4: 19. Ср. с призыванием пророком Илией будущего пророка Елисея в 3 Цар 19: 19-21). В Деяниях принятие Христа почти мгновенно сопровождается крещением. Павел, по свидетельству Луки, крестился, едва оправившись от происшедшего в Дамасской долине: «И тотчас как бы чешуя отпала от глаз его, и вдруг он прозрел и, встав, крестился и, приняв пищи, укрепился» (Деян 9: 18). Интересно упоминание о том, что Павел три дня «не ел, не пил» (Деян 9: 9), которое легло в основу соблюдения строгого поста, ставшего во втором веке частью приготовления к принятию крещения. Мы также находим немало примеров, когда крещение происходит сразу после первой проповеди об Иисусе или после личной беседы. Я уже обращал внимание на то, что беседа один на один часто оказывалась более действенной, чем даже самая красноречивая проповедь. Дело тут, впрочем, не столько в форме катехизиса, сколько в прямом божественном свидетельстве. Так, например, Лидия принимает решение креститься после первой же беседы вследствие того, что, по замечанию Луки, «Господь отверз сердце ее внимать тому, что говорил Павел» (Деян 16: 14). Ярким примером харизматической катехизации является проповедь Петра в Кесарии: «Когда Петр еще продолжал эту речь, Дух Святой сошел на всех, слушавших слово... Тогда Петр сказал: кто может запретить креститься водою тем, которые, как и мы (т. е. христиане из евреев), получили Святаго Духа? И велел им креститься во имя Иисуса Христа» (Деян 10: 44, 46-48). В некоторых случаях перед крещением мы слышим вопрос, подобный евангельскому: «Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?» В ответах на этот вопрос и следует искать сердце апостольского катехизиса. Ведь главным содержанием катехизиса, как я уже отмечал, является именно ответ на вопрос «Что делать?» и ни на какой другой. Так, например, люди, пораженные проповедью Петра в день Пятидесятницы, спрашивают, обратившись к апостолам: «Что нам делать, мужи братия?» Петр отвечает: «Покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов; и получите дар Святаго Духа» (Деян 2: 37-38). В другом случае темничный страж, потрясенный верой Павла и Силы, задает им один единственный вопрос: «Что мне делать, чтобы спастись?» И получает ответ: «Веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься ты и весь дом твой» (Деян 16: 31). В обоих случаях быстрота, с которой принимается решение креститься, связана с прямым свидетельством Духа: люди, окружавшие апостолов в Пятидесятницу, поражаются тому, как эти иудеи могут проповедовать на разных языках; темничный страж потрясен и испуган тем, что двери темницы сами собою растворились. Апостольская катехизация, таким образом, была не в слове только, но и в силе изливающегося Духа. (Ср. 1 Фес 1: 5, 2: 13; Гал 1: 11-12). По свидетельству апостола Павла: «И слово мое, и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении

духа и силы, чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией» (1 Кор 2: 4-5). Можно ли из ответов на вопрос «Что делать?» составить представление о минимальном содержании той веры, которую принимал всякий, крестившийся в апостольский век? Эфиопский евнух прямо задает вопрос апостолу Филиппу: «Вот вода; что препятствует мне креститься?» Филипп отвечает, что ничего не требуется, кроме искренней веры. Тогда из уст евнуха звучат слова, которые многие исследователи считают одной из древнейших вероисповедных формул: «Верую, что Иисус Христос есть Сын Божий» (Деян 8: 36-37). Однако древнейший христианский катехизис не сводился к признанию и заучиванию одной только формулы, точно так же как и современный катехизис не сводится к одному Символу веры или даже его толкованию. Ведь принять Иисуса как Мессию и Спасителя означало одновременно и постепенное вхождение в провозглашенное Им Царствие. Принять Учителя можно было, признав Его учение во всей его полноте и радикальности. Процесс приобщения к жизни в христианской общине и в первую очередь обучение лишь начинались с крещения. Ведь не случайно Лука упоминает о том, что крестившиеся на Пятидесятницу «постоянно пребывали в учении апостолов» (Деян 2: 42). Апостолы, согласно Деяниям, «всякий день в (Иерусалимском) храме и по домам не переставали учить и благовествовать об Иисусе Христе» (Деян 5: 42). Об апостоле Павле также сообщается, что первые дни после крещения он провел с учениками в Дамаске, очевидно, вникая в подробности того учения, за которое он ранее преследовал Церковь (Деян 9: 19б). Из Деяний мы узнаем также и о том, что крестившиеся в Кесарию просили Петра пробыть у них несколько дней, на что он, по всей вероятности, согласился (Деян 10: 48). Апостол Павел не оставлял своего отеческого попечения о тех церквях, которые он насадил проповедью Евангелия. Он нередко возвращался к своим детям во Христе с целью «утверждать души учеников, увещевая их пребывать в вере» (Деян 14: 22). Большая часть его писем и написана именно к таким общинам с призывом держаться той веры, которая была им однажды проповедана. Павел и Варнава провели в Антиохийской церкви целый год, «уча немалое число людей» (Деян 11: 26). Мы также узнаем из Деяний, что Павел, по прибытии в Эфес, учил три месяца в синагоге. Будучи же изгнан из синагоги, он переместился в школу некоего Тиранна, в которой он учил в течение двух лет (Деян 19: 8-10). Обучение это, надо полагать, носило характер доступный всем и регулярный. (Некоторые древние манускрипты добавляют в девятом стихе, что учение продолжалось от одиннадцати часов утра до четырех часов дня). Таким образом, неверно было бы считать, что катехизация у апостолов была быстрой и исчерпывалась одной проповедью перед принятием крещения. Даже Иоанн Креститель, несмотря на то, что он жил отшельником, имел учеников. Харизматический характер обращения первых христиан, проявлявшийся в разнообразных свидетельствах Святого Духа, вовсе не преуменьшал значение дальнейшего укоренения в вере и любви.

Этапы катехизации

Делал ли Иисус различие между катехизисом, который предназначался для всех, и «тайнами Царствия», которые Он поверял только апостолам? На первый взгляд, для подобного разделения есть основания. Так, например, Марк упоминает о том, что Иисус говорил к народу притчами, а ученикам наедине раскрывал их значение (Мк 4: 34). Все три Евангелия подчеркивают тот факт, что Иисус поведал только Своему ближайшему окружению смысл притчи о сеятеле, ссылаясь на то, что другие люди все равно окажутся неспособны понять его. (Мк 4: 10-11, ср. 7:17, 10: 10; Мф 13: 11; Лк 8: 10, ср. 10: 23). Добавим и то, что в качестве свидетелей Своего преображения Христос выбирает только троих апостолов — Петра, Иоанна и Иакова,—запретив им разглашать увиденное до того, как Он воскреснет (Мк 9: 9; Мф 17: 9). На основании этих текстов могло сложиться представление о том, что учение Христа подразделялось на часть общедоступную и открытую лишь для избранных тайную часть. Действительно, как мы увидим в очерке об александрийской школе, подобный взгляд разделяли многие так называемые гностические секты. Гностики считали, что Иисус сокрыл

от всего мира подлинное знание о Себе. Обладателями этого тайного знания, или гнозиса, являются те, кому Иисус передал его по воскресении. Чтобы как-то подкрепить эту теорию, богатое, а часто болезненное воображение гностиков создало немало литературных подделок. Расчет в данном случае был на то, что всякое знание, окруженное хотя бы даже искусственно таинственностью, будет выглядеть интригующе. Сами Евангелия, однако, предоставляют немало опровержений этого мнения. Иисус прежде всего желал того, чтобы весть о Царствии была услышана всеми. Ведь Он избрал апостолов с тем, чтобы сделать их «ловцами человеков». Перед Своим вознесением Христос заповедует апостолам: «Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что я повелел вам» (Мф 28: 19). В этих словах нет и намека на конспирацию. Напротив, Христос повелевает апостолам «покорять вере все народы» (1 Кор 1: 5) и проповедовать благовест, ничего не утаивая. Отметим также и то, что пророчество Христа о Его грядущем воскресении было известно не только ученикам, но и членам Синедриона (Мф 27: 63). Если членам ранней церкви и приходилось собираться тайно, то это было только по причине гонений. Церковь никогда не была тайным обществом и не окружала свое учение искусственным ореолом таинственности. Когда апостол Павел пишет: «Говорю вам тайну (musteion), не все мы умрем, но все изменимся», то речь идет не о секретном знании, которое доступно лишь избранным, но, в большом количестве случаев, о плане божественного спасения, который еще до конца не известен, но который ожидает своего окончательного раскрытия в будущем (1 Кор 15: 51, ср. Рим 11: 25, 16: 25). В учении апостолов была глубина, не сразу и не всем одинаково доступная. Всякий хороший педагог знает, что в процессе обучения необходима постепенность и последовательность, что более простые истины следует сообщать вначале, так как ученики будут не способны понять истины более глубокие. Именно с этой педагогической целью Христос пытался сделать все, чтобы Его чудеса не разглашались. Ведь Господь не хотел того, чтобы народная молва о Нем как о чудотворце заслонила собою истинный смысл и значение Его миссии: проповедь покаяния, приближение Царствия и осуществление мессианских ожиданий. Христос постоянно напоминал о том, что огрубевшее сердце необходимо подготовить к принятию тайн Царствия. Подготовка включала покаяние, исполнение заповедей и дела любви, которые вели за собою изменение всей жизни. Различие между видами катехизической работы естественно возникало еще и потому, что апостолы обращались к двум по-разному подготовленным аудиториям: иудеям и язычникам. Большинство евреев было воспитано на заповедях Моисеевых с детства. Апостол Павел сравнивает Тору с рабом, в обязанности которого входило следить за воспитанием детей, а также сопровождать их в школу. Таким вот «детоводителем ко Христу» и был закон (Гал 3: 24). Обращаясь к иудеям, апостолы могли ограничиться беглыми ссылками на Тору и Пророков, и контекст проповеди становился большинству из них понятен. В случае язычников все нужно было в значительной степени начинать с нуля и проповедовать того Бога, Которого, по остроумному замечанию апостола Павла, афиняне почитали, не отдавая себе в том отчета (Деян 17: 23-24). Разумеется, по глубокому убеждению апостола язычников, ни одна душа не представляла из себя *tabula rasa* в отношении принятия Евангелия. У язычников закон был написан на плотных скрижалях сердца (2 Кор 3: 3, ср. Рим 2: 14-15). Подготовку их совести совершал Сам Бог. Впрочем, какими бы правильными ни были моральные интуиции, которые подсказывает голос совести, для укоренения этих благих начинаний необходим был строй жизни, при котором можно было бы их культивировать. Этот строй жизни и привлекал «боявшихся Бога» язычников в синагоги. Первым учителям христианства необходима была кропотливая апологетическая работа, которая во времена апостолов велась на уровне борьбы с народными суевериями, идолопоклонством и многобожием (Деян 14: 8-19), а также полемики с популярными философами вроде эпикурейцев и стоиков (Деян 17: 18). Христианам приходилось терпеть немало злых насмешек от язычников (1 Пет 2: 12). Только начиная с середины второго века можно говорить о настоящем взаимодействии христианства с интеллектуальным наследием эллинизма. Апостолы же в первую очередь призывали к

изменению жизненного пути, к тому, чтобы отказаться от языческой беспутности, терпевшей почитание множества богов. Язычникам нужно было отказаться от почитания идолов, от участия в празднествах, от многих аморальных привычек, которые были позволительны в их среде (Еф 4: 7). Как удачно заметил блаженный Августин, апостолы проповедовали евангелие миру, в котором язычники не ожидали прихода Мессии, по словам пророков, в то время как иудеи не верили в то, что Он пришел, по словам апостолов. (Бл. Августин. О Троице. 13.24). Для еврея главной преградой в принятии христианства было признать в Иисусе, умершем унизительной рабской смертью, воскресшего Мессию — Царя Израиля. Евреи, слышавшие о распятии Христа, но считавшие невероятным Его воскресение, были возмущены проповедью Мессии страдающего, как оскорблением всех надежд на национальное возрождение. Евреям требовалось принять тот немыслимый факт, что Бог прославил и посадил по правую руку от Себя Иисуса, Который был осужден ни кем-нибудь, но наиболее авторитетными представителями той религии, в которой они были воспитаны с детства. Язычникам, помимо учения о Мессии, Спасителе мира, необходимо было принять весь моральный и молитвенный строй жизни, связанный с новым учением. Язычникам трудно было примириться с той мыслью, что проповедь Христа является учением, появившимся недавно (Деян 17: 19). Государственная бюрократия Римской империи признавала только традиционные религии, а к новым религиозным движениям относилась с подозрением, как к возможным возмутителям порядка (см. Деян 16: 21). Таким образом, и душа эллина, и душа иудея требовали подготовки к принятию благой вести. У апостола Павла находим фигуральное различие между двумя степенями зрелости в вере, которое впоследствии стало традиционным. «Я не мог говорить с вами, братия, как с духовными, но как с плотскими, как с младенцами во Христе, — пишет он в своем Первом послании к коринфянам. — Я питал вас молоком, а не твердою пищею, ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах, потому что вы еще плотские. Ибо если между вами зависть, споры и разногласия, то не плотские ли вы?» (1 Кор 3: 1–3). Павел обращается к церкви, большинство членов которой составляли, по всей вероятности, обращенные из язычников. Он предостерегает коринфян о том, что прежде чем рассуждать, в каком именно теле воскреснут мертвые (1 Кор 15), следует относиться к своему собственному телу как к храму Святого Духа и не осквернять его блудом (1 Кор 3: 16; 6: 18–19). Таким образом, катехизис, обращенный к язычникам, имел в качестве вступительной, «молочной» части воспитание совести и выполнение заповедей, после чего можно было приступить к «твердой пище», то есть в данном случае к подробностям учения о воскресении мертвых и о различении духовных даров. Более определенное различие между этапами катехизиса делает автор Послания к евреям. По его представлению, «слово Божие» или, что то же самое, «слово Христа» подразделяется на первые элементы (τὸ στοιχεῖον τοῦ εὐαγγελίου) или основание (ἡμεῖς) и на трудно объяснимое учение, истолкование которого требует специальной подготовки (Евр 5: 12, 6: 1). Автор пользуется уже знакомой нам метафорой молока и твердой пищи: «Всякий, питаемый молоком, не сведущ в слове правды, потому что он младенец; твердая же пища свойственна совершенным, у которых чувства навыком приучены к различению добра и зла». (Евр 5: 14, ср. Втор 1: 39, Ис 7: 16. Обратим внимание на необходимость воспитания чувств и совести). Если крещение для каждого христианина было новым рождением, то следующий затем катехизис естественно было сравнить с «чистым словесным молоком» (1 Пет 2: 2), а начало христианской жизни — с «младенчеством во Христе» (1 Кор 3: 1, ср. Еф 4: 14; Евр 5: 13). Подытоживая предыдущие рассуждения, можно сказать, что в апостольские времена различия на эзотерическую часть, доступную только избранным, и экзотерическую часть катехизиса, к которой допускался каждый, не было. Также не находим мы никакого определенного разделения богослужения на ту часть, в которой могут принимать участие все, и ту, к которой могут допускаются только особым образом приготовленные. (Это замечание вовсе не преуменьшает значение предостережений апостола Павла в 1 Кор 11: 27–31. Предостережение о том, что Тело и Кровь Христовы следует вкушать достойно, получило совершенно органическое развитие в последующей церковной практике). Однако пастырский опыт церкви

подсказывал, что уровень катехизиса во многом зависит от степени подготовки той аудитории, которой он предназначался. Обращенные из иудеев и язычников требовали разного внимания, разной духовной работы. Несмотря на множество случаев, когда обращение в христианство происходило стремительно, по велению Святого Духа, а не постепенно, в тишине сердца, все новообращенные считались младенцами во Христе, и от каждого ожидался духовный рост. Катехизация требовалась для лучшего различения добра и зла, а также для возрастания и укоренения в вере и любви (Флп 1: 9). (Продолжение следует)

Священник Георгий Кочетков: Предисловие к работе Павла Гаврилюка «История Катехизации»

Миссионерство и катехизация

С большой радостью мы начинаем знакомить наших уважаемых читателей с работой магистра богословия, профессора университета в Далласе, члена Американской православной церкви Павла Гаврилюка, посвященной истории катехизации, т.е. истории той традиции нашей церкви, значение которой на протяжении многих (и при этом отнюдь не худших) веков было огромно, но которая более всего оказалась ныне забытой и искаженной. Между тем, в церкви всегда многое зависело, как оно и зависит, и всегда будет зависеть, от того, каким образом церковь проводит воцерковление своих членов. Поскольку люди «христианами не рождаются (по плоти), а становятся», вопрос воцерковления относится к каждому члену церкви. Всем нужно хотя бы однажды пройти те «непроходимые врата, тайно (и таинственно) образуемые», которые называются еще вратами спасения, вратами Церкви и которые неразрывно связаны с Тем, Кто однажды сказал о Себе: «Я есмь Врата». Катехизация — это служение по дару Святого Духа, это не просто обучение, это научение, наставление на Путь. Причем служение это жертвенное и священное. Без благодати свыше никому нельзя родиться «от воды и Духа». Катехизация — не детский ликбез, она может быть сколь угодно глубока в своих собственных пределах. Это еще своего рода трамплин: каков трамплин, таков потом и полет вперед и высь. На протяжении веков церковь и всякий в ней епископ, которому всегда надлежало быть «учительным», тратили на катехизацию огромную часть своих сил и своего времени. Потому-то и возник в церкви тот замечательный и отточенный пласт ее преданий и писаний, забвение которого равнозначно разорению дела и дара Божьего. Как многое в нашей церковной жизни изменилось бы, если бы мы смогли достойно вспомнить, целостно возродить и актуализировать этот дар. В XX веке проходило так называемое «евхаристическое возрождение», и хотя оно еще мало коснулось нашей Русской православной церкви, однако это уже неизбежно. Тогда не требы, а Евхаристия собранной во Христе в полном своем составе церковной общины станет в центр духовной жизни и служения верных христиан, обретающих в ней свое царственно-священническое достоинство. Тогда евхаристическая экклезиология, видящая в каждом евхаристическом собрании актуализацию и исполнение Церкви, не позволит превратить Литургию Церкви ни в длительный многословный молебен с магическим оттенком, на котором не важны для всех верных молитвы предстоятеля, ни в «архиерееслужение», в котором так много языческого. Но после евхаристического возрождения еще потребуются возрождение пророческого духа в церкви, без чего не может в ней побеждать Божья Истина и Божья Правда и Справедливость, и возрождение второго центра церковности, наряду с Евхаристией, — опыта и практики миссии, катехизации и Крещения в полном смысле слова. А вот здесь-то православными еще почти ничего не сделано. Лишь несколько работ принопамятных о. Николая Афанасьева и о. Александра Шмемана, а также православных

богословов, трудившихся над Лимским документом «Одно Крещение, одна Евхаристия и взаимно признаваемое священство», и скромные теоретические и практические труды Огласительного училища, ныне работающего при Свято-Филаретовской московской высшей православно-христианской школе. (К слову говоря, надо поздравить учащихся и учащихся этой Школы с тем, что с этого учебного года в ней началось преподавание на IV курсе предмета «История христианской миссии и катехизации».) На этом фоне появление первого на русском языке отдельного труда по истории катехизации переоценить невозможно. Тем более что его автор стоит, как он сам признается, не на рабских и не на наемнических, а на сыновних позициях в отношении церковного предания и писания. Поэтому мы не ожидаем от него ни окриков хозяина невольных и озлобленных рабов, ни распоряжений господина наемных и корыстных слуг, а только искренних и добрых советов отца любящему и прислушивающемуся к нему сыну. Мы с вдохновением и воодушевлением разделяем мнение автора, что «относиться к святоотеческой традиции рабски означает бояться любого отступления от буквы предания; это означает испытывать страх перед всякими изменениями и нововведениями, независимо от того, согласуются они или нет с духом предания... [Это] означает также абсолютизировать церковную практику, существовавшую в один какой-нибудь исторический момент, пренебрегая исторической перспективой... Прислушиваться к церковному преданию подобно тому, как слуга внимает словам своего господина, означает полностью подчинить изучение истории собственным интересам. Это значит видеть в истории церкви только отражение современных проблем и вычитывать из нее заранее приготовленные ответы. Крайний консерватор будет склонен видеть в истории церкви сплошное повторение от века заведенной и передаваемой из поколения в поколение традиции. Крайний либерал, наоборот, будет усматривать сплошные несоответствия, прерывистость, противоречия и реформы. Напротив, следует наследовать святоотеческое предание подобно сыновьям. Изучение церковной истории должно быть плодом любви, а не пристрастия. Если у Бога нет лицепрятия, то и наши суждения должны основываться на исторических свидетельствах, а не на подтасованных фактах, оправдывающих современную практику. Следует отметить также, что любить святоотеческое предание как сыновья вовсе не означает не допускать в отношении него никакой критики. Как раз наоборот, сыновняя любовь предполагает критику и добросовестное обсуждение спорных сторон предания. Ведь честное обсуждение трудных вопросов было частью древней катехизации... В таком же духе следует подходить к обсуждению всего многообразного опыта катехизации, если только мы хотим действительно извлечь из него урок». Конечно, предлагаемая читателю работа Павла Гаврилюка — только первый труд на эту тему. Здесь будут неизбежны несколько излишние обобщения, неточности и спорные места. Однако одно уже несомненно: это событие — новый толчок для всех, желающих возрождения полноты современной православной церковной жизни. Согласно достигнутой с автором договоренности, редакция журнала «Православная община» планирует опубликовать в двух номерах первый из восьми очерков, а потом, может быть, таким же образом и второй. Если работа будет принята читателями доброжелательно, то в полном объеме она будет издана отдельной книжкой Свято-Филаретовской высшей христианской школой. Будем надеяться, уже в этом году...

Митрополит Герцеговинский Афанасий (Евтич): Эсхатон в нашей жизни

Богословие и философия

По-гречески «первое» мы называем *protologia*, а «последнее» — *eschatologia*. Ни один из этих терминов невозможно перевести точно. Технический термин для обозначения второго — «эсхатология», то, что касается конца времен, последних вещей. Но *protologia*, мне кажется, не

имеет даже технического термина для перевода. Это слово относится к тому, что находится в начале времени или даже до начала времени. Можно говорить в простых понятиях пролога или эпилога к книге, однако реальность нашей жизни — не книга, даже если эта книга — Библия. Недавно был впервые осуществлен перевод на сербский язык знаменитого Потерянного Рая Мильтона. Я был на презентации этой книги, и хотя ничего не могу сказать о ее поэтических достоинствах, могу сказать нечто о богословском подходе Мильтона к самой проблеме. Начнем с того, что сравним его подход к этой теме — с одной стороны, и православного христианского Предания — с другой. Мильтоновский подход — это подход протологический, он рассматривает Библию, делая акцент на начале времени, на творении и на его первоначальном состоянии, тогда как я предпочитаю рассматривать Библию эсхатологически, через призму конца времени и последнего состояния творения. Согласно Мильтону — если говорить на другом, более простом языке — нечто произошло в прошлом, и то, что произошло в прошлом, определяет то, что происходит до сих пор. Напротив, позиция православного богословия такова: что бы не случилось в прошлом, это, конечно, важно, но то, что должно произойти в будущем — гораздо важнее. Когда мне приходится говорить об этом со студентами семинарии, где я преподаю, я пытаюсь объяснить это на примере из области, хорошо знакомой европейцам, а именно футбола. Позвольте мне и сейчас воспользоваться тем же приемом. Рассмотрим тактику игры Марадоны, Линекера или Стойковича. Соперник забивает мяч или два в первой половине игры, и это, конечно, в известной степени определит стиль игры их команд. Марадона, или кто-то подобный, пока еще не показывает, на что способен. В какой-то момент, однако, он вдруг, с большим мастерством, забивает один или два гола, и к концу первого тайма сравнивает счет. Люди думают: если Марадона мог двумя точными ударами вот так запросто выправить положение в первом тайме, что же будет, если он в полную силу сыграет во втором? Библия — это игровое поле чудес и знамений Божиих, однако самое важное в Библии — не чудеса Божии, не творение, не спасение народа Израильского и т. д., но скорее ее обращенность к последним временам, к тому, что Бог, Который с такой легкостью уже соделал в истории столь великие дела, еще будет творить. Таким образом то, что Бог делал в начале, менее важно — так к этому подходит Библия — чем то, что Он будет делать в будущем, в конце времен. Прекраснейшая книга, Песнь Песней, это книга о двух возлюбленных, в которой возлюбленный уходит, но влечет свою возлюбленную за собой. Так и в наших отношениях с Богом, только мы еще в первой половине игры; Бог влечет нас за Собой к более глубокому общению.

Понимание времени

Теперь я хотел бы перейти к пониманию времени, как в античности, так и в библейском откровении. В целом античность — за исключением народа Израиля, получившего откровение, — смотрит на прошлое как на нечто лучшее, нежели настоящее, и как на фактор, решающий для будущего. Некогда существовал рай, который постепенно был испорчен: наше желание — вернуться в этот рай. Так, например, обстоит дело с Одиссеем. Он тоже хочет вернуться в свой потерянный рай, на свой остров, совсем в духе Мильтона. Кольцо замыкается, конец должен вернуться к началу. Библейское понимание прямо противоположно. Наша ностальгия, в отличие от ностальгии Одиссея, похожей на ностальгию большинства людей, это тоска по будущему, по тому, что грядет. Она обращена не к прошлому, но к тому, что предстоит. Рай не позади, а впереди нас. Мы ищем Того, Кого Адам потерял в раю, и Его — во всей полноте Его славы — мы обретем в грядущем. Вспомним блудного сына, который, покинув отчий дом и потерпев жалкую неудачу в жизни, однажды ощутил ностальгическую жажду возвращения в отчий дом. Когда он возвращался, его встретил отец, заранее вышедший из дома навстречу своему сыну. Я спрашиваю: что влекло сына назад — ностальгия по прошлому или сознание того, что отец выйдет ему навстречу? И то и другое может быть правдой. Но с библейской точки зрения наиболее значимо движение Отца навстречу блудному сыну. Именно это я

подразумеваю под эсхатологическим отношением Православной Церкви. Это отношение можно проиллюстрировать, посмотрев на православные иконы, где нет западной перспективы, уходящей вглубь картины. Наоборот, перспектива разворачивается от изображенного к созерцающему. Она была названа «обратной перспективой» православной иконописи, и художникам, окончившим школу изящных искусств, она несомненно кажется довольно наивной. Но важно понять, что здесь Бог и Его святые выходят нам навстречу, как будто Небеса уже присутствуют здесь, дабы обогатить нашу повседневную жизнь. Античный взгляд, который мы уже обсуждали в связи с возвращением рая, основан на воспоминании событий прошлого. Православный подход в большой степени основывается на призывании Святого Духа, Который приходит к нам из будущего. Православное литургическое предание соединяет это воспоминание о прошлом — анамнезис, с эпиклезисом — призыванием Святого Духа. Воспоминание, прошлое и история не упраздняются, но обретают новое значение в эпиклезисе, который мы должны всегда понимать эсхатологически. Резюмируя, можно сказать, что конец времени определяет начало, а не начало — конец. В Откровении это выражено в одной знаменитой фразе: «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец» (Откр 21: 6). Св. Максим Исповедник в седьмом веке писал, что когда мы обдумываем план постройки дома, не первые эскизы определяют облик будущего дома. Наоборот, конечный образ дома, который сложился в замысле архитектора, определяет здесь начало, то есть первые эскизы. Св. Максим утверждал, хотя я несколько упрощаю его изысканный философский язык, что тайна Воплощения Христа несет в себе силу для того, чтобы объяснить загадки Библии, и для того, чтобы объяснить и помочь нам понять творение. Тот, кто познал тайну Креста и Гроба, познает эту же тайну. Но тот, кто проник в мистическую силу Воскресения, поймет самый замысел Бога в Его творении и в откровении Библии. Целостный опыт Откровения и Воплощения дал действительно сильный толчок идее исторического развития и процесса исторических изменений. До Библии, и в особенности, до Нового завета, мы не имели такого чувства исторического времени или развития в истории. Древний и греческий миры в этом смысле боялись истории. Они боялись нового и неожиданного, принимая прошлое как стабильную определенность. Вот почему так важен был для них космос, гармоничная стабильность и совершенство мира, который изучали древние греки. Великая индийская цивилизация также избегала исторического развития. Для Гаутамы Будды весь процесс становления есть нечто такое, от чего нужно уйти, и в этом уходе можно достичь нирваны. Есть ли нирвана бытие или небытие — не имеет большого значения. Имеет значение, что для Будды решающим было то, что мы покидаем исторический процесс, процесс становления. Согласно Библии, история есть одно из великих благословений Божьих. Она есть следствие творения и наделяет смыслом жизнь и драму человека. И хотя Ветхий и Новый заветы дали импульс и вдохновили идею прогресса и творчества человека в истории, они не могли на этом остановиться. Вне эсхатологии история была бы просто последовательностью событий, не имеющих ни смысла, ни завершения. Значимость и важность истории не оспариваются, но мы не останавливаемся на понятии истории. Если бы навстречу блудному сыну, возвратившемуся домой, не вышел отец, возвращение не имело бы смысла. Воплощение Христа в истории есть утверждение истории. Одновременно, однако, эсхатологическая реальность Воскресения освобождает нас от оков исторической событийности, которая всегда продолжает двигаться, всегда развивается. Вот почему св. Максим в уже цитированном отрывке утверждает, что именно Воскресение наделяет смыслом творение, и именно в Воскресении обретает смысл само Воплощение. Эсхатология в нашей повседневности — это вера в Воскресение, вера в вечность жизни. Под этим я не имею в виду вечную жизнь души или мира. Говоря языком Евангелия, это нечто гораздо большее, это *anakephalaiosis* (Воссоединение под главою (Христом) (греч.), см. Еф 1: 10 . — Прим. ред.) жизнь для всех, жизнь в суммировании всей истории. Именно Святой Дух, сходя на Церковь и входя в нашу повседневную жизнь, сообщает нам это эсхатологическое чувство.

Святой Дух и мир грядущий

Как бы ни был велик художник, поэт или футболист типа Марадоны, как бы он или она не развили свои таланты, такие одаренные люди обычно сознают, что на последней глубине их творчества все решает вдохновение. Оно не есть прямое следствие одаренности или какой бы то ни было тренировки или упражнения в развитии своих талантов. Всесторонний человеческий опыт говорит о том, что истинно великие произведения и истинно великие достижения суть результат вдохновения. Это, конечно, не значит, что мы не должны иметь определенной подготовки или не должны развивать наши таланты. Это значит, что вдохновение, относящееся к эсхатону, к последним временам, есть нечто большее, чем все это. Это «нечто большее» в нашей повседневной жизни и есть присутствие Духа Святого. Если мы служим Литургию, и нет присутствия Духа Святого, тогда мы просто совершаем обряд. Даже столь важное событие как мученичество, подобное мученичеству св. Поликарпа Смирнского, если оно не благословлено Святым Духом, может иметь меньшее значение, чем страдания и смерть любого человека. У Достоевского в Братьях Карамазовых монах Алеша говорит брату Димитрию (настоящему грешнику), что они очень схожи. Хотя Алеша — монах, и на одну-две ступеньки кажется выше Димитрия, у них все-таки очень много общего. Разница между ними очень невелика. Я считаю, что современная европейская цивилизация, столь прогрессивная и во многих отношениях столь поразительная, на самом деле недалеко ушла от нашей отсталой жизни на Балканах. Там, где отсутствует елей милости, где отсутствует соль веры, где отсутствуют дары и плоды Святого Духа, там, где не слышен «глас хлада тонка», который слышал пророк Илья, там все наши достижения ничего не стоят. Изначальные голод и жажда человеческого существования остаются неутоленными. Даже если человек не грешит, если он не подвержен злу, он остается пленником бытия, пленником природы и, если угодно, всей вселенной — ибо это тоже природа, и без Святого Духа человек всегда будет оставаться пленником. Эсхатология свидетельствует, что человек больше не пленник ни круговращения времен, ни развития событий, поскольку Христос пришел к нам из-за границ времени, из эсхатона, для того, дабы разбить оковы времени и истории. Дух Святой постоянно держит открытыми врата в мир грядущий, в рай. Христос в Своем Воплощении принес Царство Божие человеку, а в Своем Воскресении вознес человеческое тело до сидения одесную Бога. Это событие в истории, исторический факт, и в этом — величайшее утверждение человеческой истории. Но если бы Святой Дух как другой Утешитель не был послан к нам, дабы держать открытыми для нас Небеса, а также место одесную Отца, тогда событие вочеловечения Христа осталось бы в плену у истории, в ее анналах. Или, самое большее, исторический процесс стал бы вечным. Православный опыт осмысления конца времен, однако, не есть опыт бесконечной истории. Это была бы бесконечность одного и того же, истощание духа. Один мой белградский знакомый, марксист, еще не ставший христианином, говорил мне: «Вы говорите о христианской мистике, и это очень напоминает кота, который греется на солнце и которому наскучила жизнь». Я ответил ему, что то, что он считает христианством, вовсе не христианство. На самом деле христианство — это радость игры, радость встречи, радость объятия. Это тот вкус любви, который, сколько бы радости ты не получил, оставляет тебя ненасытившимся. Ты никогда не чувствуешь насыщения, но чувствуешь, будто ты хочешь преодолеть свои физические ограничения. Своим эсхатологическим актом Бог освободил Самого Себя для нас, дабы мы не были заперты в Нем. Опыт настоящей любви есть эсхатологический опыт. Опыт надежды, как опыт конца времени, также есть эсхатологический опыт. То же относится и к опыту ожидания, который свидетельствует, что человек есть не то, что он есть, но то, чем он будет. Человек по самой своей природе есть эсхатологическое существо. Если мы не принимаем этого — а мы имеем такую привилегию как свободные создания — мы обрекаем человека на тюремное заключение, даже если границы этой тюрьмы безмерно широки, пусть даже это будут галактики, пусть это будет даже вечность. Любовь хочет, чтобы человек был свободен, был безграничен, чтобы он был существом эсхатологическим, обращенным к концу времен. Два разных опыта разочарования в человеческой любви можно видеть у Достоевского и у Маркузе. Если любишь человека, говорит Достоевский, это захватывает все твое существо, но

в то же время ты чувствуешь, что даже если любишь человека, но еще не можешь любить Бога, то не можешь достичь того, чего желаешь достичь. Любовь Божия открывает эсхатологическое измерение человеческой любви. Вот почему две любви — к Богу и к человеку — символически образуют крест. Две эти любви — к человеку и к Богу — не просто этические заповеди, они — онтологические основания человеческого существа, но также и крест для человека. Если мы уберем или вертикальную, или горизонтальную составляющую креста, то все, что нам останется — это бревно. Если мы отделяем любовь к человеку от любви к Богу, мы не найдем того эсхатологического измерения, в котором нуждается сама любовь, поскольку любовь к Богу действительно невозможна без любви к человеку. У Герберта Маркузе — немецкого марксиста, жившего в Америке и пытавшегося соединить Маркса с Фрейдом — один из героев говорит в молитве: «О Боже, спаси меня от самого себя». То, что Христос стал человеком, означает, что Бог вышел из Самого Себя в порыве любви. Такой Бог экстатичен — слово «экстатичный» по-гречески буквально значит «вышедший из себя». Этот Бог, выходящий из Себя, экстатичный Бог, как говорит Дионисий Ареопагит, — Тот, Кто выходит из Себя навстречу нам, выходящим из себя навстречу Ему. Вот почему я говорю, что любовь — это эсхатологический опыт, эсхатологический тип жизни. Когда я говорю о любви в этом смысле, я, однако, имею в виду любовь распятую. Вот почему для нас, христиан, любовь, эсхатологически переживаемая в повседневной жизни, есть крест. Христианин должен быть беспокойным духом, революционным духом, человеком, постоянно живущим риском, порывом. Вот почему я говорю, что человек есть не только *homo faber* — человек умелый, или *homo sapiens* — человек разумный, но еще и *homo ludens* — человек играющий. Даже не *homo religiosus* — человек религиозный, о котором говорит Мирча Элиаде, а именно *homo ludens*, игрок — личность, одновременно дарующая любовь и ищущая ее: человек общения. В греческом языке слова «общение» и «общество» (Как и в русском, в отличие от английского. — Прим. пер.) очень схожи. Таким образом, человек общения должен быть существом социальным, взаимосвязанным с другими. В строгом смысле слова, общение — это когда двое постоянно открыты друг другу, навсегда и бесконечно. Если мы считаем, что общение кончается и таким образом теряет свой эсхатологический смысл достижения конца времен, то это общение оказывается лишено своего основания, даже если оно и не полностью разрушено. Бог в Своем бытии есть вечное общение. Вот почему Троица означает единое общение Трех Любящих между Собой. Сотворение мира для нас есть призыв войти в это общение. История есть движение, путешествие к этому концу. Если в нас есть эсхатологическое предвкушение истинного Бога, любящего нас, то мы можем его сохранить только в том случае, если мы любим наших ближних. Только тогда мы понимаем, что общение, или «общество» в смысле «общения», — никогда не прекратится. Что среди всего, что есть под солнцем, единственно истинное новое — это общение в любви, никогда не перестающее, потому что исходит от конца, эсхатона, и оно есть Божье общение. Парадоксальным образом из этого можно сделать вывод, что поскольку мы православные христиане, наши отношения с миром всегда трагичны. Это истинно в отношении современной ситуации, также как и в отношении прошлого. Наша история, даже когда она успешна, в этом мире всегда есть распятая история. Но христианское понимание распятой истории или трагедии отличается от древнегреческого. Без трагедии люди не могут выйти за пределы самих себя. Но Бог вступил в эту трагедию и был распят, и через это мы действительно вышли из трагедии. Трагедия Креста претворяется в Воскресение. Воскресение не отменяет реальность Креста, но распятие не обожествляется само по себе, и никогда не сможет быть обожествлено, потому что оно — не конец, но врата в Воскресение, которое есть конец, реализующийся в истории, хотя истории и предоставлено еще идти своим чередом. Это знание есть знание, данное нам Духом Святым. Вот почему христиане в своих ранних текстах, например в Учении двенадцати апостолов, говорят: «Да придет Святой Дух, и да прейдет мир сей». Это не значит, что они против мира, но то, что они не собираются заключать себя в границы мира, даже если этот мир сотворен Господом. «Я уязвлена твоей любовью» (В Синодальном переводе: «Я изнемогаю от любви» (Песн 2: 5, 5: 8). — букв. «Я болен

от любви», и в Септуагинте — «Я ранен (букв. пробуравлен) любовью». — Прим. ред.) — говорит возлюбленная в Песне Песней, и тот, кто уязвлен этой любовью — он или она — безутешен. Однако это бытие без утешения есть благословение. Позвольте мне привести один пример. Когда я рос при коммунистической власти, коммунисты убеждали нас, что они строят удивительный мир, поистине Царство Божие на земле. Эти обещания, это видение мира волновали нас. К счастью, задолго до этого то же самое было с Достоевским. В действительности же первой жертвой коммунизма стал первый человек, Адам. Почему Адам попался в ловушку, когда сатана нашептал ему, что он может быть равным Богу? Потому что в определенном смысле человек действительно создан, чтобы быть равным Богу. Ложь дьявола и ложь коммунизма звучала убедительно, потому что они затрагивали какие-то истинные струны внутри человеческого существа. Они использовали эти истинные струны, пытаясь наполнить человека неправдой. Вот почему св. Иоанн Дамаскин писал, что Адам впал в грех, устремившись к Богу ошибочным путем. Действительно, мой личный опыт, опыт сербского православного христианина, говорит мне, что дьявол — это очень могущественная сила, обладающая активной способностью привлекать нас. Все это однако бледнеет по сравнению с предвидением встречи с Господом, выходящим нам навстречу. Когда со слезами покаяния я обрел этот опыт — который действительно был опытом горького разочарования даже в своих успехах — я понял, что дьявол на самом деле очень слаб, и что человек сильнее и дьявола, и архангела. И поскольку христианам приходилось жить при режиме, который навязывал себя не только силой, но и соблазнительной идеологией, я понял, почему дьявол в нашей жизни столь агрессивен. Он агрессивен потому, что совсем не уверен, что может победить человека. В противоположность этому Бог не агрессивен по отношению к нам. Временами он даже отходит от нас, поскольку уверен, что человек влечется к Нему. Любовь не агрессивна, то же самое верно в отношении истины и эсхатологии. Когда мы принимаем эти реальности, мы живем с убеждением, что наша повседневная жизнь есть жизнь вечная. Мы не желаем терять эту уверенность, дарованную нам якорем нашей веры, который, по словам апостола Павла, мы забросили на третье небо. По-настоящему мы были мучимы не просто как индивиды, или народы — греки, сербы или русские, но как те, кто ищет этого якоря исторической уверенности, уверенности в успехе и в действительности.

Жизнь в эсхатологическом времени

В крайнем случае мы понимаем, что Бог показывает нам Свою любовь в том, что мы далеки от успеха и он не позволяет нам купаться в нем. Любовь Божия хочет, чтобы мы были свободными, свободными от любого идола. Даже Бог может быть нашим идолом, а худший из всех идолов — это мы сами. Как сказано в покаянном каноне св. Андрея Критского, читаемом в начале Великого поста: «Я сам себе стал идолом». Св. Иоанн Богослов заканчивает свое Первое послание словами: «Дети! храните себя от идолов». Эсхатологическая позиция православного христианина по отношению к жизни, одновременно литургическая и аскетическая, есть позиция крестной любви, приводящей к воскресению. Воскресение не наступит, если мы не пройдем через опыт распятия. Вот почему эсхатон в нашей повседневной жизни — это не ощущение блаженства на богослужении, оставляющее нам чувство умиротворенности и безопасности. Действительно, религия сама по себе есть достаточно опасное явление. Она может стать оправданием делания неправды, алиби при неверии, подменой крестной любви. Это так потому, что человек может, со всеми безднами, таящимися в его душе, вернуться в самого себя и смотреть на себя как на конечную цель или смысл своей жизни. В этом случае любящий и страдающий Бог просто перестанет для него существовать. Мы можем вытеснить из нашей жизни Христа, как можем вытеснить Бога бесчисленным количеством божков. Наш эсхатологический опыт, однако, говорит нам, что Мария в Евангелиях была права: только одно нужно для опытного познания Христа — следовать за Ним, как в Апокалипсисе мученики следуют за Христом. Это вовсе не означает, что мы просто становимся сзади и теряем

историческую активность. Это не лень, но ожидание. Ожидание продолжающегося крестового похода — но не с силой, а с немощью, данной Богом. Во всех наших немощах мы должны помнить, что Дух Святой с нами и внутри нас взывает: «Авва, Отче». И в таком эпиклезическом подходе, который есть призывание Святого Духа, в этой одновременно литургической и аскетической ситуации нет большой разницы — кто святые, а кто грешники, кто добродетельные, а кто падшие, кто стоит выше, а кто ниже. Чем отличались друг от друга разбойники справа и слева от распятого Христа? Только тем, что хотя оба они были грешники и оба смотрели в лицо смерти, один из них осознал ее как личную и спасительную. В момент истинного покаяния, эсхатологической эпиклезы, он возопил: «Помяни меня, Господи, во Царствии Твоем!» Это и есть крест — пересечение воспоминания и эпиклезы, библейская диалектика истории и эсхатологии. Но это не диалектика ради диалектики, не диалектика ради какой-то эволюции или революционного изменения, но диалектика распятия и воскресения, диалектика веры и любви. Я хотел бы закончить мыслью св. Марка Отшельника, которую можно кратко передать так: эсхатологическая перспектива есть невечерний свет нашей жизни. Бог не пошлет нас в ад из-за того, что мы грешники и совершили какие-то конкретные грехи, и не пошлет нас в рай за то, что мы делали добрые дела, но по вере, действующей любовью. Он будет судить нас, или, вернее, мы сами будем себя судить, исходя из нашего ответа на любовь: любовь выходит нам навстречу, любовь продолжает светить нам со стороны «конца», который есть Сам Бог. Эта позиция, этот открытый ответ на любовь может быть назван эсхатологическим присутствием в нашей повседневной жизни. Но нам тяжело жить таким накалом. Часто, даже будучи христианами, мы предпочитаем определенность, контроль и безопасность, но это суть иллюзии и препятствия для эсхатологического присутствия. По словам одного из величайших отцов Церкви, Иоанна Златоуста: «Когда ты в неуверенности, когда тебе не на что положиться или опереться, тогда ты, парадоксальным образом, наиболее устойчив, поскольку только Господь есть твоя опора и твоя крепость». В этом нет ни безнадежности, ни страха. Это скорее похоже на открытость, которую один ребенок имеет к другому ребенку, или ребенок к своим родителям, когда он знает, что любим, поскольку сам любит. Многие дети, поистине, просто наполнены такой любовью. Она дарит им сладость и радость, и когда они станут взрослыми, их любовь неизбежно встретится с опытом креста. И если они останутся верными в своей любви и пройдут через жестокий опыт креста и воскресения, то вновь обретут детскую открытость. Тогда они будут жить в эсхатологическом времени. Перевод А. Быкова, С. Зайденберга

* Metropolitan Athanasios of Hercegovina. The Eschata in Our Daily Life. Опубликовано с разрешения издателей по: Living Orthodoxy in the Modern World. Edited by Andrew Walker and Costa Carras, London, 1996, с. 37–49. Митрополит Афанасий (Зоран Евтич) родился в 1938 г. в Брдарице, в центральной Сербии. Окончил в 1960 г. семинарию св. Саввы в Белграде и сразу был пострижен в монахи о. Иустином (Поповичем). Далее его учеба проходила в Афинском университете, тема его докторской диссертации — Экклезиология апостола Павла согласно Иоанну Златоусту. С 1968 по 1972 г. — профессор Свято-Сергиевского института в Париже, с 1972 г. заведует кафедрой патристики и церковной истории Богословского факультета в Белграде, активно участвует в публичных дискуссиях, публикациях и радио- и телевидении, особенно в диалоге со сторонниками марксизма и материализма. Был рукоположен в епископа Баната в Воеводине и с 1992 года переведен на служение в Герцеговину. Митрополит Афанасий — автор ряда книг, изданных в Югославии и Греции, включая Радостный Свет и Христос: Начало и Конец.

Митрополит Германский Серафим

(Жоантэ): Евхаристия и единство Церкви. Дар Духа

Община и соборность

Введение

По милости Божьей эта лекция о Евхаристии и Единстве Церкви адресована тем верующим, которые посвятили себя делу примирения христиан. Не только потому, что они часто лучше, нежели остальные христиане, осознают то, что действительно угрожает христианской жизни, но и потому, что своей молитвой и аскезой они приближают примирение, постоянно стремясь к стяжанию полноты Святого Духа, дара всеединства во Христе, исходящего от Отца. Согласно отцам церкви, монах — это тот, кто всем своим существом отвечает на призыв к совершенству, который Христос обращает к Своим ученикам, к совершенству, которое есть не что иное, как исполнение святого Крещения. Предание Церкви не делает никаких реальных различий между крещеными. Они сами различаются по тому рвению или безразличию, с которыми отвечают на призыв Христа. Призыв же Христа — это призыв к единению с Богом и с людьми. Сначала мы рассмотрим, как отвечала на этот призыв ранняя церковь, а затем вспомним, почему это единство есть единство веры в Евхаристии, где неколебимо утверждается единственная Церковь Божия.

I. Единство в ранней церкви есть евхаристическое единство

Подвигаемые благодатью Святого Духа, первые христиане ответили на исходящий от Христа призыв к единству созиданием Церкви, которая, как это видно из Деяний апостолов, есть евхаристическое собрание. Само слово *эклисия* означает «собрание в ответ на призыв». **А. Исторический аспект единства Церкви** в наше время достаточно хорошо известен благодаря разнообразию имеющихся источников, особенно святоотеческих. а) Мы знаем, что фундаментальным *эклесиологическим* принципом было наличие одной Евхаристии в пределах каждого крупного города Римской империи. Путешествуя, апостолы возлагали руки на старших («пресвитеров»), которые вскоре стали называться «епископами», то есть «попечителями» общины верных. Послания к Тимофею и к Титу рисуют нам отношения между апостолом и епископом, с одной стороны, и между епископом и паствой, с другой. Апостол был в постоянном передвижении. Епископ же постоянно находился на своем месте и мог рассматриваться как уполномоченный, ответственный за церковь в данном городе. Таким образом появилось то, что принято называть «монархическим епископатом»: в одном городе один епископ председательствовал в одной евхаристической общине. В целом же собрание состояло, таким образом, из епископа, коллегии пресвитеров, коллегии дьяконов и собрания мирян, и все вместе они составляли поместную церковь. Тогда, следуя конкретному «территориальному» принципу, можно было говорить, например, о Коринфской церкви, что означало Церковь Божию, находящуюся в Коринфе, так же, как она находилась в Иерусалиме или в Риме. Протоиерей Николай Афанасьев хорошо показал (см. «Церковь Духа Святого», Париж, 1971), что епископальная структура присутствовала в Церкви с апостольского века, что евхаристическое собрание никогда не существовало без служения председателя. «Церковная традиция с необычайным согласием утверждает, что происхождение епископата падает на апостольское время» (с. 182-183). В послеапостольское время, как пишет тот же автор, «епископ имеется только один в местной церкви» (с. 183). Его окружали священники («пресвитеры»), чье служение не отличалось от его служения. Святой Игнатий Антиохийский свидетельствует в своих Посланиях, что епископ каждого города был окружен

«пресвитериумом» и коллегией дьяконов. Связь между епископом и каждым из священников во времена первенствующей церкви была очень тесной. Когда же стали появляться приходы и монастыри, Евхаристия совершалась там от имени епископа, если последний отсутствовал. В те ранние времена епископ обычно посылал каждому пресвитеру частицу Хлеба (*fermentum*), освященного за божественной Литургией, на которой он сам предстоял, чтобы пресвитер мог соединить его с приношением, предлагаемым в его приходе. Затем, всегда как символ единства, епископ посылал каждому пресвитеру полотняный «антиминс» (*corporal*) с подписью епископа и зашитой в нем частичкой святых мощей. Эта практика сохранилась до сих пор: приходская община всегда совершает не только Евхаристию, но и все таинства от имени епископа. Вся сакраментальная жизнь Церкви, то есть вся жизнь Тела Христова проходила, таким образом, в единстве, о чем свидетельствовало епископское служение. Это было с самого начала, это так и сегодня. Однако не епископат является источником единства жизни во Христе. Это Отец Небесный, от Которого сходит всякий дар совершенный, дарует нам единство в Духе Святом, в «общении Святого Духа», по выражению апостола Павла. Но Он дарует нам эту благодать единства внутри епископально устроенного церковного Тела Его Сына. По этой причине не может быть Евхаристии без епископа и собрания верующих, в котором он председательствует. Само собрание верных устроится Духом Святым. И епископское служение дано Церкви Отцом во Святом Духе, так что оно может осуществляться в служении этого харизматического единства. Св. Игнатий подчеркивал, что никто не должен предпринимать ничего важного без епископа. И это не вопрос юридической власти. Это вопрос сакраментальный: епископ — это отец общины. Он предстоит за каждой литургией и каждым церковным актом как живая икона Христа. б) *Единственность Церкви* есть историческая реальность. Развивая сказанное выше, отметим, что во все времена была лишь одна Церковь. «Единая Церковь» означает не только «объединенная церковь». Это также означает и «единственная Церковь». Таково значение греческого слова *mia*, употребленного в Символе веры. Известно, что слово Церковь употреблялось в единственном числе с самого начала и Самим Христом. Это относится к единственной Церкви Божьей, которая есть и в Коринфе, и в Ефесе, и в Риме. В Апокалипсисе множественное число относится к многочисленности поместных церквей и не противоречит уникальности и единственности Церкви. Также и многочисленность епископов, рассеянных по множеству городов, не противоречит единственности председательствования Самого Христа, только лишь иконами Которого являются епископы в их служении. На иконе Пятидесятницы посреди собрания апостолов расположен пустой престол, на котором невидимо и единственно председательствует Христос, исполненный Духом Отца. И никакие расколы ничего не меняют в основании единства и единственности Церкви. Также и ереси. Церковь, как и Сам Христос, неделима. Однако те или иные христиане и христианские общины включены в это уникальное единство более или менее — в зависимости от их веры, вероучения и образа жизни. По этим причинам поместная церковь, то есть первоначально церковь города, а впоследствии диоцез, являет собой всю Церковь, Церковь в ее целостности, Церковь «кафолическую». Слово «кафолическая» означает полноту веры, учения и жизни Самого Христа, Его Церкви и каждого христианина. Каждая община, каждый крещеный человек включается в эту кафоличность, когда они приобщаются к полноте даров Отца, подаваемых Духом Святым евхаристическому собранию под председательством епископа: дар веры, дар жизни по Божьим заповедям, дар молитвы, дар братской любви, дар любви к бедным, дар церковного единомыслия. Кафолическая Церковь не есть сумма множества церквей. Она есть полнота «Того, Кто есть всё во всём». И вот этой полноты, полноты Конца времен и исполнения всех вещей во Христе, законный епископ есть свидетель, гарант и выражение. Единство единственной Церкви Христовой есть единство образа Святой Троицы, чья живая сущность сообщается в святом Крещении. Также как каждое божественное Лицо есть Бог в полноте, так и каждая епархия есть Церковь в ее полноте. Каждое божественное Лицо находится в полном единстве с каждым другим Лицом в Троице, содержась в этом Лице без смешения с ним, в соответствии с чем отцы называли это «перихорезой» (*perichoresis*) («взаимопроникновение», «взаимовмещение» (греч.)

— Прим. ред.). Подобно этому и каждый диоцез, будучи сам по себе целиком кафоличен, не испытывая недостатка ни в чем, что помешало бы ему быть, поместно или территориально, всей Церковью, находится в полном единстве с любым другим диоцезом, не прибавляя и не смешивая себя с ним. Диоцезы объединяются между собой в архиепископии, митрополии и патриархаты по тому же троическому образу абсолютного различия внутри абсолютного единства. Истинно рожденная на Пятидесятницу, Церковь получает от Отца в Духе Святом благодать быть под единым главенством Христа, таинственной иконой, а не просто представителем Которого и является каждый епископ. И Христос, «Один от Святой Троицы», дает Своему Телу, Церкви, доступ к троической жизни. Он, никогда не разлучающийся с Отцом и с Духом, по плану домостроительства «рожденный от Духа Святого», дарует благодать троической жизни, «consensuellement» (фр., буквально «согласованность» — Прим. ред.), не только епископу, но и каждому крещеному, в общении со всеми остальными епископами и со всеми остальными крещеными. Это и есть таинство Евхаристии, которое вносит <в Церковь> эту непреходящую жизнь Бога. **Б. Богословский аспект единства Церкви** обнаруживает себя во взаимодействии Церкви и таинств. а) Евхаристическое и экклезиологическое измерение проблемы особенно интенсивно развивалось уже в наше время. Это касается того, что мы выше сказали о роли епископа, председательствующего в любви в собрании верных, для единства Церкви. В первую очередь не как администратора институции церкви, в управлении домохозяйством Божиим, но как пастыря, приводящего свой диоцез, поместную церковь, к единству и сохраняющего ее в нем. Действительно, «Евхаристия являет собой... таинство Церкви *par excellence*, таинство, в котором Церковь узнает, увековечивает себя как место и время собирания народа Божьего, как дар и посвящение народа Божьего в Тело Христово через сошествие Духа Святого», — пишет протопресвитер Борис Бобринский (*Communion du Saint-Esprit, Bellefontaine, 1992, с. 442*). Именно в таинстве Евхаристии Церковь актуализируется, становится собой. Единственность Евхаристии во все времена — поскольку она никогда не повторяется — делает реальным Воплощение Слова Духом Отца и таким образом созидает Тело, обоженное Христом. Это соответствует «эпифании» Церкви, поскольку являет преобразенным очам что она есть — то же самое Тело, исполненное божественной энергией. Евхаристия утверждает абсолютную включенность крещеных в себя саму через евхаристическое общение-причастие: они воцерковлены, они становятся «святыми», они обоживаются, становясь Телом и Кровью Христовыми. Как подчеркивает св. (так у автора — Прим. ред.) Николай Кавасила, верные становятся тем, чему они причащаются, они претворяются в то божественное, которое они получают, и таким образом составляют собой Церковь. Поэтому мы не можем помыслить Церковь вне Евхаристии. Но и Евхаристию невозможно помыслить вне Церкви. Каждый, приобщающийся Телу и Крови Христовым, приобщается Церкви, которая сама и есть это Тело и эта Кровь, Церкви, которая собрана вместе в этот день и в этом месте под главенством Христа от имени епископа, соединенного с епископским собором данной страны и через это — со всеми епископами всего мира. Евхаристический процесс, если Евхаристия действительно есть таинство Церкви, есть церковный процесс. Он соответствует тому образу жизни, как утверждает св. Максим Исповедник, который дан тем, кто верует в него, через Христа: образу троической жизни. б) Богословие таинств в свою очередь предполагает Церковь. Все таинства изначально определены своим церковным измерением. Это безусловно верно для таинства Крещения, с которого начинается воцерковление человека или, скорее, начало личности как бытия в Церкви, как «существа церковного», по выражению митрополита Иоанна (Зизиуласса). Таинства являются таинствами Церкви, поскольку они являются таинствами Христа. Это Он и всегда Он предстоит на них в любви Святого Духа в Своем собственном Телу. По этой причине всякое участие в таинстве опирается на обетование, на акт веры во Христа и в Его Церковь. Таинства не объекты, которые раздаются индивидам. Они есть действия Христа в Его Телу, через Его Тело и для Его Тела. «Живите во Мне, и Я буду жить в вас», — вот что Он, в сущности, говорит. Крещение, а затем таинство прощения грехов, открывает для человека членство в церковном

Теле или воссоединение с ним, так что он может питаться полнотой жизни и истиной, которые он там находит. Но удивительная особенность этой пищи в том, что каждый насыщается, становясь тем, что она есть, т. е. Телом и Кровью Христа. Эта пища есть слияние: верующий вливается во Христа и в Его Церковь, которые сливаются с ним. Без веры, то есть без полного доверия Христу и Его Церкви, такое слияние невозможно. Принятие Тела и Крови Христовой в таком приобщении предполагает веру в то, что Церковь присутствует здесь во всей ее кафоличности. Принятие причастия предполагает, что каждый имеет общение с тем епископом, который сакраментально предстоит на Евхаристии или от имени которого она совершается. Когда епископ принимает такого человека в общение, он прямо или косвенно объявляет себя его епископом. И этот человек прямо или косвенно признает его как своего епископа. Вот почему причащение всегда сопровождается произнесением крещального имени верующего. Вот почему причастие не может быть дано вне этого взаимного признания, иначе возникает опасность превращения таинства в нечто, что является не причастием, а просто индивидуальным благословением вне Церкви. Вот почему такое общение не достигается без предварительной абсолютной приверженности жизни в Церкви. Конечно, в наше время, с его встречами представителей непримиренных церквей, в эпоху, столь отличную от той, когда каждая церковь жила в изоляции, поднимается множество пастырских вопросов в связи с этим церковным требованием единства. С одной стороны, ни епископ, ни священник, ни мирянин не могут поступать по отношению к Евхаристии или любому другому таинству так, как им заблагорассудится. Эти таинства — не предметы или вещи, принадлежащие епископу или кому-либо еще: они — таинства Церкви, они — жизнь самой Церкви. Сам Христос распоряжается ими через Церковь посредством пастырского служения. Это значит, что епископ или священник не могут делать того, что делает Церковь: например, восстанавливать евхаристическое общение, зависящее от церковного согласия. С другой стороны, евхаристическое общение предполагает согласие в вере, учении и образе жизни; в сущности, благочестивый мирянин равным образом совершает то, что делает и Церковь; когда он принимает причастие, это Церковь причащает его. Другими словами, в этом выявляется тайна Церкви как причастия-общения — это эпифания Церкви; это тайна Церкви как совершающегося воплощения Слова — это строительство Церкви; и это есть явленная икона Пресвятой Троицы. Предстоятель имеет пастырскую миссию помогать верным жить в этом согласии, обретая подобное церковное сознание. Он помогает верным подготовиться к принятию причастия в истинно церковном духе. Будучи ответственен «вязать и решить», он ответственен открыть или не открыть двери к евхаристической трапезе. В действительности, никто не может сказать, что он «отказывается от причастия». Такому человеку предстоятель должен дать понять, что он по сути находится вне общения с Церковью и показать ему путь к восстановлению этого церковного общения. В Духе Святом он должен показать ему необходимость принадлежать к конкретной общине, приходской или монастырской, с которой он будет делить ее радости и скорби. Каждый христианин находится в единстве не только со своим диоцезом, но равным образом и со своим приходом. Конечно, в некоторых ситуациях эти апостольские требования могут быть смягчены. В некоторых ситуациях, в ситуациях настоящего мученичества, — в тюрьме, в изгнании, на одре смертельной болезни, в серьезном бедствии может практиковаться некоторая «таинственная икономия». Но все же это не может быть ни нормой, ни правом; более того, епископу или священнику тем более необходимо принимать человека в общение через пастырскую беседу, дав ему возможность подтвердить свою веру и доверие Церкви; то есть именно в пастырском общении выявляется, что причастие есть определяющий акт: я вступаю в общение с той Церковью, где я причащаюсь. Каждый должен бороться со всем тем, что может заставить Евхаристию потерять связь с Церковью, с ее верой, с ее учением, с ее образом жизни, дабы не было так, что человек, по словам св. Симеона Нового Богослова, «причащался, но не причастился». Случай смешанных браков действительно особенно труден. Вспомним, что венчание православного с неправославным требует специального разрешения со стороны епархиального архиерея. Такой брак не есть

норма. Это «икономия». И она не должна вести к конфессиональной индифферентности. Она не может оправдывать ослабления церковного измерения таинств и всей христианской жизни. Каждый из вступающих в подобный брак должен знать, к какой общине он принадлежит, где его церковь и кто его епископ. Мы должны быть равным образом открыты движению обновления, характерному для христианской веры сегодня, но и заново утверждать ценность и действенность жизни в таинствах во всей ее богословской глубине. Причащение в церкви, перед которой у тебя нет обязательств, не согласуется с подлинным смыслом Евхаристии. Однако в том случае, когда семья состоит из людей разной церковной принадлежности, всегда есть место для взаимного уважения, терпения, любви, для общего свидетельства об универсальных евангельских ценностях. Встречи между христианами разных конфессий сегодня часты. В этом контексте участие в совершении Евхаристии без причащения есть акт аскезы. Здесь мы проявляем, в настоящем смысле этого слова, церковное сознание. Этим мы показываем, что хотим делать то, что совершает Церковь. Здесь мы также обнаруживаем другие «уровни» причастия-общения, общения в Слове, например. В действительности есть множество концентрических кругов вокруг того огненного центра, где находятся Агнец и святая Чаша. С подобного «воздержания» начинается взаимное уважение. Мы учимся слушать друг друга, слушать подчас членов и нашей собственной общины, без которых мы хотели предпринять что-то важное. Мы глубже познаем смысл того, что мы делаем, вероучения, которое мы исповедуем всем нашим умом, а иногда также учимся анализировать наш собственный образ жизни.

II. Евхаристическое общение связано с единством веры Если евхаристическое общение отождествляется с таинством Церкви, то потому, что последнее есть собрание тех, кто имеет одну веру, одно вероучение, один образ жизни. **А.** Исторически, богослужение Церкви всегда, в соответствии с изречением *lex orandi est lex credendi* (закон молитвы есть закон веры (лат). — Прим. ред.), было связано с исповеданием веры. Движимые Духом Святым, христиане собирались вместе только для одного: литургически исповедать свою веру в Воскресшего Христа, свою веру в Отца, Сына и Святого Духа, и в саму Церковь, которую они образуют. Главная цель христианской литургии — прославление Бога в Духе и Истине; другие аспекты богослужения, такие как интерцессию (ходатайственная молитва), вытекают из этого прославления, и все христианское богослужение в целом является просто великим возвещением веры. а) Служение литургии само по себе есть средство обучения. По выражению одного современного богослова, оно есть богословская плоть Церкви. Оно исполнено скрытого богословия, которое становится доступным в тайне этого церковного служения под воздействием Святого Духа. Уместность каждого слова, каждого поэтического образа, а также выверенность каждого жеста и обряда, истинность символов и святых икон постоянно оживотворяются нетварными энергиями. Святой Дух есть «Дух Истины» или, как лучше перевести, «дыхание откровения» (*souffle de la revelation*). Начиная с Пятидесятницы, в постоянно совершающейся Пятидесятнице, Он покоится на собрании тех, кто псалмами, гимнами, процессиями, таинственными жестами и почитанием святых икон прославляют Творца неба и земли, «единородного Сына и Слово Божие» и Духа Жизни, составляя таким образом истинную Церковь Божию. Но Святой Дух не просто покоится на собрании верных христиан. Он дает ему жизнь. Он постоянно возводит его от смерти к жизни, открывая нам неизреченные бездны сострадательной премудрости Божьей. Христианская жизнь оставляет совсем немного места для учебы — ввиду того, что Сам Отец, посредством Духа Святого, приводит тех, кто делает первые шаги в вере, к совершенному познанию Истины, то есть к полному единению с Его Сыном и Словом. Поэтому митрополит Иоанн (Зизиулас) говорит, что «совершение таинств — и в особенности Евхаристии — более значимо, чем проповедь Слова» (*Le Mystere de l'Eglise dans la tradition orthodoxe, Irenikon, 1987. № 3, с. 327*). Но и сама проповедь, будучи неотъемлемым литургическим актом, должна быть харизматичной, вдохновленной Святым Духом для правильного, соответствующего апостольскому преданию

истолкования слова, прочитанного и возвещенного. В любом случае, проповедь вторична по отношению к Литургии, в которой Сам Христос проповедует Себя. Христианское апостольское вероучение одновременно возвещается, впитывается, запоминается и передается не только на божественной Литургии, или Евхаристии, но и в самом малом богослужении, в самой малой молитве Церкви. Каждая христианская молитва носит догматический характер. Лучший тому пример — молитва Господня. Ее первая часть есть настоящее богословие и призывает тех, кто последовал Христу, не иметь другого основания жизни, кроме церковного учения о божественном Отечестве, прославления Слова и царственного излияния Духа Жизни. Христианская вера целиком строится на признании: «Верую, что Ты — Сын Божий», — так говорят в Евангелиях те, кого исцелил Христос. Это вера построена на истине, которую Сын Божий передает в Духе Святом тем, чьи страдания и несчастья Он облегчил. Цель христианской литургии — усвоение догматов через радости и печали, освещаемые в личной молитве, которая всегда есть молитва Церкви. Мы молимся за себя и за других молитвами великой церковной общины, состоящей из святых всех времен.

б) Катехизис в собственном смысле слова есть путь передачи веры, что в ранней церкви происходило внутри литургии. Литургии Великого поста и особенно Страстной субботы появились специально для научения оглашаемых. Историки христианского богослужения сообщают нам, что последние проходили систематический курс научения, сопровождающийся соответствующими молитвами. Проповедь после чтения святого Евангелия на божественной литургии до сих пор остается нормальным местом для христианского научения. Некоторые ранние катехизические поучения дошли до нас, например, св. Кирилла Иерусалимского. Обычно они имеют указания на их место в богослужении. В наше время подобный пример мы находим у протоиерея Сергия Булгакова. Профессор догматики Свято-Сергиевского института в Париже, он всегда читал свой курс сразу после окончания Литургии. Литургия, собрание воедино в молитве всех христиан под председательством епископа есть богословское место для всякого возвещения и изъяснения веры. Все это значит, что нужно быть действительным членом Церкви, чтобы быть способным к общению в ее истине. Первоначальное значение слова «догмат», согласно св. Василию Великому, — научение истине, преподаваемое в самом сердце Церкви. И это ни в коей мере не делает относительным учение, которое в этом случае не являлось бы истинным «для» христиан. Это лишь означает, что возвещение и восприятие учения связаны с причастием благодати Святого Духа. Дух Святой во всей Своей полноте живет в Телесном Христовом. По словам св. отцов, где Дух, там и Церковь, и где Церковь, там Дух Жизни. Точно также без благодати Святого Духа, изливаемого в литургическом собрании, христианское вероучение рискует деформироваться в метафизические концепции. Это опасность, подстерегающая всякое школьное богословие. Без присутствия Святого Духа в Церкви сама вера может превратиться в верование, даже в форму легковерия, лишенную сущностного, богословского содержания. Каждый член литургического собрания, мирянин, совершающий святыне таинства под председательством епископа, имеет доступ к благодати Святого Духа и познанию неисследимой премудрости Божией. Апостол Павел говорит: «мы имеем доступ к Отцу во Святом Духе» (Еф 2: 18), и еще: «тайна Христова открыта... в Духе» (Еф 3: 4-5). Этот Дух пронизывает неисследимые глубины Божии; и этот Дух в Своей полноте обитает в Телесном, которое составляют верующие во Христа и в Его Церковь. Это сложная истина. Мы должны разделять веру Церкви для того, чтобы получить общение в одном Святом Духе, живущем в ней; но Тот же самый Святой Дух мы должны получить, чтобы исповедать истинную веру! Именно по этой причине в древние времена катехизис, в частности св. Кирилла, состоял из двух частей: «крещальный катехизис», позволяющий катехуменам вступить в общение с Церковью; и «таинствоводственный катехизис», вверяемый новокрещеным для того, чтобы они могли возрасти в вере. В любом случае ясно, что единство веры есть необходимое основание для единства в Церкви, единства в литургическом собрании, и для обретения одного Духа Святого. В таком случае мы не можем вместе молиться и, тем более, причащаться от одной Чаши, пока мы полностью не едины в вероучении... В этом отношении Церкви свойствен

максимализм. Гласом своего епископа она призывает людей к общению в полноте истины, оставив позади все частные мнения и любую индивидуалистическую форму познания. Истина, которая созидает Церковь как общение, и в особенности как евхаристическое общение, есть «истина тринитарная»: истина, исповедуемая всеми вместе. Это то, что заставляет личность расти, отбрасывая частные мнения, приходиться к Слову Божьему, к единомыслию в Боге, хотя и пребывающему во множественности форм. Личность достигает этого в общении, будучи сначала обращенной к этой истине, и поставив ее над своей собственной правотой. Существует серьезная трудность в наш век, поскольку по некоторым культурным причинам мы часто смешиваем и путаем свободу и индивидуальное мнение. Настоящая свобода заключается в единодушии Троицы, таинством Которой является евхаристическое общение. В таком случае в нем обретается единство Церкви, которое связано с литургическим и вероучительным единством. В области веры мы должны совершить переход от индивидуального уровня к общинному. Этот переход совершается тогда, когда мы переходим от веры, имеющей частный характер, к вере Церкви, во что каждый сущностно входит, приобщаясь Телу и Крови Христовым. И снова ответственность епископа или священника состоит в том, чтобы помочь человеку вынести это обращение к истине, держаться всем своим существом апостольского вероучения и, следовательно, отвергать ошибочные доктрины, доктрины, несовместимые с таинственным, церковным общением и серьезно искажающие молитвенную жизнь.

Б. Место богословия в Церкви может быть выведено из богословской функции христианской литургии и того места, которое занимает катехизис в церковном богослужении.

а) Мы всегда должны помнить, что именно под давлением различных ересей, по словам св. Илария Пиктавийского, епископы были вынуждены определять и разъяснять учение Церкви на поместных и вселенских соборах. Помимо символов веры — кратких вероучительных определений, связанных с крещальным катехизисом, ранняя церковь не знала никаких систематических текстов. Но когда, например, св. Ириней Лионский писал во втором веке, необходимо было опровергнуть «лжеименный гнозис». Подобным же образом они должны были защищать веру в божественность Сына Божия, в божественность Духа Божия, в единство божественного и человеческого во Христе. Отцы вселенских соборов должны были выработать догматические выражения, соответствующие апостольской вере, такие как само слово «Троица», или именование «Богородица», дабы защитить ту веру, которая жила внутри общины. В наши дни назначение богословия снова носит не спекулятивный, но главным образом экзегетический характер по отношению к самим верным, и характер апологетический в ответ на всегда возможные догматические уклонения и нападки со стороны внешних. Таким образом то, чем заняты богословы, которые в первую очередь есть люди молитвы, члены церкви, люди, участвующие в молитве церкви, есть не более чем выражение опыта церкви. Церковь переживает свою веру, свое вероучение, свои догматы в литургии и в своих обычаях. Время от времени она должна облекать в точные формулировки тот опыт веры, который она получает от Бога, дабы осознать себя и защитить своих членов. Так произошло, например, в XIV веке, когда св. Григорий Палама выступил в защиту «священнобесмолвствующих» с Афона, обвиненных в мессалианстве. Развив христианское учение о нетварных энергиях, учение, неявно присутствующее во всем христианском богослужении и образе жизни, он опроверг обвинение в ереси. Но он не создавал никакого нового учения и не защищал свою собственную точку зрения. Он был голосом Церкви, что впоследствии и было подтверждено Константинопольским собором.

б) Связь между богословием и Церковью выражается не только в соборном утверждении личного свидетельства какого-либо богослова. Особенно она проявляется в том, что эксплицитное богословие, в определенных обстоятельствах возникающее в апологетических целях, вскоре включается в богослужение. В Евхаристии, например, это выражается в присутствии в ее чине гимна Единородный Сыне и Никейского Символа веры. Оба этих текста имеют явно богословское содержание. Совместное пение этих догматических гимнов соединяет нас в одном утверждении единой веры Церкви и дает нам возможность причащаться от одной Чаши. Таким образом, эксплицитное богословие в свою очередь

становится словом жизни. Мы не отделяем друг от друга богословие, литургию, аскетику и мистику, ибо все дары Отца Небесного причастны друг другу через Духа Святого в одном-единственном собрании Тела Христова.в) Литургическое место эксплицитного богословия также обладает значимой наглядностью. Истинное прославление Бога предшествует совершению собственно таинства. Так, исповедание веры имеет место перед святым Крещением, перед Евхаристией (в конце литургии оглашаемых) и перед таинственным отпущением грехов. Каждый должен быть способен сказать: «Я верую», и сказать так, как говорит это Церковь, дабы обрести истинную свободу детей Божиих в Духе Святом, для Которого таинства являются каналами.Этот подход не является лишь сохранением педагогики древнего катехизиса. Он согласуется с внутренними законами духовного познания, с мистическим богословием; только Духом Святым мы исповедуем Иисуса Христа Господом (1 Кор 12: 13), и только потому, что мы исповедуем Христа Сыном Божиим, Дух Святой дается нам в Своей полноте. Таким образом, каждый из нас имеет доступ к благодати Духа Святого в таинствах, и особенно в Евхаристии, в соответствии со своей верой... Причина этого опять-таки в том, что именно через нашу веру мы включаемся в Тело Христово, дабы получить причастие этому Телу и этой Крови, наполняясь неосызаемым Духом.Все эти истины находят свое отражение в современной богословской мысли. Например, документ, созданный и единогласно принятый международной Комиссией по богословскому диалогу между Римско-католической и Православной церквями в г. Бари в июне 1987 года, гласит, что вера есть условие единства и общения в таинствах: «Общение в таинствах невозможно без общности в вере, как в широком смысле, так и в плане догматических формулировок» (гл. 3) (См.: «Бари, 1987 г., Новый Валаам, 1988 г., Баламанд, 1993 г. Международная смешанная богословская комиссия», с. 21. — Прим. ред.)**Заключение**Препятствия к общению в таинствах в первую очередь не канонического порядка. Даже внутри канонических границ церкви отцов отдельный человек может часто иметь искаженную веру и фактически не быть в общении с Церковью, даже если он и «родился православным»! Расхождения в вере среди различных христиан по вопросам, касающимся общения святых и учения Церкви, достаточно многочисленны... Нам кажется, что действительно неотложная проблема лежит в плоскости катехизации, можно даже сказать евангелизации христиан. Первое, что должно быть достигнуто с ее помощью, — это лучшее участие в литургической и сакраментальной жизни и обретение церковного сознания. Каждый епископ и каждый священник хочет, чтобы верные стали настоящими со-служителями, сознательно участвующими в святых таинствах. Это желание очевидно предполагает и желание того, чтобы верные были лучше подготовлены к регулярному причастию Телу и Крови Христовым, поскольку общение в таинствах есть норма литургической жизни. В более широком плане, размышляя о всех тех христианах, которые не общаются между собой потому, что они не находятся «в общении», и о всех людях, не имеющих причастия потому, что еще не уверовали во Христа и в Его Церковь, мы должны искать пути не прозелитизма, а евангелизации, что согласно Господу и соответствует Его последней заповеди. «Горе мне, если я не проповедую Евангелие», — восклицает апостол Павел.В этой области мы снова можем рассчитывать на вклад монашества в реализации такого общения. Монахи приняли монашество не ради себя, а ради мира, чтобы понести грехи других. Это они восходят на крест за грехи других и всего мира, они очищают церковь от инфекций или последствий разделения, от непонимания и сознания своей исключительности. Постоянное приношение, в которое они претворяют себя в слезах покаяния, в заступничестве за весь мир, приближает воссоединение, которому препятствует догматическое невежество, притязания на исключительность и теплохладность в любви ко Христу и к Его Церкви. Да соблаговолит Господь призвать множество монахов и монахинь зажечь в горниле своих сердец огонь обновления христиан, приготавливая путь к воссоединению в Его Единой Церкви!Перевод А. Быкова, С. Зайденберга

* Митрополит Серафим (Ромул Жоантэ, Romul Joantă) родился 4 сентября 1948 г. возле Брашова (Румыния). Учился в богословских институтах в Сибиу (Румыния) и

Свято-Сергиевском институте в Париже, где защитил докторскую диссертацию «Традиция исихастов и обновление монашеской жизни в Румынии», после чего преподавал (1986–1989 гг.) в этом институте. С 1990 г. — епископ Фогарашский (Румыния), с 1994 г. — митрополит Германский, исполняющий обязанности руководителя диоцеза Румынского Патриархата в Западной Европе.

В 39 номере нашего журнала напечатан его доклад Основы христианской жизни (сс. 38–61).

: В продолжение «дела храма Успения в Печатниках». Переписка

Церковная жизнь

Переписка

1. Письмо из Парижа 2. Ответ прот. Б. Бобринскому 3. Письмо Д. В. Поспеловского

1. Его Святейшеству Алексию II, патриарху Московскому и всея Руси

Ваше Святейшество!

Позвольте нам обратиться к Вам, чтобы высказать ту боль, которую вызывает в нас напряжение, создавшееся между о. Георгием Кочетковым и теми, кто обвиняет его в том, что своими, как они говорят, новшествами он угрожает самому бытию православия. Нас огорчает, что православные братья, с которыми мы находимся в духовном общении, к какой бы тенденции они ни принадлежали, ведут между собой войну. Мы понимаем, что русская Церковь, после десятилетий гонений, должна прежде всего восстановить тот традиционный дух литургии, который передавался из поколения в поколение. Но мы понимаем и тех пастырей, которые, опираясь на традицию — подготовленную с девятнадцатого века, выявленную на Соборе 17-го года и продолженную в трудах многих богословов в эмиграции, — хотят, чтобы прихожане сознательнее и полнее участвовали в литургической жизни, в частности на понятном для всех языке. Надо постепенно готовить к этому верующих и добиваться, по возможности, общего согласия. Когда дело касается Святых Таин, мы можем полагаться только на Духа Святого, на Котором зиждется наше единство. Мы молимся, чтобы рассеялась эта атмосфера недоверия, запальчивости, чтобы прекратились обвинения, иногда столь резкие, что они становятся в противоречие с тем миром — не от мира сего, — который даровал нам Христос.

И во Франции, и на Западе труден путь, ведущий к единству православных. Мы всегда видели в русской Церкви, в ее неисчерпаемом духовном богатстве, образец горения и единства при разнообразии ее составных частей. Мы хотим заверить Вас в нашей поддержке: Вы являете собою тот символ единства, к которому соотносятся все.

Заверяя Вас в нашем глубочайшем уважении, мы испрашиваем Вашего патриаршего благословения,

Протопресвитер Борис Бобринской, свящ. Михаил Евдокимов, Елена Аржаковская-Клепинина, Елена Бобринская, Всеволод Гусев, Оливье Клеман, Николай Лосский, Вероника Лосская, Никита Струве, Иван Чекан

2. Патриарх Московский и Всея Руси Алексий

З. 11. 1997 г. № 4772

119034, Москва, Чистый пер., 5

Его Высокопреподобию, протопресвитеру Борису Бобринскому, декану Свято-Сергиевского Богословского Института в Париже

Ваше Высокопреподобие, отец протопресвитер!

Неправильности современной церковной жизни огорчают всех истинных членов Православной Церкви. Огорчает нас также и то, что в средствах массовой информации и в отнюдь не беспристрастных суждениях «широких кругов мировой общественности» систематически фальсифицируются причины возникающих трудностей и ответственность за них возлагается «с больной головы на здоровую».

Что касается о. Георгия Кочеткова и создавшегося вокруг него напряжения, то дело тут не в его желании сделать литургическую жизнь более понятной для современных верующих и помочь их более полному участию в ней — этого мы все желаем, — а в серьезных эклизиологических, дисциплинарных и духовных искажениях церковной жизни, опасность и вредность которых для бытия Русской Православной Церкви остается неосознанной многими на Западе. Случай откровенного насилия, учиненного о. Георгием и его последователями над вторым священником прихода, был обстоятельно расследован авторитетной комиссией, возглавляемой епископом, и вынудил законные и необходимые прещения. Думаю, что для единства и мирной жизни Церкви бесполезно поощрять безумную гордыню, доводящую до безрассудных поступков, тенденциозную критику, недоверие и неуважение к священноначалию. Мне кажется, что правящему Епископу проблемы, возникающие в его епархии, не менее близки и не менее понятны, чем сочувствующим издали — из другой страны, из другой юрисдикции. Ваше письмо производит впечатление, что Вы односторонне информированы и недостаточно ориентируетесь в реальной церковной жизни в России.

Благодарю Вас за заверение в поддержке Церковного единства и меня лично — принимаю это и как решимость не поддерживать в дальнейшем тех, кто ведет раздорническую деятельность.

Патриарх Московский и Всея Руси

+ Алексий II

3. Москва - центр Чистый пер., 5

Московская Патриархия

Его Святейшеству, Патриарху Московскому и всея Руси Алексию

Ваше святейшество, дорогой Владыко!

Кровью обливается сердце с каждым новым известием о гонениях на самых лучших, самых миссионерски деятельных и успешных пастырей Русской Православной Церкви и на плоды их духовного, педагогического, миссионерского творчества.

И самое ужасное то, что гонителями их оказываются не КГБ или еще какие-либо силы воинствующего атеизма, а Вы, Предстоятель Русской Церкви. Хочется верить, что делаете Вы

это по неведению, будучи введены в заблуждение какими-то злыми силами, окружающими Вас. Но ведь у Вас есть возможность лично проверить факты и добиться истинной информации или по крайней мере ознакомиться с показаниями другой стороны, прежде чем гнать и запрещать! Вот если бы Вы хотя бы побывали на богослужениях таких пастырей. К сожалению, в отношении о. Георгия это сейчас невозможно, пока он под запретом.

Помните, как года два назад Вы меня заверили, что ни в коем случае не будете мешать миссионерско-просветительной деятельности о. Георгия Кочеткова и согласились со мной, что в этой области его деятельность положительна и уникальна, что вероятно ни один пастырь в РПЦ не приводит новых чад в Церковь через такой продолжительный и доскональный процесс катехизации, как о. Кочетков. Но вот в прошлом году, по наветам только одной стороны — психически больного иерея Михаила Дубовицкого и двигавших им в провокационных целях Шевкуновым и Ко. — Вы запретили о. Георгия в служении; кстати, буквально накануне того как прокуратура признала обвинения против него несостоятельными, а психиатрическая экспертиза признала Михаила Дубовицкого психически больным! Так что именем Вашим произведенное судилище оказалось Шемякиным судом (не будут ли историки в будущем сравнивать его с судом над Максимом Греком в 16-м веке?) или, как я писал Вам прошлой весной, с судом Буратино: тебя обокрали, значит ты виноват!

С большим опозданием — из-за медлительности почты — получил печальную весть о ничем не оправданном снятии Вашего благословения со всех школ, основанных и руководимых отцом Георгием, то есть изъятии этих школ из образовательной структуры Московской патриархии. И это при крайнем дефиците, как количественном так и качественном, учебных заведений в РПЦ, когда большинство ее семинарий — не говоря уж о духовных училищах — находятся на очень низком академическом уровне, а подавляющее большинство духовенства, богословски безграмотное и невежественное, вместо духовного просвещения и сеяния зерен любви Христовой занимается запугиванием своей паствы всевозможными мифами о враждебном окружении, о мифическом жидо-масонском заговоре. Согласитесь, что эти мифы и дух ненависти и подозрительности, распространяемые теми, кто по призванию должны учить любви и всепрощению, гораздо опаснее и для человеческой личности, растлеваемой такими пастырями и таким «учением», и для российского общества в целом, чем то, что Вам может не нравиться в пастырской деятельности или богослужебной практике о. Георгия. Тем не менее, он под запретом Вашим (а теперь тому же подверглась и его школа), его двухтысячная паства лишена и пастыря, и храма, который теперь пустует при новом настоятеле, а при о. Георгии был переполнен интеллигентной молодежью, неопитами; а священники-обскуранты процветают, и в храмах их распространяются «Протоколы сионских мудрецов», изъятые из продажи в царствование Николая II, по настоянию Столыпина, как фальшивка, человеконенавистнические брошюры вроде «Антихриста в Москве», «Радонежа» и прочей макулатуры.

Неужели Вы не понимаете, что уступки обскурантам грозят поставить Вас в то же положение, в котором находится теперь Грузинская Патриархия? Что такая церковная политика неизбежно ведет РПЦ по пути маргинализации в обществе?!

Как Вы знаете, я много езжу по России, читаю лекции не только в семинариях, но и в государственных учебных заведениях и вижу будничную жизнь Церкви, не наполнение и переполнение храмов по случаю Вашего приезда и служения. С грустью наблюдаю рост падения интереса к Православной церкви. К протестантским и католическим миссионерам идут не потому, что они агрессивны, а потому, что люди, ищущие пути к Богу, не находят его в наших заурядных приходах. Пришлось мне разговаривать на эту тему с некоторыми студентами, ставшими одни католиками, другие протестантами. Все они начинали с того, что

пошли в Православную церковь, даже некоторые крестились в ней, но места себе не нашли: службы на славянском языке не понимали, ни священник, ни приход на них внимания не обращал, никто не пытался просветить, воцерковить их. И они ушли. В Красноярске, например, я побывал в местной католической монашеской общине. Там встретил немало (относительно к католической общине и по сравнению с положением в православном соборе) студенческой молодежи — новообращенных католиков. Там и библиотека, и музыкальный кружок, и кружки духовного самообразования. Зайдя в первый раз в католическую церковь на богослужение, они, во-первых, услышали богослужение на родном и понятном русском языке, во-вторых, к ним подошли, на них обратили внимание, окружили любовью и предоставили возможность духовного роста с помощью дружественных и хорошо образованных молодых пастырей. Вот в чем суть.

Аналогичное отношение к пастве и к приходящим впервые в храм в РПЦ я встретил только в следующих храмах: у о. Георгия Кочеткова, в храме Космы и Дамиана, что в Столешниковом переулке, в Бобреновском монастыре у о. Игнатия и у о. Павла Вишневого на Малой Никитской. И вот одна из таких редких общин, которая успешно привлекала не только неофитов, но и обращала бывших сектантов в православие, теперь Вами или Вашим именем ликвидирована. Очередь за остальными???

Грустно и больно, что приходится писать такое горькое письмо в первый день Великого поста — времени покаяния, стремления к внутренней духовной гармонии. Простите меня, Владыко, великодушно, если чем обидел; но покаяние, метания, это прежде всего самоочищение, и вот в этом письме я попытался очистить свою душу перед Вами, изложив самое наболевшее.

Испрашивая Ваших архипастырских молитв, остаюсь недостойный

Дмитрий Поспеловский

Афанасий Васильев: Первое явление воскресающей соборности (Рижский епархиальный собор, 20 сент.-6 окт. 1905 г.)

История церкви

Вместо предисловия

На февральском заседании Синода Русской православной церкви 1998 г. был заслушан вопрос о причислении к лику святых митрополита Ярославского Агафангела (Преображенского; +1928) — исповедника Российской церкви. Синод постановил передать дело о канонизации на рассмотрение Архиерейского собора РПЦ, предстоящего в 1999 г*.

Почему важен для Церкви опыт митрополита Агафангела? В жизни Российской православной церкви последней трети XIX — начала XX вв. можно заметить одно характерное обстоятельство. На целый ряд кафедр промысел Божий возводил архиереев, до этого потрудившихся в миссионерском служении на окраинах империи. Начиная со свт. Иннокентия Московского, чье назначение вызвало удивление современников, это явление стало показывать явную нужду церкви в возрождении миссии. Более того, оба первых патриарха, — и свт. Тихон, и Сергий

(Страгородский) — в начале своего пути были миссионерами: первый — на Холмщине и в Америке, второй — в Японии и в Финляндии.

Действительно, опыт жизни в миссионерской ситуации, в ситуации, когда православные в меньшинстве и православие необходимо свидетельствовать и утверждать своим примером, был достаточно редким и ценным для Российской церкви, особенно в синодальный период ее истории. Именно поэтому весьма плодотворный опыт служения святителя Агафангела в Рижской епархии, где большинство жителей были неправославные, уже тогда привлекал внимание современников. Архиепископ Рижский Агафангел приобрел уважение в широких слоях общества также благодаря тому, что в 1905 г. умолил гражданские власти не расстреливать рижских революционеров. Но все-таки главное в тот период его жизни — это труды по соборному устройению церковной жизни епархии. С одним из плодов этой его деятельности — Рижским епархиальным собором 1905 г. — мы и хотим познакомить нашего читателя, предложив его вниманию статью, написанную по горячим следам одним из участников этого собора.

Состоявшийся осенью 1905 г., непосредственно после Высочайшего указа 17 апреля 1905 г. о веротерпимости, Рижский епархиальный собор буквально «дышит» тем духом и идеями, с которыми наш читатель мог познакомиться по документам, опубликованным в предыдущих номерах нашего журнала 1). На один из этих материалов — записку 32-х столичных священников «О необходимости перемен в русском церковном управлении», собор прямо ссылается в своих постановлениях как на авторитетный церковный документ.

Чем драгоценен для нас опыт этого собора? На наш взгляд, этот собор, состоявшийся так скоро после вышеупомянутого Указа и включавший представителей не только духовенства, но и мирян, делегированных от благочиний и братств, ясно показал, что идеи благодатного обновления церкви, высказываемые в то время в самых широких кругах российского церковного общества, не были лишь плодом идеалистических мечтаний горстки деятелей, «страшно далеких от народа».

Участие народа в избрании духовенства и в ведении приходского хозяйства, меры по превращению прихода в живую церковную общину, восстановление соборности на всех уровнях, начиная с прихода и благочиния, изменения в богослужении, начиная с чтения священнических молитв вслух, — все эти вопросы, как мы видим, не только были смело поставлены на соборе, но по ним приняты соответствующие решения. Мы видим также и подлинно церковное отношение к инославным и сектантам (что, конечно, объясняется и условиями Рижской епархии) — сопротивление не столько внешними ограничениями, сколько обретением церковью внутренней свободы и силы в ее подлинной соборности. Плоды собора были очевидны — Рижская епархия стала одной из лучших, что проявилось прежде всего в годы гонений, и особенно в трудах архиепископа Иоанна (Поммера).

Можно сказать, Рижский собор показал, что и тогда, в 1905 г., Российская церковь была способна обрести силы на подлинное возрождение и обновление, и может быть главное, что свобода церкви и в церкви ведет не к разделению и вражде, но к миру и единомыслию, что она собирает, а не разделяет. И тут для нас очень важно, что во главе этого движения в церкви стояли такие архиереи, как святитель Агафангел.

ПЕРВОЕ ЯВЛЕНИЕ ВОСКРЕСАЮЩЕЙ СОБОРНОСТИ 2)

Рижский епархиальный собор 20 сентября — 6 октября 1905 г.

Бывшее в Риге с 20 сентября по 6 октября 1905 г. собрание представителей духовенства

Рижской епархии и действующих в пределах этой епархии православных церковных братств является собой незаурядное событие русской церковной жизни, заслуживающее самого полного к себе внимания. Это был, можно сказать, первый, хотя и не полный, но весьма удачный и многообещающий опыт воскресающей в нашей жизни соборности. Собрание само отметило такое свое значение: по обстоятельному обсуждении предложенного председателем, архиепископом Агафангелом, вопроса о том, как следует это собрание именовать, оно усвоило себе название Рижского епархиального собора. И это название вполне оправдывается и составом собрания, ибо в нем были все степени освященного клира и представители мирян, и важностью предложенных его обсуждению вопросов, и особенно — соборностью, т. е. широкой свободой суждений, венчавшеюся единомысленными и единодушными, воистину соборными определениями.

Архиепископу Рижскому и Митавскому Агафангелу вложил Бог в сердце благую мысль — пригласить к участию в епархиальном соборе низших чинов клира и мирян. Созванию Рижского епархиального собора предшествовали съезды духовенства по благочинническим округам, наметившие вопросы для соборного рассмотрения: затем, когда эти вопросы были сведены в одобренную архиепископом программу, программа эта опять была разслана и обсуждалась окружными собраниями духовенства по благочиниям и в братствах. Те и другие свободно избрали своих представителей на собор, на который явились от благочиннических округов не только священники, но и псаломщики или диаконы, где они есть, а также и миряне — представители братств. В собраниях духовенства и в братствах были выработаны ответные по вопросам программы предложения; но эти предложения не стесняли членов собора в выражении их личных мнений, и они, по всестороннем обсуждении на соборе каждого вопроса, свободно подавали свои голоса за то или иное решение, хотя бы оно и расходилось с предложениями пославшего их благочиния или братства.

На соборе, повторяю, была полная свобода суждений: псаломщик сельской эстонской или латышской церкви безбоязненно и настойчиво возражал не только соборному протоиерею или члену консистории, но и самому архиепископу, и только когда говоривший далеко уходил в сторону от обсуждавшегося вопроса, председатель приглашал его вернуться к вопросу и не забегать вперед.

Собор открылся 20 сентября в здании епархиального духовного училища. По проверке полномочий вся соборная братия — 60 человек — сошлась в церкви училища. Ровно в 12 часов прибыл архиепископ Агафангел. После молебствия, отслуженного соборно несколькими протоиереями, старшим из них, протоиереем Рижского кафедрального собора отцом Владимиром Плиссом 3) сказано приличествовавшее событию слово, затем, приняв архиепископское благословение, все перешли в смежную с церковью обширную горницу, где и состоялось первое распорядительное заседание собора. Постановлено: подразделиться на пять отделений, соответственно отделам программы, и затем отделениям работать по вечерам от 6 часов; а утром ежедневно от 10 до 2 часов быть общим заседаниям собора, на которых обсуждать принятые отделениями и обоснованные ими предложения по каждому вопросу. Все общие собрания происходили под председательством самого архиепископа Агафангела; в отделениях же были выбраны свои председательствующие. В первых двух отделениях, обсуждавших вопросы о церкви и о духовенстве, работавших вместе, председательствовал сначала Ревельский протоиерей Карп Тизик, председатель эстляндского отделения Прибалтийского братства, а затем я — по просьбе отца Тизика и остальных членов этих двух отделений. Я был тогда на соборе представителем Совета Прибалтийского братства Христа Спасителя и Покрова Пресвятой Богородицы.

Первым деянием Собора было постановление внести в его акты следующее, предпосланное

рассмотрению отдельных вопросов, общее его суждение:

Большая часть вопросов, которые предстоит обсуждать собору, рассматривались уже на бывших в прежние годы епархиальных съездах (последний их них, XXV-й, был в 1902 г.); несмотря на это, все те вопросы, решение которых зависит не от епархиальной, а от высшей власти, остаются по сие время открытыми. То же будет и впредь до тех пор, пока решение касающихся церковной жизни вопросов не будет зависеть от самой Церкви. Поэтому все частные вопросы сводятся к одному общему — о необходимости для православной церкви иметь ту же свободу самоопределения и самостоятельности, какой пользуются инославные церковные общества. Разные иноверные исповедания и секты потому и сильны и живучи в нашем государстве, что они, во-первых, не стеснены извне в своей внутренней жизни, и, во-вторых, церковная их жизнь не ограничивается деятельностью духовенства, которого, как особого от мирян сословия, у них нет, а составляет общую обязанность всех членов церковной общины; они сознают себя полными хозяевами своего дела, почему и радуют о нем как о своем собственном благе, а не о чужом. Необходимо церкви вернуть себе эту свободу и целостность, и тогда она возродится в церковь живую, столп и утверждение истины; тогда не будут ей страшны никакие козни ее врагов; она будет поистине Церковью единою, святою, собороною и апостольскою.

Высказав это общее положение, собор остановился на вопросе о том, что же нужно сделать для восстановления церковной целостности, для оживления приходской жизни, — важнейшем по жизненному значению из всех предложенных его рассмотрению вопросов.

Все председатели сельских, в особенности же эстонских и латышских церквей, единогласно свидетельствовали и настаивали на том, что для укрепления довольно слабых ныне нравственных уз, соединяющих пастыря с пасомыми, и для пробуждения в паствах более живого отношения к храму и к самой вере, необходимо дать прихожанам участие: 1) в избрании себе священника и остальных членов приходского причта, и 2) в ведении церковно-приходского хозяйства. Самый оживленный обмен мнений вызвало предложение дать прихожанам право участия в избрании пастырей. Против этого предложения немногими возражавшими выставлялись следующие главные основания: 1) опасение, как бы избрание священника приходом не повело к проискам и розни между самими избирателями и поставило священника в слишком большую зависимость от прихожан, в необходимость угождать им из опасения быть удаленным, после чего такому отвергнутому приходом священнику трудно было бы где-нибудь устроиться; 2) священник, привязанный к своему приходу, не имел бы возможности перейти на другой, лучший, хотя бы он по своему семейному положению или по состоянию здоровья в этом нуждался и по заслугам имел на это право; и 3) наконец, что правилами 7-го Вселенского и Лаодикийского соборов установлен именно нынешний порядок назначения священников епископом без участия прихожан.

Против этих возражений защитниками введения в церковную жизнь выборного начала приведены были следующие объяснения и доводы.

Возражения вытекают, по-видимому, из недоразумения: никто из защитников применения выборного начала к делу избрания приходских пастырей не понимает его в том безусловном значении, какое придают ему лица, оспаривающие предложение. Епископу, по канонам, во всяком случае несомненно и неотъемлемо принадлежит право рукоположить или нет избранное приходом лицо; право же представления епископу прихожанами таких излюбленных ими кандидатов не только не противоречит канонам и существовало в древней церкви и у нас на Руси в старину, но никогда не отрицалось в нашей русской церкви; и ныне в разных епархиях нередко случаи обращения прихожан к епархиальной власти с ходатайствами о поставлении к ним на священнические и дьяконские места указываемых в ходатайствах лиц.

Но дело в том, что одни епископы охотно удовлетворяют такие ходатайства, а другие оставляют без внимания. Следовательно, предлагается установить правилом не то, чтобы выбор прихожан обязывал епископа непременно рукоположить избранное прихожанами лицо, а лишь то, чтобы желания прихожан иметь своим пастырем определенное лицо не отклонялось без достаточных к тому оснований, и чтобы назначения и перемещения священников не делались бы без ведома и вопреки желанию их самих и прихожан.

В Прибалтийской окраине вся местная печать непрерывно высказывается в пользу выборного начала, и здешний народ давно уже свыкся с мыслью и желает иметь право участия в выборе пастырей церкви. Выборы эти представят из себя такое великое для народа дело, что нельзя предполагать частого возникновения розни и распрей; а если бы, при нынешней неустроенности прихода, они и явились, то имеющий быть установленным новый порядок церковно-приходской жизни и самих выборов даст возможность устранять распри и приводить прихожан к единодушию.

При нынешнем же способе назначения пастырей могут быть также, и нередко бывают, нежелательные явления и ошибки; назначение иногда зависит от сторонних домогательств и влияний, что уже прямо осуждается канонами, а обыкновенно от докладов консистории или секретаря, мнения которых далеко не всегда могут быть более беспристрастными и безошибочными, нежели мнение ищущих себе «добротного пастыря» прихожан. Затем, участие в избрании не дает права удаления избранного; ведь даже и назначаемые чиновники не могут быть удаляемы по одному только усмотрению назначающего; священник же может быть удален только по суду в порядке, определенном церковными канонами.

На необходимость участия народа в деле поставления ему священника указывает самый чин рукоположения: «аксиос», возглашаемый хором от лица народа, и тройной возглас дьякона «повели!» (т. е. народ), «повелите!» (клир) и «повели!» (епископ).

На предложенный архиепископом вопрос: признается ли возможным предоставить прихожанам право участия в избрании пастырей на известных условиях, собор, посредством закрытого голосования записками (примененного единственно в этом случае), ответил пятьюдесятью шестью голосами против четырех утвердительно. После этого уже единогласно постановлено собором: признать необходимым восстановить совещательное начало в жизни православных приходов Рижской епархии в деле избрания священников; причем преимущественное пред всеми право в деле избрания, в силу канонов церкви, остается за епископом; право отзыва о кандидате представляется священству данного благочиния, и, наконец, выбор (из лиц, получивших богословское образование, не ниже полного семинарского) и представление епископу кандидата в приходские священники представляется самому приходу. Собор постановил также допустить участие прихожан в избрании и псаломщиков, по возможности из лиц, имеющих образование не ниже учителя начального народного училища; при этом участие клира должно выразиться в согласии священников и остальных клириков той церкви, в которой поставляется псаломщик.

Признавая затем, что выборное или, вернее, совещательное начало должно быть применено ко всей церковной иерархии до высших ее степеней и ко всем церковным учреждениям, собор постановил, что и благочинные, которые суть не только око епископа, но и ближайшие руководители духовенства своего благочиния, и потому должны пользоваться и его доверием, должны назначаться епископом из числа двух лиц, избираемых священниками благочиния 4).

После этого, признавая необходимым дать определенное устройство и права православному приходу в Рижской епархии, собор вошел совместно с этим делом в рассмотрение полученных епархиальной властью на заключение при указе Святейшего Правительствующего Синода

проектов: Высочайшего постановления о церковно-приходском собрании и церковном совете православных приходов Финляндии и Высочайшего постановления, содержащего некоторые правила о православных приходах Финляндии.

По этим предметам собор положил такое общее определение:

Всеподданнейшие проекты об устройстве православного прихода в Финляндии имеют целью устроить православный приход как признанную законом церковно-общественную единицу, как юридическое лицо, дать постановлениям органов церковно-приходского управления силу, обязательную не только для прихожан, но и для посторонних учреждений и лиц.

Все это давно и настоятельно требуется не только для Финляндии, но и для всей России, и без дарования православному приходу значения юридического лица и имущественных прав, права приобретать на свое имя недвижимое имущество, права самообложения, — и постановлениям органов приходского управления обязательной силы, не может быть благоустроена церковно-общественная жизнь, особенно здесь, в Прибалтийской окраине, где лютеранские приходы и их конвенты пользуются таким признанием и правами, если не всегда в силу закона, то в силу обычая.

В виду указанных достоинств можно было бы только приветствовать почин, идущий из Финляндии 5), и пожелать, чтобы он скорее осуществился.

Но, при указанных положительных сторонах, финляндские законопроекты имеют крупные недостатки, которые, если их не устранить, могут испортить все дело, что и случилось с попытками благоустроить православный приход в России изданным в 1864 г. Положением о приходских попечительствах 6), и в 1890 г. — Инструкцией церковным старостам, которые далеко не оправдали выражавшихся по поводу их надежд, что, например, приходские попечительства сблизят приход с церковью, возбудят усердие к храмам, будут содействовать причтам в их пастырской деятельности и вообще нравственно поднимут и оживят церковно-общественную жизнь (Указ Св. Правит. Синода 22 ноября 1893 г., № 10 о необходимости пересмотра положения о приходских попечительствах).

Главные причины, препятствующие русскому приходу благоустроиться и приходским попечительствам достигать, хотя бы в слабой мере, поставленных им целей, суть следующие:

I. Намечая в ст. 5-й довольно широко круг ведения приходских попечительств, положение о попечительствах и особенно изданные впоследствии разъяснения к нему лишают попечительства необходимых для успешной их деятельности средств. В ст. 6-й положения как на источник этих средств указано на добровольные пожертвования, собираемые преимущественно вне приходского храма. Главные же сборы с прихожан на разные приходские нужды, как то: на украшение храма и другое т. п., так же как остающийся в церковной кассе, за установленными отчислениями, свечной доход, равно как и суммы, отпускаемые из казны или из Синодальных средств, или жертвуемые на постройку и обновление церковных и причтовых зданий и на другие церковные нужды, — все эти средства оставлены, по-прежнему, в исключительном распоряжении церковного старосты и причта, и хотя по положению о приходских попечительствах священник и староста суть непременно члены попечительства, но упомянутыми церковными средствами они распоряжаются отдельно и независимо от попечительства и совершенно безотчетно пред ним и вообще пред прихожанами.

Такое отстранение прихожан не только от распоряжения собираемым главным образом с них же церковным имуществом, но и от всякого наблюдения за правильным его употреблением не может способствовать сближению прихода с клиром и возграть в прихожанах усердие к

пожертвованиям на храм и другие церковно-приходские нужды.

II. По положению 1864 г. и инструкции 1890 г. большинство прихожан лишено права участвовать в приходских собраниях, хотя положение и именует эти собрания «общими собраниями прихожан». По ст. 9-й положения и ст. 8-й инструкции членами приходских собраний, избирающих попечителей, старост и счетчиков церковных сумм, могут быть лишь домохозяева и лица, имеющие по закону право участвовать в собраниях местного городского или сельского общества или же в дворянских собраниях. Для участия же в этих общественных и сословных собраниях требуется такой имущественный и сословный ценз, каким огромная часть православных прихожан не располагает. По крайней мере православная паства Рижской епархии даже в больших и богатых городах, как Рига и Ревель, в огромнейшей своей части, а во многих приходах и вся сплошь, состоит из безземельных батраков и других бедных тружеников, не удовлетворяющих тем требованиям, которыми ст. 9-я положения и ст. 8-я инструкции обуславливают право участия в приходских собраниях; и, следовательно, этими требованиями почти вся православная паства Рижской епархии ставится вне церкви (и это в буквальном смысле, ибо церковно-приходские собрания обычно происходят в храме). Этим несомненно нарушается церковное единство, угашается церковная жизнь!

В силу приведенных обстоятельств и условий, хотя в Рижской епархии приходские попечительства и образованы, за немногими исключениями, при всех почти церквях, но большая их часть состоит даже не из десятков, а всего лишь из 5–3 членов, и почти не проявляет деятельности; другими словами, существует только на бумаге.

В предложенных для Финляндии правилах о церковно-приходском собрании и церковном совете ст. 1-я говорит: «Правила сего постановления не относятся к заведованию церковным имуществом, а также суммами, поступающими по ныне существующему порядку в церковную кассу». Следовательно, уже от ст. 1-й этих правил веет тем же мертвым духом, ею вносится в церковно-приходскую жизнь то же разделение, которое не дает наладиться и церковно-приходскому делу в русских епархиях. И пока нынешнее отношение закона к прихожанину и ныне существующий порядок распоряжения церковно-общественным достоянием не будут заменены совершенно противоположными, — до тех пор духовенство и староста с одной стороны, и прихожане с другой, будут, по-прежнему, взаимно считать себя друг другу чужими, имеющими разные и едва ли не противоречивые стремления и заботы, и оживления церковно-общественной жизни при таком положении ожидать было бы совершенно напрасно.

Для этого оживления необходимо прежде всего признать духовенство прихода купно со всеми без исключения верующими этого прихода — одной христианской общиной, малой Церковью, недробимой частью единого Тела Христова, в котором должен жить и единый Дух Христов. В церковном приходе должна быть установлена не противоположность, а общность стремлений к единой общей цели — созиданию всего церковно-приходского народа в истинную Церковь Божию, напоенное Духом Божиим Тело Христово. Если же единство жизни во Христе должно быть целью, к которой должен быть направляем церковный приход, то и в положении о приходе не должно быть ничего, от этой цели отдаляющего и прямо ей по духу противоположного.

Того же порядка, — т. е. противоречащее духу христианского равенства постановление предлагается в ст. 21-й финляндских правил, по которой голосам членов приходского собрания усвоется не одинаковое значение, а — соразмерно числу манталов или податных единиц, наложенных на каждого; так что, согласно этому правилу, одни прихожане располагали бы при голосовании каждый одним голосом, а другие имели бы по многу голосов (одно лицо может иметь до одной десятой части общего числа голосов всего собрания).

Обращает на себя внимание вызываемое, вероятно, местными условиями Финляндии и едва ли могущее где-либо повториться требование ст. 28-й, — чтобы «условия касательно содержания священников и прочих членов причта, а также постройки и содержания их помещений, — заключались с подлежащими лицами и изменялись — в присутствии начальника губернии или его поверенного и уполномоченного епархиального начальства, и представлялись затем на рассмотрение и утверждение в Хозяйственный Департамент Сената (Финляндского)».

Не входя в дальнейшее рассмотрение частных финляндских проектов, собор находил, что некоторыми из этих частных можно воспользоваться при устройении прихода Рижской епархии. Таковы, например, правила, определяющие порядок ведения списков прихожан и выдачи о них разного рода справок и документов.

Но в общем, для благоустройства церковно-приходской жизни в Прибалтийском крае, по мнению собора, целесообразнее применить не финляндские проекты, а взять в основание Высочайшее утвержденное 2 августа 1864 г. Положение о приходских попечительствах при православных церквах в России и дополнить и изменить это положение соответственно требованиям жизни и указаниям опыта.

Затем собор слушал и единодушно постановил: одобрить и принять следующее

Положение о православном приходе при церквах Рижской епархии:

- 1) Клир каждой православной приходской церкви купно со всей его паствой составляют одну нераздельную церковную общину — «православный приход» (такой-то церкви). Эта церковная община, обнимая собой настоящее, отшедшие и грядущие поколения ее членов, есть собственник и хозяин всего церковного достояния и приходского имущества и всех церковно-приходских учреждений.
- 2) Церковною общиною — приходом управляет, под руководством и наблюдением высшей церковной власти, поставленный к нему, с согласия прихожан, епископом настоятель-священник при сотрудничестве остальных членов клира, на котором лежит преимущественная забота об удовлетворении духовных нужд прихода, и при содействии приходского попечительства, выбранного приходским собранием, обязанного преимущественно пекусь об удовлетворении всех хозяйственных нужд церкви, причта и всего прихода, и ответственного перед епархиальною властью и приходом.
- 3) Церковно-приходское собрание состоит, под председательством настоятеля церкви, из всего ее клира и прихожан, достигших 21-летнего возраста, не различая сословного, общественного и имущественного положения. Мера и виды участия лиц женского пола в приходских собраниях и делах определяются самим приходом — соглашением настоятеля с прихожанами.
- 4) Приходское попечительство состоит из священно- и церковно-служителей приходской церкви и лиц, выбранных церковно-приходским собранием из числа прихожан. Председателем попечительства может быть, по выбору приходского собрания, священник или другое лицо. В члены приходского попечительства могут быть избираемы собранием или самим попечительством и посторонние, т. е. не живущие в приходе лица; но они должны быть православными, и общее их число в попечительстве не должно быть более половины числа остальных выборных его членов.
- 5) Церковный староста избирается церковно-приходским собранием и действует совместно с попечительством, членом которого он состоит по своей должности.

6) Председатель, староста и члены попечительства избираются на три года. Ежегодно, по рассмотрении церковно-приходским собранием отчета попечительства, третья часть выборных его членов выбывает, в первые два года по образованию попечительства по жребию, а затем по очереди.

7) Приходские собрание и попечительство ведают все церковные и общественные дела прихода и распоряжаются церковно-приходским имуществом. Во всех своих распоряжениях и действиях они должны быть единодушны и действовать от лица и для общей пользы всего прихода, проявляя особенную благопопечительность о тех его членах, которые по малолетству, сиротству, телесной или душевной немощи особенно нуждаются в братских о себе заботах, руководстве, содействии и помощи.

Примечания: I. Решение в собрании и в попечительстве дел большинством голосов должно быть возможно редким исключением, а не общим правилом приходской жизни.

II. Храм, находящиеся в нем святые иконы, ризница и священная утварь не отчуждаемы, и пользование ими зависит от благословения настоятеля. Предметы церковной утвари и ризницы могут быть жертвуемы и приносимы в дар нуждающимся в них другим церквам с общего согласия клира и прихожан.

III. Причтовые земли и доходные статьи сохраняют прежнее свое назначение и остаются в ведении причта.

8) Церковно-приходское собрание созывается настоятелем или попечительством обязательно два раза в год.

I-е годовое собрание созывается в конце года, не позже 27-го декабря: а) для рассмотрения и утверждения на предстоящий год смет доходов и расходов приходского попечительства и подведомственных ему приходских заведений — просветительных, как-то: школы, библиотеки и друг., богоугодных: больницы, богадельни, странноприимные дома, трапезы для бедных и т. п.; а также доходных статей, как например: от нанимаемой приходом или от сдаваемой в наймы приходской земли, от приходской мельницы, мызы, сыроварни, рыбного промысла, продажи в приходе книг, торговли из приходского склада кустарными и ремесленными изделиями прихожан, общественной лавки и т. д.; б) для выбора членов поверочного наряда в числе, определяемом самим собранием, для проверки хозяйственных отчетов попечительства и всех приходских учреждений за истекший год и для проверки наличия всего приходского имущества.

II-е годовое собрание созывается весной, не позже пасхальной седмицы: а) для утверждения упомянутых отчетов, которые вносятся в собрание попечительством с заключениями поверявшего их наряда и со своими по этим заключениям объяснениями, и б) для выбора председателя и членов попечительства, взамен отбывших свой срок и выбывающих по очереди.

На одном из этих обычных собраний, смотря по потребности и удобству, избираются собранием церковный староста и представители прихода на благочиннический съезд (окружной соборик), независимо от священнослужителей прихода — членов съезда по должности. Сверх поименованных дел, обсуждению и решению годовых собраний попечительством могут быть предлагаемы и другие вопросы и дела.

9) Кроме обыкновенных собраний, в важных случаях: смерти священника, необходимости приобрести или отчудить приходскую недвижимость, устроить или закрыть какое-либо из приходских установлений, сделать заем или сверхсметный расход и т. п., — по требованию благочинного или по усмотрению попечительства могут быть созываемы чрезвычайные

церковно-приходские собрания.

10) В приходских собраниях, когда избирается лицо для замещения освободившейся священнической должности, председательствует благочинный; в остальных случаях — настоятель прихода или заменяющее его, по его указанию, лицо.

11) О дне и месте назначенного собрания и цели его священник извещает прихожан, объявляя о том в церкви при стечении народа в три предшествующие собранию воскресные или праздничные дня; попечительство же со своей стороны принимает доступные ему меры для оповещения прихожан о времени и месте собрания и о предлагаемых его рассмотрению вопросах.

Собрание считается состоявшимся, если явилась одна десятая часть имеющих право участвовать в нем прихожан. При выборе священника собрание должно состоять не менее, как из 1/2 имеющих право участия в собрании прихожан, и для действительности избрания требуется не менее 3/4 голосов всего собрания.

12) При недостаточности средств на удовлетворение настоятельных приходских нужд собрание может установить обязательный сбор с прихожан и произвести раскладку этого сбора, сообразуясь с достатками и платежной способностью лиц. Обложение и раскладка обязательны для всех прихожан, и для православных лиц, владеющих недвижимостью в пределах прихода, хотя бы они проживали вне прихода и не были его членами.

13) Для осуществления таких, касающихся церковно-общественной жизни прихода задач, которые не по силам одному приходу, несколько соседних приходов или приходы целого благочинного округа могут соединиться вместе и иметь общие учреждения, управляемые лицами, избираемыми от приходских попечительств тех приходов, на средства которых они содержатся.

14) Приходское попечительство обязано иметь постоянную заботу об исправном содержании и благолепии приходского храма и приходского кладбища и о возможно более полном удовлетворении хозяйственных и духовных нужд духовенства и всего прихода.

15) Члены приходского попечительства избираются собранием в потребном числе, по соображению с размерами и разными видами деятельности попечительства и приходского хозяйства и с имеющимися в виду собрания числом лиц, способных работать в составе попечительств с пользою для прихода.

16) Попечительство является законным представителем своего прихода во всех сношениях и сделках, совершая на имя прихода и от его имени купчие крепости на недвижимое имущество, займы и другие обязательства. Обыкновенные сношения ведутся за подписью председателя или заменяющего его лица. Для действительности же актов и обязательств необходимы подписи председателя попечительства, священника (если он не председательствует), церковного старосты и двух выборных членов попечительства.

17) На попечительстве лежит обязанность своевременного составления и представления общему собранию смет и отчетов. Проекты и сметы на постройку, перестройку, обновление и поновление зданий самой церкви, по одобрении их собранием, представляются попечительством благочинному, который предлагает их в потребных случаях (когда, например, нужные на работу средства испрашиваются из епархиальных сумм или особо от казны), рассмотрению благочиннического совета или благочиннического съезда. Сметы на перестройки и возобновление причтовых и других домов в том лишь случае представляются

благочинному, если на работы испрашиваются от епархии средства.

18) Всем лицам, имеющим право участвовать в приходском собрании, должен быть составлен и содержим в исправности приходским попечительством особый список.

Первоначально, до образования попечительства, список сей составляется священником – настоятелем церкви при содействии приглашаемых им для сего прихожан.

Приходской список должен содержать в себе сведения о возрасте, составе семейства, служебном и имущественном положении, промысле и занятии каждого члена приходского собрания, и о том участии, какое он и члены его семейства принимают в приходской жизни. Если прихожанин желает перечислиться в другой приход, то ему надлежит взять от настоятеля прежнего прихода свидетельство на перечисление. В случае, если желающий вступить в число прихожан не может представить требуемого свидетельства от прежнего прихода, то для внесения его в приходской список нового прихода настоятель этого прихода довольствуется личными заявлениями желающего войти в приход и принимает на себя заботу о получении о нем сведений от настоятеля прежнего прихода.

19) Церковно-приходское собрание и приходское попечительство, состоя в ведении епархиального начальства, в то же время пользуются значением и общегражданских учреждений, и законные их постановления и распоряжения, а также правильно составленные и заключенные ими непосредственно или через поверенных акты и договоры имеют обязательное значение, и к исполнению их должно быть оказываемо необходимое содействие полицейскими, сельскими, судебными и иными властями и лицами, по принадлежности.

Приняв положение о православном приходе, собор рассуждал, что доставление на заключение епархиального начальства проектов Высочайших постановлений об устройстве православного прихода в Финляндии показывает, что вопрос о благоустройстве приходской жизни поставлен в настоящее время на очередь и в других епархиях, и, быть может, даже вырабатываются общие по сему предмету законоположения. Но выработка таких общих законоположений обыкновенно требует слишком продолжительного времени и при этом нередко бывает, что такой общий закон уже не удовлетворяет требованиям жизни или особым условиям той или иной местности. В виду сего и принимая во внимание особенно настоятельную потребность возможно скорее благоустроить и оживить приходскую жизнь, без чего, при изменившихся вследствие Высочайшего указа 17-го апреля сего года условиях, местная паства может уклониться в инославные исповедания или секты, дающие своим верующим более деятельное участие в церковно-общественной жизни, — собор постановил ходатайствовать о том, чтобы одобренное им положение о приходе при православных церквах было утверждено законодательной властью при Рижской епархии немедленно, независимо от того, имеется ли в виду издать общее по сему предмету законоположение для всей России.

Затем, в развитие приведенного выше положения, что начало соборности должно проходить чрез церковное строение от основания его — прихода и до самых вершин, соединенные первые два отделения собора выработали следующие положения:

I. О благочиннических, или окружных собориках

1) Ежегодно, не позже, как за месяц до епархиального собора, причты благочиннического округа в полном составе, совместно с представителями мирян, избранными приходскими собраниями, по одному от каждого прихода, созываются благочинным на окружной соборик для обсуждения церковных дел и нужд данного округа.

2) Все участники соборика пользуются одинаковым голосом, и дела (при недостижении единомыслия) решаются простым большинством.

3) Руководит собориком председатель, избираемый из числа присутствующих священников. Из них же избирается делопроизводитель.

4) Постановления соборика представляются председателем или другим уполномоченным на то от собора лицом епархиальному собору — без переработки их консисторией или другим подобным ей учреждением. Священники благочиннического округа избирают двух кандидатов в благочинные. Епископ одного из них утверждает в этой должности на три года.

II. Об епархиальных соборах

1) Ежегодно епархиальным епископом созывается епархиальный собор. Председательствует на соборе епархиальный епископ.

2) Епархиальный собор составляется из членов епископального совета и трех выборных от каждого из окружных собориков: по одному священнослужителю, церковнослужителю и мирянину, а также представителей духовно-учебных заведений, братств и монастырей. Епископ или собор могут приглашать к участию лиц из своей и других епархий.

3) Епархиальный собор рассматривает всякие касающиеся церковной жизни вопросы, возбужденные окружными собориками, епископом или епархиальным советом.

4) Епископальный совет устанавливает порядок занятий собора и приводит в систему вопросы, подлежащие обсуждению собора.

5) Кроме общеeparхиальных вопросов, касающихся церковной жизни и деятельности местной епархии, ведению епархиального собора подлежат: а) избрание лица, достойного занять освободившуюся епископскую кафедру; для сего собор может быть созываем вне обычного времени епархиальным советом, и б) избрание членов епископального совета.

6) Постановления собора, не требующие учреждения высшей церковной власти, объявляются немедленно, для исполнения, в местных «Епархиальных Ведомостях»; вопросы, решение которых превышает власть епархиального собора, готовятся в нем для внесения на областной метрополичий или на Всероссийский поместный собор.

Епархиальный собор избирает из членов собора, духовных и мирян, представителей на областной и Всероссийский собор.

7) На епархиальный собор и епископальный совет переходят все обязанности консистории, которая тем самым упраздняется; освободившиеся же с ее закрытием средства обращаются на содержание членов епархиального собора из духовенства, и епископального совета и делопроизводства при нем.

В защиту этих предложений, устанавливающих соборность епархиального церковного управления, по приглашению архиепископа Агафангела в полном заседании собора были высказаны следующие основания:

Понятие соборности лежит в основном догмате христианской веры о триединстве Божества. Исповедуемое нами соотношение Ипостасей Пресвятой Троицы: неслитность и нераздельность Их, т. е. самостоятельность каждого из трех Божественных Лиц и вместе полное Их согласие или единство, может быть названо Соборностью Божества. Бог, по апостолу, есть Любовь, и

соборность в жизни человеческих обществ есть явление обитающего в составляющих эти общества людях Божественного Духа Любви, Который приводит к признанию в каждом человеке его Богоподобной личности, ее ничем извне не ограниченной самостоятельности и свободы, и вместе приводит их всех к согласию, к единомыслию и единодушию.

В Символе веры мы исповедуем, что Церковь наша есть Церковь соборная. Верность этому началу соборности и составляет то существеннейшее отличие православия от католичества и протестантства, в силу которого одно только оно и остается истинной Церковью Божией.

Внешним выражением этой соборности православной церкви являются церковные соборы. Правила святых Апостолов (37-е) и святых Вселенских соборов: первого (5-е), четвертого (19-е), шестого (8-е) и седьмого (6-е) — повелевают митрополитам ежегодно дважды в год созывать собор епископов для суждения о догматах благочестия и других вопросах веры и церкви, — чтобы погрешительное исправлять; и только во внимание к таким затруднениям, как набеги варваров и недостаток потребного в пути, разрешают собирать не дважды, но непременно один раз в год.

Все эти правила, правда, говорят о соборах епископов в митрополичьих областях, а не о таких соборах, которые могут быть в одной епархии. Но дело в том, что в те давние времена, как и теперь, впрочем, на православном Востоке, размеры отдельных епископий были несравненно меньше наших, русских. У нас в печати раздаются уже голоса о необходимости увеличить число епархий и епископов, чтобы приблизить епископа к пастве. В известной записке столичных священников, напечатанной весной в «Церковном Вестнике» — О необходимости перемен в русском церковном управлении 7), высказано, что в каждом уездном городе должен быть епископ. Если это будет так, тогда на пространстве каждой из нынешних епархий могут быть областные епископские соборы. При нынешних же обширных размерах отдельных епископий, епископу приходится рассматривать и решать одному многое такое, что прежде обсуждалось на областных соборах. При таких условиях не лучше ли епископу судить о деле, выслушав свидетельства тех, от кого исходят или кого непосредственно касаются те или другие дела и вопросы, и решать их с общего согласия и совета, нежели довольствоваться только донесениями благочинных и докладами консисторий?

Что касается предлагаемого участия на всех вообще соборах мирян, то оно вытекает из понятия о Церкви, как о Телѣ Христовом (1 Кор 12). Каждое тело живое только тогда живет настоящею и полною жизнью, развивается и растет, когда все его члены находятся в постоянном живом общении и взаимодействии; не участвующий в общей жизни член мертвает, а это пагубно отзывается на жизнедеятельности и жизнеспособности других членов и всего тела.

И вот, с глубокой скорбью следует признать, что в мирянах нашей русской церкви омертвела церковность, вследствие давнего отстранения их от дел церковных; да и в самом клире оскудела она вследствие того же разделения Тела церковного; ибо тот только пастырь добрый, который идет впереди овец, а овцы идут за ним, и он знает их и полагает жизнь свою за них (Ин 4: 11). Поэтому-то хотя апостольские и соборные правила ничего не говорят о соборах одной епископии, о совещаниях епископа с подвластным ему священством и мирянами; но такие соборы — епархиальные и благочиннические, как и собрания клира с прихожанами по приходам — не только не противоречат канонам, но вполне соответствуют общему соборному духу православной церкви и составят естественное восполнение домостроительства церковного, завещанного нам апостолами и святыми отцами.

Что касается консисторий, то главный их недостаток — в формальности их делопроизводства и отделенности от епископа. Епископ решает дела, не слыша всего, что говорилось в

консистории при их обсуждении, на основании только письменных докладов и справок. Отсюда медленность и формализм решений. Иное будет дело, когда те же протоиереи, что теперь сидят в консистории, составят епископальный совет и будут обсуждать дела вместе с епископом и под его руководством, а он тут же будет полагать свое решение. Решения будут быстрее и одухотвореннее.

Намеченный строй церковного управления в епархиях: приходские собрания с выборными попечительствами, окружные соборы и выборные благочинные с благочинническими советами, наконец епархиальный собор с выборными от окружных собориков священно- и церковнослужителями и мирянами, и епископальный совет, или синодик, в котором также, как это есть в других православных церквях, могли бы быть и члены от мирян по выбору епархиального собора и по приглашению епископа, необходимо было бы ввести безотлагательно, ибо только при таком строе епархии явится возможность избирать достойных представителей из белого духовенства и от мирян и на областные митрополичьи и на ожидаемый всей православной Русью с таким нетерпением и надеждами Всероссийский поместный собор, и эти избрания только при таком устройстве епархии будут иметь правильный вид, дадут собору и из мирян людей не чуждых Церкви, и устранят неизбежные иначе недовольство и упреки в неполноте представительства и в случайности и произвольности выбора.

Определение Рижского епархиального собора по предположениям установить ежегодные благочиннические и епархиальные соборы состоялось уже по моем отъезде. Все изложенные предположения приняты, за исключением предположения об упразднении консистории. Об этом в определениях Собора умалчивается; но это необходимое следствие устройства епископального совета.

Из множества других дел, рассмотренных и решенных собором, заслуживает внимания вопрос о школе. Так называемые вспомогательные приходские школы, принесшие огромную пользу делу православия в Прибалтийском крае, в виду крайней скудости епархиальных средств решено передать в Синодальное ведомство с тем, чтобы они содержались по штату церковно-приходских школ, о чем уже и ранее возбуждались ходатайства. Предположены изменения и в других епархиальных учебных заведениях, а также и в учительских семинариях, дающих псаломщиков и учителей Рижской епархии, и устройство особых местных курсов для пополнения недостаточного образования, в особенности музыкального, псаломщиков местных церквей. Но я не буду останавливаться на всех этих вопросах, так как на предварительной разработке их в отделении собора я не участвовал 8).

Скажу, в заключение своего отчета о Рижском епархиальном соборе, о принятом собором решении дозволить настоятелям церквей делать сокращения и некоторые другие изменения в церковных службах. Мы слышали уже о некоторых наветах на собор, а решимость собора коснуться богослужебного устава всего скорее может вызвать несправедливые заподозривания и наветы со стороны слепых сторонников неподвижности церковных порядков, благоговеющих, быть может не всегда искренно, пред буквой и небрегающих о разумении и духе.

Чин божественных служб сложился не сразу при апостолах, а постепенно, и изменялся. «По историческим исследованиям, — говорит архиепископ Филарет (Гумилевский), — ясно и несомненно, что святая Церковь относительно обрядов богослужения действовала с разной свободой: принимала порядки служебные по благотворному действию на людей и потом заменяла их другими, когда видела, что прежние порядки не совсем полезны, и нужны другие». Между тем, большая часть богослужений составлена некогда применительно к монастырскому уставу, почему и отличается продолжительностью. Людям, не отрешившимся от мирских забот и дел, такие долгие стояния не по времени и не по силам. Поэтому

повсеместно службы сокращаются по усмотрению настоятелей или служащих; но эти сокращения совершенно произвольны и иногда таковы, что нарушают целостность, искажают богослужение. Лучше поэтому, чтобы возможные без нарушения красоты и целостности богослужения сокращения были указаны более авторитетной церковной властью.

Руководствуясь этим соображением, Рижский епархиальный собор имел в виду также еще и особые причины местного свойства, побуждая снизойти к нужде и слабости пасомых и пойти навстречу желанием их непосредственных пастырей. Дело в том, что, как нами было уже замечено выше, почти вся православная паства Рижской епархии — бедные труженики, нередко батраки, работающие в экономиях владельцев-лютеран, а эти последние относятся враждебно к православию зависящих от них рабочих и затрудняют им посещение церквей. Эти труженики нередко пешком приходят в церковь, чтобы помолиться, за 15–20 верст, и усталые, слыша часто повторение одних и тех же молений или чересчур много чтения, выражают на это неудовольствие. С другой стороны, они особенно любят слушать поучения на жизненные вопросы, и если не слышат их, то уходят из церкви недовольными. Надо, следовательно, и для поучения дать время. По этим основаниям, имея в виду, главным образом, сельские церкви с нерусской паствой, собор признал необходимым предоставить настоятелям церквей, делать такие из признанных собором возможными сокращений и изменений, которыми не только не нарушается красота и цельность богослужений, но, напротив, придается им большая стройность и вразумительность. Не полагаясь на свою память, укажу, лишь для примера, некоторые из сокращений.

За всенощной, представляющей собою соединение вечерни и утрени, решено одни и те же ектеньи, положенные для той и другой служб, произносить только однажды. Когда служитя литургия и пред ней утренняя, сблизить эти службы, и проскомидию совершать во время утрени, опуская затем пред литургией часы. На литургии опустить сугубую ектенью и ектенью оглашенных, с возгласом «оглашенные изыдите!» — оставив молитву об оглашенных; опустить также возглас: «Двери, двери!», «Святы Боже» петь только трижды. Наоборот, петь без пропусков: «Во Царствии Твоем» и все десять блаженств. Некоторые молитвы — литургические и другие, которые полагается священнику читать тайно, читать вслух, так как без этого некоторые возгласы священника и хора не вполне вразумительны. Символ веры не петь, а читать. Евангелие читать, обратясь лицом к народу, и избегать при этом излишней крикливости, как и вообще в чтении и пении. В чине святого крещения из четырех запретительных молитв опустить три, также обряд дуновения и плюновения.

Оживленно обсуждался собором вопрос о допущении общей исповеди.

Некоторые священники сельских церквей заявляли, что они силой обстоятельств вынуждаются иногда допускать у себя порядок исповеди, сходный (не вполне) с общей исповедью о. Иоанна Кронштадтского. В некоторые праздничные дни собираются к заутрене двести и более человек, желающих в этот день исповедаться и причаститься. Отисповедать каждого из них в отдельности между утреней и обедней так, чтобы исповедь не стала одной наскоро исполняемой обрядностью, как это часто бывает у нас в России при большом скоплении исповедников невозможно; отпускать же людей, не удовлетворив их благого желания, было бы жестоко; и вот приходится поступать так: прочитав исповедные молитвы, священник предлагает всем вместе каяться в своих грехах; но затем каждый в отдельности, подойдя к священнику, вопрошается им тайно от других — не имеется ли на душе чего-либо особенного, в чем ему следует покаяться; и после отрицательного ответа или же покаяния, покрывается епитрахилью и получает отпущение. (В Кронштадте же и отпуск грехов бывает общий).

Собор высказался в этом деле со всей осторожностью, какая требовалась важностью дела. Признав, что в Рижской епархии пастыри поставляются иногда духовными нуждами своих

пасомых в необходимость прибегать к общей исповеди, собор не положил по этому вопросу своего решения, а предоставил священникам, у которых это бывает, испрашивать на такие случаи указания от архиепископа.

* Святитель Агафангел (в миру Александр Лаврентьевич Преображенский) родился 27 сентября 1854 г. в селе Могилы Веневского уезда Тульской епархии в семье священника. Его жизненный путь был необычайно труден и скорбен даже для времени гонений на церковь. О. Александр в самом начале своего священнического служения перенес труднопредставимое горе — у него умерла жена и единственный ребенок. Молодой священник воспринял это как указание на полную отдачу себя на служение Богу и людям. Во времена обер-прокурорства К.П. Победоносцева было широко принято поставлять в архиереи вдовое духовенство. Так, через некоторое время после пострижения в монашество был призван к епископскому служению и ректор Иркутской семинарии архимандрит Агафангел — в 1889 г. он стал епископом Киренским, викарием Иркутской епархии. Святитель был правящим архиереем последовательно на Тобольской (1893 г.) Рижской (1897 г.), Виленской (1910 г.) и Ярославской (1913 г.) кафедрах. В 1922 г. святейший патриарх Тихон, лишенный большевиками возможности управлять церковью, благословил вступить в управление церковью митрополиту Ярославскому Агафангелу. Большевики не допустили его в Москву и отправили тяжело больного старца общим этапом в ссылку, на верную смерть. Но главные скорби у святителя были еще впереди. Все-таки возвратившись из ссылки в 1925 г., после смерти патриарха Тихона, он оказался на переднем крае спровоцированной ОГПУ церковной смуты, расколов, борьбы за церковную власть. ОГПУ интригами и обманом натравливало друг на друга митрополита Агафангела и митрополита Сергия (Страгородского) по вопросу о местоблюстительстве патриаршего престола, что было невыносимо тяжело для обоих. В какой-то момент святитель даже оказался в расколе, но его стремление к церковному миру, духовное смирение и ответственность победили: он примирился с митрополитом Сергием. Умер святитель Агафангел 16 октября 1928 г. в Ярославле.

** Афанасий Васильевич Васильев (1851 г.— дата смерти неизвестна) — российский церковный, общественный и государственный деятель, активный участник Собора 1917-18 гг. 1889 г. — член Совета Управления главного общества российских железных дорог; 1890-1893 гг. — редактор журнала «Благовест», председатель общества «Соборная Россия»; 1893-1896 гг. — генеральный контролер департамента железнодорожной отчетности; 1896-1904 гг. — член Совета Государственного контроля; 1919 г. — приговорен к расстрелу, но приговор не был приведен в исполнение. — Прим. ред.

1) См. Прот. Михаил Чельцов. Сущность церковного обновления. «Православная община», № 40, сс. 74-87; О необходимости перемен в русском церковном управлении (Записка 32-х столичных священников), «Православная община», № 42, сс. 90-95; митр. С.-Петербургский Антоний (Вадковский). Вопросы о желательных преобразованиях в постановке у нас православной церкви, «Православная община», № 43, сс. 60-64; С.Ю. Витте. О современном положении православной церкви, «Православная община», № 43, сс. 64-76.

2) «Церковные ведомости», издаваемые при Святейшем Синоде, вып. 48, 1905 г.

3) Впоследствии — участник Поместного собора Российской православной церкви 1917-18 гг. — Прим. ред.

4) Эта идея впоследствии обсуждалась в полемике о том, каким образом должны выбираться делегаты на Поместный собор. — Прим. ред.

5) Почин связан с трудами преосвященного Финляндского Сергия (Страгородского) — Прим.

ред.

6) Известная инициатива свт. Иннокентия Московского по возрождению местной соборности и самоуправления на приходском уровне — Прим. ред.

7) См. «Православная община», № 42, сс. 90–95.

8) Желающие могут ознакомиться со всею вообще деятельностью собора по изданной в Риге, с разрешения архиепископа Агафангела, книге: «Рижский епархиальный собор. От 20 сентября по 20 октября 1905 г. Лито-типография Александра Шталя, Крепостная улица, 29». — Прим. из публикации 1905 г.

Виктор Зайцев: Архиепископ Агафангел (Преображенский) и Рижский епархиальный собор 1905 г.

История церкви

На февральском заседании Синода Русской православной церкви 1998 г. был заслушан вопрос о причислении к лику святых митрополита Ярославского Агафангела (Преображенского; † 1928) — исповедника Российской церкви. Синод постановил передать дело о канонизации на рассмотрение Архиерейского собора РПЦ, предстоящего в 1999 г*.

Почему важен для Церкви опыт митрополита Агафангела? В жизни Российской православной церкви последней трети XIX— начала XX вв. можно заметить одно характерное обстоятельство. На целый ряд кафедр промысел Божий возводил архиереев, до этого потрудившихся в миссионерском служении на окраинах империи. Начиная со свт. Иннокентия Московского, чье назначение вызвало удивление современников, это явление стало показывать явную нужду церкви в возрождении миссии. Более того, оба первых патриарха, — и свт. Тихон, и Сергей (Страгородский) — в начале своего пути были миссионерами: первый — на Холмщине и в Америке, второй — в Японии и в Финляндии. Действительно, опыт жизни в миссионерской ситуации, в ситуации, когда православные в меньшинстве и православие необходимо свидетельствовать и утверждать своим примером, был достаточно редким и ценным для Российской церкви, особенно в синодальный период ее истории. Именно поэтому весьма плодотворный опыт служения святителя Агафангела в Рижской епархии, где большинство жителей были неправославные, уже тогда привлекал внимание современников. Архиепископ Рижский Агафангел приобрел уважение в широких слоях общества также благодаря тому, что в 1905 г. умолил гражданские власти не расстреливать рижских революционеров. Но все-таки главное в тот период его жизни — это труды по соборному устройению церковной жизни епархии. С одним из плодов этой его деятельности — Рижским епархиальным собором 1905 г. — мы и хотим познакомить нашего читателя, предложив его вниманию статью, написанную по горячим следам одним из участников этого собора. Состоявшийся осенью 1905 г., непосредственно после Высочайшего указа 17 апреля 1905 г. о веротерпимости, Рижский епархиальный собор буквально «дышит» тем духом и идеями, с которыми читатель мог познакомиться по документам, опубликованным в предыдущих номерах нашего журнала (См. Прот. Михаил Чельцов. Сущность церковного обновления. «Православная община», № 40, сс. 74–87; О необходимости перемен в русском церковном управлении (Записка 32-х столичных священников), «Православная община», № 42, сс. 90–95; митр. С.-Петербургский Антоний (Вадковский). Вопросы о желательных преобразованиях в постановке у нас православной

церкви, «Православная община», № 43, сс. 60–64; С. Ю. Витте. О современном положении православной церкви, «Православная община», № 43, сс. 64–76). На один из этих материалов — записку 32-х столичных священников «О необходимости перемен в русском церковном управлении», собор прямо ссылается в своих постановлениях как на авторитетный церковный документ. Чем драгоценен для нас опыт этого собора? На наш взгляд, этот собор, состоявшийся так скоро после вышеупомянутого Указа и включавший представителей не только духовенства, но и мирян, делегированных от благочиний и братств, ясно показал, что идеи благодатного обновления церкви, высказываемые в то время в самых широких кругах российского церковного общества, не были лишь плодом идеалистических мечтаний горстки деятелей, «страшно далеких от народа». Участие народа в избрании духовенства и в ведении приходского хозяйства, меры по превращению прихода в живую церковную общину, восстановление соборности на всех уровнях, начиная с прихода и благочиния, изменения в богослужении, начиная с чтения священнических молитв вслух, — все эти вопросы, как мы видим, не только были смело поставлены на соборе, но по ним приняты соответствующие решения. Мы видим также и подлинно церковное отношение к инославным и сектантам (что, конечно, объясняется и условиями Рижской епархии) — сопротивление не столько внешними ограничениями, сколько обретением церковью внутренней свободы и силы в ее подлинной соборности. Плоды собора были очевидны — Рижская епархия стала одной из лучших, что проявилось прежде всего в годы гонений, и особенно в трудах архиепископа Иоанна (Поммера). Можно сказать, Рижский собор показал, что и тогда, в 1905 г., Российская церковь была способна обрести силы на подлинное возрождение и обновление, и может быть главное, что свобода церкви и в церкви ведет не к разделению и вражде, но к миру и единомыслию, что она собирает, а не разделяет. И тут для нас очень важно, что во главе этого движения в церкви стояли такие архиереи, как святитель Агафангел.

* Святитель Агафангел (в миру Александр Лаврентьевич Преображенский) родился 27 сентября 1854 г. в селе Могилы Веневского уезда Тульской епархии в семье священника. Его жизненный путь был необычайно труден и скорбен даже для времени гонений на церковь. О. Александр в самом начале своего священнического служения перенес труднопереносимое горе — у него умерли жена и единственный ребенок. Молодой священник воспринял это как указание на полную отдачу себя на служение Богу и людям. Во времена обер-прокурорства К. П. Победоносцева было широко принято поставлять в архиереи вдовое духовенство. Так, через некоторое время после пострижения в монашество был призван к епископскому служению и ректор Иркутской семинарии архимандрит Агафангел — в 1889 г. он стал епископом Киренским, викарием Иркутской епархии. Святитель был правящим архиереем последовательно на Тобольской (1893 г.) Рижской (1897 г.), Виленской (1910 г.) и Ярославской (1913 г.) кафедрах. В 1922 г. святейший патриарх Тихон, лишенный большевиками возможности управлять церковью, благословил вступить в управление церковью митрополиту Ярославскому Агафангелу. Большевики не допустили его в Москву и отправили тяжело больного старца общим этапом в ссылку, на верную смерть. Но главные скорби у святителя были еще впереди. Все-таки возвратившись из ссылки в 1925 г., после смерти патриарха Тихона, он оказался на переднем крае спровоцированной ОГПУ церковной смуты, расколов, борьбы за церковную власть. ОГПУ интригами и обманом натравливало друг на друга митрополита Агафангела и митрополита Сергия (Страгородского) по вопросу о местоблюстительстве патриаршего престола, что было невыносимо тяжело для обоих. В какой-то момент святитель даже оказался в расколе, но его стремление к церковному миру, духовное смирение и ответственность победили: он примирился с митрополитом Сергием. Умер святитель Агафангел 16 октября 1928 г. в Ярославле.

: Последние годы жизни матери Марии (Скобцовой). Из воспоминаний И.Н. Вебстер

Дневники, письма, воспоминания

Последней встречей матери Марии с сыном Юрой было свидание в этапном лагере Компьень в апреле 1943 года, в котором мать Мария провела одну ночь. Ниже приведены описание этого свидания в воспоминаниях И.Н. Вебстер и письмо Юры родным (публикуется впервые)*.

Из воспоминаний И. Н. Вебстер

Привезли нас в Компьень, в лагерь, и долго не знали, в какой барак погнать, наконец, разместили в каком-то стойле. Женщины стараются устроиться получше, покомфортабельней, думают, что надолго. К вечеру меня разыскала мать Мария и возбужденно поведала, что сын ее Юрий тут же и она надеется наутро его повидать. Она была полна этим скорым свиданием, мечтала о моменте встречи...

Наутро, часов в пять, я вышла из своей конюшни и, проходя коридором, окна которого выходили на восток, вдруг застыла на месте в неопишемом восхищении от того, что я увидела**. Светало, с востока падал какой-то золотистый свет на окно, в раме которого стояла мать Мария. Вся в черном, монашеском, лицо ее светилось, и выражение на лице такое, какого не опишешь, не все люди даже раз в жизни преображаются так.

Снаружи, под окном, стоял юноша, тонкий, высокий, с золотыми волосами и прекрасным чистым прозрачным лицом, на фоне восходящего солнца и мать, и сын были окружены золотыми лучами... Они тихо говорили, мир не существовал для них. Наконец, она нагнулась, коснулась устами его бледного лба... Ни мать, ни сын не знали, что это их последняя встреча в этом мире. Долго она после стояла уже одна у окна и смотрела вдаль, слезы медленно текли по ее щекам. Не забываема картина скорби и молчаливого страдания и... надежды.

В то же самое утро, после всяких идиотских формальностей, нас доставили в фургонах на вокзал, набили нами скотские вагоны и без воды, в запломбированных вагонах, при ужасных условиях, повезли по направлению к германской границе. На третий день приехали на станцию Равенсбрюк и оттуда в лагерь.

Письмо Юры Скобцова из заточения о свидании с матерью 21 апреля 1943 г.

Мои любимые и самые дорогие! Как мне было отрадно получить от вас письмо! Стало быть, вы «тихо и мирно» живете – это для меня самая большая радость. Все время только о вас и думаю, вы же моя радость и мой смысл жизни. Вы уже, наверное, знаете, что я виделся с мусенькой (1) в ночь ее отъезда в Германию, она была в замечательном состоянии духа и сказала мне, что видела папу (2), у которого был слишком горестный вид, и что его очень нежно и крепко любит, что мы должны верить в ее выносливость и вообще не волноваться за нее, каждый день мы ее поминаем на проскомидии (и вас тоже), о басеньке (3) она сказала, что мы не ценили, как мы любим друг друга, и главное ее беспокойство – это о ней, ничего, не надо огорчаться, что оказалось мало друзей – зато мы теперь будем знать, кто наш настоящий друг. Передайте мою любовь и благодарность кумусеньке (4), я был абсолютно уверен в ней. Живем мы сейчас хорошо, в отдельной комнате, и каждое утро служим попеременно, как в монастыре, благодаря

ежедневным литургиям здешняя жизнь совершенно преобразилась, и я, честно говоря, ни на что не могу пожаловаться, живем мы вчетвером по-братски и любовно, с Димой (5) я на ты, и он меня готовит к священству. Надо уметь и стараться познавать волю Божию, ведь это меня всю жизнь влекло и, в конце концов, только это и интересовало, но запрещалось парижской жизнью и иллюзиями на «что-то лучшее», как будто м. б. что-то лучшее, но меня лишь немного мучают практические соображения: а м. б. вопрос женитьбы (6), но, по-моему, и это может легко разрешиться, в особенности если Господу будет угодно сделать из меня Его служителя; ты мне когда-то говорил, папа, что это «последнее дело». Но мне кажется, что ты ошибался. Нас очень взволновали церковные новости (7); папа, напиши Тамаре, чтобы она повидала компетентных лиц и подробно бы написала Диме (при первой же возможности) о церковном положении, волнующий вопрос след., является ли церковное соединение только с Петелем или также и с Берлинской юрисдикцией (8)? Очень я часто думаю о Ниццском владыке Владимире (9), который служит для меня образом истинного священнослужителя. Если сможете, то напишите ему о моих желаниях и моих чувствах к нему.

На меня удручающее впечатление и даже отталкивающее произвела ссора Кати с Жаном (10), Катя должна перестать быть «несчастной». Пусть в вас будет мир, живите любовно, ладно, не имейте злобы. И без того люди ненавидят друг друга. Меня ужасно трогает и изумляет ваше отношение ко мне, отправитель этой посылки получит ванну, мыло поделим. Если бы вы знали, как приятно чувствовать себя любимым. Я не нахваюсь и не нагоржусь Жаном. И Алиса меня бесконечно тронула своими печеньями. Слава Богу, отправка в Германию меня миновала, но чемандеут (11), на имя которого высылали посылки, уезжает. Я в июле имею право лишь на одну посылку, так как последняя вошла в счет июля. Пришлите мне шорты (легкоснимающиеся), эспадрильки, мою Библию на француз. языке (издания авв. грампон) – это в посылке «коли» вестимантер, которая не входит в счет двух. После двадцатого июля можете даже прислать первую на август (после 20-го их уже выдают). Я вам обещаю вынести с честью в сезон моногтония (12) и не падать духом, самое тяжелое уже позади. Это самое тяжелое было – отправка из Романвиля сюда (26-27 февраля). Теперь я на все готов, и моя главная мысль – это чтобы вы были живы и здоровы, а если так, то ничего не страшно. Храни вас Господь, мои любимые и хорошие.

Юра

Пояснения к тексту

(1) Мусенька – мама, маменька (мать Мария).

(2) Папа – Даниил Ермолаевич Скобцов.

(3) Басенька – бабушка Софья Борисовна Пиленко.

(4) Кумусенька – вероятно, сочетание слов кума и мусенька. Так Юра называл Софью Вениаминовну Медведеву, помощницу матери Марии, которая после ареста матери Марии продолжала ее работу на Лурмель. Так, в письме от 27 февраля 1943 г. мать Мария пишет родным: «...Я уверена, что С.В. прекрасно справляется без меня, и я ее благодарю за всю работу».

(5) Дима – отец Дмитрий Клепинин, священник Покровской церкви на Лурмеле. Был арестован в феврале 1943 г., первоначально лурмельская группа находилась в лагере Романвиль, с марта по декабрь заключен в Компьень, где вместе с ним сидело много русских, в том числе Юра Скобцов, Ф. Т. Пьянов, Ю.П. Казачкин и др. Отец Димитрий пишет о Юре в письме к жене Тамаре Федоровне: «Изучаем Pratt'a [Pratt – комментарии по-французски к Новому завету. –

Прим. ред.], читаем вслух или у меня на кровати, или на травке во дворе. Желал бы очень не разделяться с Юрой Скобцовым ради него, так как, думаю, я ему очень нужен» (от 23 марта 1943 г.).

(6) Речь идет об особом служении матушки (жены священника), о «внутреннем» принятии пастырского призвания мужа – не только в смысле литургическом, а именно жизненном.

(7) Значительные изменения в административной и церковной жизни, произошедшие в 1943 г., связаны с ослаблением в России гонений на церковь и попытками владыки Евлогия войти в общение с Московской Патриархией и последующим решением подчинить экзархат официальному церковному правительству Москвы. Тревога звучит в письмах многих узников. «Что же будет с православным Западом?» – пишет мать Мария в марте 1943 г.

(8) Петель – приход на улице Рй tel, оставшийся в единении с Московской Патриархией, когда митрополит Евлогий перешел под омофор Вселенского Патриархата. Берлинская юрисдикция – так называемая «Зарубежная церковь» (Карловацкая), центр которой при Гитлере был перенесен в Берлин.

(9) Епископ Владимир (Тихоницкий) (1873–1959), с 1924 г. епископ в Ницце, с 1946 г. стал во главе Западно-европейского экзархата Патриарха Вселенского.

(10) Катя, Жан, Алиса – большие друзья Юры. О Жане Юра пишет с большой теплотой в других своих письмах родным: «Я так рад, дорогие мои, что с вами Жан, который вас не покинет, я отношусь к нему, как к брату, и горжусь им» (от 24 августа 1943 г.).

(11) См. также выше, «отправитель этой посылки». В целях конспирации Юра не называет товарища по плену, на имя которого он иногда получал больше писем, чем позволял регламент компъеньского лагеря.

(12) Сезон монотония, буквально, – «монотон» (фр. «saison monotone»).

* Составление, публикация, комментарии Е.Д. Клепининой-Аржаковской.

** «Вечером, когда из лагеря выпускали кухонных работников, Юра вместе с ними проник через проволочную ограду, которая отделяла мужчин от женщин. От сумерек до рассвета он пробыл с матерью» (Прот. Сергей Гаккель. Мать Мария. М.: Всецерковное православное молодежное движение. С. 146). – Прим. ред.

Митрополит Вениамин (Федченков): Общая исповедь

Дневники, письма, воспоминания

В древности исповедь бывала открытой: грешник каялся пред всей Церковью. Но потом этот обычай был заменен теперешней тайной исповедью. Причина этого заключалась в том, что не у всякого хватало силы смирения бичевать себя публично пред всеми; а кроме того, подобная исповедь вводила в соблазн невинные души. Но вот бывают такие обстоятельства, что они вынуждают иногда пользоваться и общими исповедями. Главной причиной тут является громадное количество причастников, когда невозможно справиться не только одному, но даже и несколькими священникам. Остается одно из двух: или не допускать желающих до

причащения, а это болезненно и неспасительно; или же сделать общую исповедь для всех. Что избрать? В древние времена христиане причащались вообще без исповеди, жили свято, за исключением особых случаев. И эта практика существует доселе в греческой, сербской, сирийской Церквях. Я лично наблюдал это в некоторых приходах Югославии; видел в Крыму, когда азиатские беженцы от турок молились в приделе симферопольского собора, и в свое время их священник мерно обходил стройные ряды и причащал всех подряд, без исповеди. Слышал от очевидцев, как греческий смиренный священник после литургии шел еще со Святой Чашей по селу и причащал тех, кто по хозяйственным препятствиям не был в церкви: и эти — большей частью женщины — выбегали из своих хижин на улицу в чем были, кланялись в землю и с детской верою причащались Святых Божественных Таин. Картина такой первобытной чистой веры была умирительна. Эти и другие примеры показывают, что Церковь допускает возможность причащения и без исповеди, и даже считает это нормальным порядком для добрых христиан; поэтому на всякой литургии она приглашает «верных»:

- «Со страхом Божиим и верою приступите» к причащению...

Прежде и приступали. Св. Василий Великий говорит, что в его время люди причащались по 3 и по 4 раза в неделю. А Златоуст отвечает:

- Не спрашивай: сколько раз; а скажи: как ты приступаешь?

Конечно, и теперешний способ говения и причащения один раз в году тоже имеет свой смысл, чтобы верующие с большим страхом, благоговением, приготовлением, очищением, покаянием, ответственностью приступали ко святому причащению, именно со страхом Божиим. Но этот обычай совсем не есть закон, обязательный на все случаи. Во время трудного периода последних тридцати лет Церковь наша разрешала желающим и еженедельное причащение, при условии, если это благословляет местный духовник для желающих. И нормально — перед каждым причащением нужно исповедоваться каждому. А если таких желающих оказывалось бы много, тогда дозволялось духовнику делать и общую исповедь. Но при этом внушалось, что имеющий какие-либо особые нужды духовные должен подойти после к духовнику и раскрыть ему душу, чтобы получить и особое разрешение.

Так иногда делалось в разных приходах. Но я хочу рассказать, как при мне происходила общая исповедь у о. Иоанна [Кронштадтского].

Мы с юношеской простотою обратились к нему в алтаре:

-Батюшка! Нам бы хотелось видеть вашу общую исповедь.

Он с простотой и любовью ответил:

- Я только вчера совершил ее. Но ради вас я и ныне покажу вам, как она делается мною.

Перед причащением о. Иоанн вышел через Царские врата на амвон и сказал приблизительно следующую проповедь. Привожу ее в извлечении.

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь! — с силой начал он. — Царь и псалмопевец Давид сказал: «Бог с Небесе приниче на сыны человеческия, видети, аще есть разумевай или взыскай Бога? Все уклонишася, вкупе непотребни быша, несть творяй благое, несть до единого» (Пс 52).

По-русски: «Господь посмотрел с Неба...» и т. д. Батюшка перевел псалом на русский язык. Затем обратился ко всем с указанием, что и в наше время — все уклонились в грехи... И он

начал перечислять их... В храме стали раздаваться всхлипывания, рыдания, потом восклицания:

- Батюшка! Помолись за нас!

Тогда батюшка на весь храм воскликнул:

- Кайтесь!

В храме поднялся всеобщий вопль покаяния: каждый вслух кричал о своих грехах; никто не думал о своем соседе; все смотрели только на батюшку и в свою душу... И плакали, и кричали, и рыдали... Так продолжалось не одну минуту... Затем о. Иоанн дал рукою знак, чтобы верующие стихли. Довольно скоро шум утих. И батюшка продолжал свою проповедь:

«Видите: как мы все грешны. Но Отец наш Небесный не хочет гибели чад Своих. И ради спасения Он не пожалел Сына Своего Единородного, послал Его в мир для нашего искупления, чтобы ради Него простить все наши грехи. И не только – простить нас, но даже позвать нас на Свой Божественный пир! Для этого Он даровал нам великое Чудо, даровал нам в пищу и питье Св. Тело и Св. Кровь Самого Сына Своего, Господа нашего Иисуса Христа. Этот чудесный пир совершается на каждой литургии, по слову Самого Господа: «Примите, ядите, Сие есть Тело Мое!» и: «Пейте от нея (Чаши) вси, сия есть Кровь Моя».

Как в притче, отец с любовью принимает своего прегрешившего, но покаявшегося блудного сына и устраивает ему богатый пир, радуясь его спасению, — так и ныне Отец Небесный ежедневно и каждому кающемуся учреждает Божественную Трапезу – св. причащение.

Приходите же с полною верою и надеждой на милосердие нашего Отца, ради ходатайства Сына Его! Приходите и приступайте со страхом и верою к святому причащению.

А теперь все наклоните свои главы; и я, как священнослужитель, властью Божией, данной нам, прочитаю над вами отпущение грехов».

Все в благоговейной тишине склонили головы; и о. Иоанн поднял на воздух над всеми свою епитрахиль и прочитал обычную разрешительную молитву, совершая над всею церковью знамение креста при словах «прощаю и разрешаю»... «во имя Отца и Сына и Святаго Духа»...

Затем началось причащение.

[...]

Много лет спустя, уже за границей, мне привелось самому быть участником подобной исповеди. Но должен откровенно сознаться, что она на меня не произвела такого действия, силы и мира, какие почти всегда сопровождают отдельную, личную, тайную, обычную исповедь. А у о. Иоанна была особая сила Божия.

* Печатается по: Митр. Вениамин (Федченков). Божьи люди. Мои духовные встречи. М., 1997. С. 205-209.

Григорий Саввич Сковорода: Сад божественных песней, прозябший из

ЗЕРЕН СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ

Поэзия

В ближайших номерах нашего журнала мы предполагаем опубликовать небольшой очерк о жизни и творчестве украинского мыслителя Григория Саввича Сковороды (1722-1794 гг.), этого, по словам С.С. Аверинцева, «необычного поэта, мудреца и прозорливца с чертами высокого юродства», а пока предлагаем читателю его стихи.*

*«Сад божественных песней, прозябших из зерен Священного писания», состоит из тридцати стихотворений. «Это — лирика Сковороды, торжественная величавая и правдивая, — пишет В. Эрн. — Не входя в эстетический разбор «песней» Сковороды, скажу только, что это настоящие песни, а не просто стихи. Они предназначались для пения, иногда в несколько голосов, сопровождаемого игрой самого Сковороды на разных инструментах — флейте, сопилке, бандуре, скрипке, флейттраверсе, гусях, — и конечно, в таком виде сильно выигрывали. По словам Ковалинского (ближайшего друга и биографа Сковороды — ред.), они исполнены были «гармонии простой, но важной, проникающей душу»**.» В. Эрн. «Григорий Саввич Сковорода». Москва, Путь, 1912, с. 76.*

*«Поэзия Сковороды — поэзия песенная: за ее интонациями — напевы лирников и бандуристов родной Украины и европейская музыкальная культура эпохи барокко. Тогда музыка умела плакать и ликовать с такой цельностью и силой, с таким мудрым и простодушным соединением стихийности и церемонности, как никогда ни ранее, ни позже. От духа этой музыки — и резкость эмоционального порыва, мощного, как явление сил природы: «Ах ты, тоска проклята! о докучлива печаль! Грызешь меня измлада, как моль платье, как ржа сталь». От него — и бодрость народного танца, в которой выражает себя внутренняя свобода мудреца; от него — и рассудительность, менее всего сухая, служащая зеркалом целомудренной упорядоченности душевного строя. Кто не расслышит в поэтическом слове Сковороды мелоса — ничего не поймет в нем.»*Замечательно, что русский философ Владимир Соловьев состоял по материнской линии в родстве с украинским мыслителем. «Это отдаленное кровное родство — словно внешний символ куда более тесного духовного родства»*, — говорит С. С. Аверинцев, отмечая сходство не только в их мысли и судьбе, но и в их стихах, которые он называет «угловатыми». Мы приглашаем нашего читателя совершить внутреннее усилие и прорваться сквозь эту «угловатость» и тогда они «скажут нам нечто, чего мы не услышим больше ни от кого. Вправду скажут, если мы будем вслушиваться как надо, с доверием и верностью, если мы посмеемся с ними их освобождающим смехом и разделим с ними их серьезность, которая поистине не от мира сего. И тогда одна строка может дать ориентир для целой жизни.»** См. С.С. Аверинцев. Два странника. «Родина», 1, 1989, с. 66.*

Григорий Саввич СКОВОРОДА (1722-1794) САД БОЖЕСТВЕННЫХ ПЕСНЕЙ, ПРОЗЯБШИЙ ИЗ ЗЕРЕН СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ**

** По изд.: Григорий Сковорода. Сад божественных песней. Киев. «Дніпро». 1988 г.

ПЕСНЬ 2-Я Из сего зерна: По земле ходяще, обращение имама на небесех.

Оставь, о дух мой, вскоре все земляныи места!
Взойди, дух мой, на горы, где правда живет
свята, Где покой, тишина от вечных царствует лет,
Где блещит та страна, в коей неприступный свет.

Оставь земны печали и суетность мирских дел! Будь чист хоть на час малый, дабы ты выпрыгнул и возлетел, Где Иаковль Господь, где невечерня заря, Где весь ангельский род лице Его выну зрят.

Се силоамски воды! омый скверну от очес, Омый все членов роды, дабы возлететь до небес, Ибо сердцем нечист не может Бога узреть И нельзя до сих мест земленному долететь.

Душа наша телесным не может довольна быть: Она только небесным горит скуку насытить. Как поток к морю скор, так сталь к магниту прядет, Пламень дрожит до гор, так дух наш к Богу взор рвет. Кинь весь мир сей прескверный. Он-то вточь есть темный ад. Пусть лежит невежь враг черный; ты в горний возвысись град. И, по земле ходя, вселися на небесах, Как учит Павел ты в своих чистых словесах.

Спешите же во вечну радость крыльми умными отсель, Ты там обновишь радость, как быстропарный орел. О треблаженна стать, всего паче словесе! Кто в свой ум может взять, разве сшедый с небесе?

Конец

ПЕСНЬ 7-Я Воскресению Христову. Из сего зерна: Единонадесять ученицы идоша в Галилею на гору, амо же повеле им Иисус. Пасха!

Кто ли мене разлучит от любви Твоей? Может ли мне наскучить дивный пламень сей? Пусть весь мир отбежит! Я буду в Тебе жить, о Иисусе! Веди меня с Тобою в горний путь на крест; Рад я жить над горою, брошу долню персть. Смерть Твоя — мне живот, Желчь Твоя — сластей род, о Иисусе! Язвы Твои суровы — то моя печать, Венец мне Твой терновый — славы благодать, Твой сей поносный крест — Се мне хвала и честь, о Иисусе! Зерно пшенично в нивах естли согниет, Внешность естли нежива, нов плод внутрь цветет. За один старый клас В грядущий летний час сторичный дает плод.

Сраспни мое Ты тело, спригвозди на крест; Пусть буду звне не целой, дабы внутрь воскрес. Пусть внешний мой изсхнет, Да новый внутрь цветет; се смерть животна.

О новый мой Адаме! О краснейший Сын! О всегосветный сраме! О буйства Афин! Под буйством Твоим свет, Под смертью — жизнь без лет. Коль темный закров!

Конец

ПЕСНЬ 9-Я Святому Духу. Из сего: Дух Твой благий наставит мя на землю праву. Снизшед, языки слия. Разгласная возшуме. Голова всяка свой имеет смысл; Сердцу всякому своя любовь, И не однака всем живущим мысль: Тот овец любит, а тот козлов. Так и мне вольность одна есть нравна И безпечальный препростый путь. Се — моя мера в житии главна; Весь окончится мой циркуль тут.

Ты, святыи Боже и веков Творец, Утверди сие, что Сам создал. При Тебе может все в благий конец Так попасти, как в магниту сталь. Аще ж не право зрит мое око, Ты мене, Отче, настави здесь; Ты людских видиши, сидяи высоко, Разных толь мнений безщетну смесь.

Тот на восточный, сей в вечерний край Плывет по щастье со всех ветрил, Иной в полночной стране видит рай, Иной на полдень путь свой открыл. Один говорит: вот кто-то косит! А другой спорит: се ктось стрижет, А сей: у воза пять кол, голосит. Скажи: кий бес нам в прах мысль сечет? Конец

ПЕСНЬ 10-Я Из сего зерна: Блажен муж, иже в премудрости умрет и иже в разуме своем

поучается святыне (Сирах).

Всякому городу нрав и права; Всяка имеет свой ум голова; Всякому сердцу своя есть любовь, Всякому горлу свой есть вкус каков, А мне одна только в свете дума, А мне одно только не идет с ума. Петр для чинов углы панский трет, Федька-купец при аршине все лжет. Тот строит дом свой на новый манер, Тот все в процентах, пожалуй, поверь! А мне одна только в свете дума, А мне одно только не идет с ума. Тот непрестанно стяжает грунта, Сей иностранны заводит скота. Те формируют на ловлю собак, Сих шумит дом от гостей, как кабак, — А мне одна только в свете дума, А мне одно только не идет с ума. Строит на свой тон юриста права, С диспут студенту трещит голова. Тех беспокоит Венерин амур, Всякому голову мучит свой дур, — А мне одна только в свете дума: Как бы умерти мне не без ума. Смерте страшна, замашная косо! Ты не щадишь и царских волос, Ты не глядишь, где мужик, а где царь, — Все жереш так, как солому пожар. Кто ж на ея плюнет острую сталь? Тот, чья совесть, как чистый хрусталь... Конец

ПЕСНЬ 15-Я Великой Субботе. Из сего зерна: Почти Бог в день седьмый. Еще внидут в покой мой. Лежишь во гробе, празднуешь субботу По трудах тяжких, по кровавому поту. Князь никоих дел в тебе не имеет, Князь сего мира, что всеми владеет. О неслыханны се следы! О новый роде победы! О сыне Давидов! Сыне Давидов, Лазаря воззавый Из мудростей земных до небесной славы, Убий телесну и во мне работу! Дажь мне с Тобою праздновать субботу, Дажь мне ходить в Твои следы, Дажь новый сей род победы, О сыне Давидов! Конец

ПЕСНЬ 16-Я В сию силу: Дугу мою полагаю во облаце.

Прошли облака. Радостна дуга сияет. Прошла вся тоска. Свет наш блистает. Веселие сердечное есть чистый свет ведра*, Если миновал мрак и шум мирского ветра. О прелестный мир! Ты мне — океан, пучина. Ты — мрак, облако, вихрь, тоска, кручина. Се радуга прекрасная мне ведро блистает, Сердечная голубочка мне мир вещает. Прощай, о печаль! Прощай, прощай зла утроба! Я на ноги встал, воскрес от гроба. О отрасли Давидовска! Ты брег мне и кифа, Ты радуга, жизнь, ведро мне, свет, мир, олива. Конец **ПЕСНЬ 28-Я** О тайном внутри и вечном веселии боголюбивых сердец. Из сих зерен: Веселие сердца — живот человеку, и радование мужа — долгоденствие; Иже аще погубит душу свою мене ради, той спасет ю. Что пользы человеку, аще приобрящет мыр весь, отщелтитя же души своей?

Возлети на небеса, хоть в версальский леса**, Вздень одежду золотую, Вздень и шапку хоть царскую; Когда ты невесёл, то всё ты нищ и гол. Проживи хоть 300 лет, проживи хоть целый свет, Что тебе то помогает, Естли сердце внутри рыдает? Когда ты невесёл, то всё ты мертв и гол. Завоюй земный весь шар, будь народам многим царь, Что тебе то помогает, Аще внутри душа рыдает? Когда ты невесёл, то всё ты подл и гол. Брось, пожалуй, думать мне, сколько жителей в луне! Брось Коперниковски сферы***. Глянь в сердечные пещеры! В душе твоей глагол, вот будешь с ним весёл! Бог есть лутчий астроном, Он наилутчий економ. Мать блаженная натура**** Не творит ничто же здура. Нужнейшее тебе найдешь то сам в себе. Глянь, пожалуй, внутри тебе: сыщешь друга внутри себе, Сыщешь там вторую волю, Сыщешь в злой блаженну долю: В тюрьме твоей там свет, в грязи твоей там цвет. Правду Августин певал: ада нет и не бывал*****, Воля — ад твоя проклята, Воля наша — пещь нам ада. Зарежь ту волю, друг, то ада нет, ни мук. Воля! О несытый ад! Все тебе ядь, всем ты яд. День, ноц челюстями зеваешь, Всех без взгляда поглощаешь; Убий ту душу, брат, как упразднишь весь ад. Боже! О живой глагол! Кто есть без Тебе весёл? Ты един всем жизнь и радость, Ты един всем рай и сладость! Убий злу волю в нас, да Твой владеет глас! Дажь пренужный дар нам сей; славим Тя, Царя царей. Тя поет и вся вселенна, В сем законе сотворенна, Что нужность не трудна, что трудность не нужна. Конец

* Ведро значит небесную светлость и чистоту воздуха; вошло в славянский язык из еллинского; у них светлость воздуха глаголется: ... — Прим. автора** Версалия (Versailles)

именуется французского царя едем, сиречь рай, или сладостный сад, неизреченных светских утех исполнен. — Прим. автора*** Коперник есть новейший астроном. Ныне его систему, сиречь план, или типик, небесных кругов весь мир принял. Родился над Вислою, в польском городе Торуне. Сист[ему] свою издал в [1543 г.]. Сфера есть слово еллинское, славенски: круг, клуб, мяч, глобус, гира, шар, круг луны, круг солнца» — Прим. автора**** Блаженная натура есть имя Господа Вседержителя. — Прим. Автора*****5 Ад есть слово еллинское, значит темницу, место преисподнее, лишенное света, веселия и дражайшия злата — свободы. Адский узник есть зеркалом пленников мучительныя своея воли, и сия лютая фурия непрерывно вечно их мучит. — Прим. автора*Pro memoria, или припоминание*. Самое сущее Августиново слово есть сие: «Tolle voluntatem propriam et tolletur infernus — «Истреби волю собственную — и истребится ад». Как в зерне маврийский дуб, так в горчичном его слове сокрылася вся высота богословския пирамиды и аки бездна жерлом своим пожерла весь Иордан богомудрия. Человеческая воля и Божия суть два врата — адова и небесная. Обретший среде моря своея воли Божию волю — обрете кифу, сиречь гавань оную: «На сем камне утвержу всю церковь Мою». «Таится сие им, яко небеса» и проч. «И земля (се она обетованная! зри, человеце) посреди воды...» Аще кто преобразил волю во волю Божию, воспевая сие: «Ищезе сердце мое» и проч. Сему Сам Бог есть сердцем. Воля, сердце, любовь, Бог, Дух, Рай, гавань, блаженство, вечность есть тожде. Сей не обуреваются, имея сердце оное: «Его же волею вся управляются». Августиново слово дышет сим: «Раздерите сердца ваши». «Возьмите иго Мое на себе». «Умертвите уды ваша». «Не яже хотите... сия творите». «Несть наша противу крови и плоти». «Враги человеку домашнии его». «На аспида и василиска наступиши». «Той сотрет твою главу...» и проч.